

MATTHIAS WEINREICH

MIGRATION AND LANGUAGE
PASHTO SPEAKERS IN THE HIGH MOUNTAINS OF
PAKISTAN

YEREVAN ORIENTAL SERIES

Edited by
Garnik S. Asatrian

Vol. 4

Ереванский государственный университет
Кафедра иранистики

МАТТИАС ВАЙНРАЙХ

МИГРАЦИЯ И ЯЗЫК

ПУШТУНЫ В ПАКИСТАНСКОМ ВЫСОКОГОРЬЕ

Ереван
Кавказский центр иранистики
2014

УДК 801:93/99

ББК 81+63.3

В120

Утверждено к печати Ученым Советом Факультета востоковедения
Ереванского государственного университета

Фотографии: Сильвия Делогу

Вайнрайх М.

В120 “Миграция и язык: Пуштуны в пакистанском высокогорье”. /М. Вайнрайх;
ЕГУ Кафедра иранистики; Ответств. ред.: Г. Асатрян, Ереван: Кавказский центр
иранистики, 2014. 180с.

Книга посвящена вопросам языка и языковой среды пуштунских мигрантов севера Пакистана. Основная цель работы – анализ роли пуштунских мигрантов в многоязычной среде региона и влияния этой среды на выбор модели коммуникации и языка общения. Работа, почти целиком основанная на полевом материале автора, будет однозначно интересна востоковедам (прежде всего иранистам, специалистам по афганскому языку и этнографии афганцев), социологам и социолингвистам.

УДК 801:93/99

ББК 81+63.3

ISBN 978-99930-69-86-7

© Кавказский центр иранистики, 2014

Yerevan State University
Department of Iranian Studies

MATTHIAS WEINREICH

MIGRATION AND LANGUAGE
PASHTO SPEAKERS IN THE HIGH MOUNTAINS OF
PAKISTAN

Caucasian Centre for Iranian Studies
Yerevan 2014

ОТ РЕДАКТОРА

Четвертый том *Yerevan Oriental Series* представляет фундаментальную работу немецкого исследователя Маттиаса Вайнрайха, посвящённую языку и языковой среде пуштунских мигрантов на севере Пакистана – *Northern Areas of Pakistan* (далее NAP). Автору – выпускнику Восточного факультета Ленинградского университета (ныне СПбГУ), прошедшему аспирантуру Кафедры иранистики Ереванского госуниверситета – удалось создать замечательный труд, почти целиком основанный на полевом материале. Материал этот, записанный в период длительной командировки автора в NAP (1993 -1997гг.), являет собой уникальный в своем роде корпус этноязыковых данных, включающий скрупулёзно систематизированные оригинальные тексты, которые отражают как социолингвистическую ситуацию в регионе, так и лингвистические характеристики языка пуштунов Пакистана.

Основная цель книги – определение роли пуштунских мигрантов в многоязычной среде NAP и анализ влияния этой среды на выбор модели коммуникации и языка общения. Попутно автор доходчиво излагает историю пуштунского переселения в NAP, иллюстрируя её воспоминаниями пуштунов и других местных жителей, что дает читателю возможность непосредственно соприкоснуться с мировосприятием опрошенных.

Пушту (афганский) является одним из более чем 60 языков, распространенных на территории Пакистана, на котором говорят около 23 миллионов человек, в основном проживающих в северо-западной пограничной провинции, в Белуджистане и на Федерально Управляемых Племенных Территориях – *Federally Administered Tribal Areas*. Язык разделен на множество диалектов, большинство из которых относятся к определенному географическому ареалу, а некоторые имеют надрегиональный характер. На протяжении веков пушту взаимодействовал с соседними языками, оказывая влияние на их лексику и грамматику, а иногда и вытесняя их. В то же время и сам пушту подвергался влиянию более важных надрегиональных языков, таких как персидский, а также тюркские и индоарийские языки.

В середине 1990-х годов в NAR было зафиксировано более десяти крупных этнолингвистических групп, которые говорили на языках, принадлежащих к индо-арийской, сино-тибетской, иранской и тюркской языковым семьям и группам.

Самыми распространенными были дардские языки: шина и кховар, изолированный язык бурушаски и балти (западный тибетский). Меньший ареал охватывали индоарийский язык гуджари, тюркский — уйгурский и восточно-иранский — пушту, а урду (принадлежащий к центральной индоарийской группе) функционировал как главный региональный язык общения — *lingua franca*.

В работе представлены динамика миграционных процессов пуштунов и закономерности языковых взаимодействий среди переселенцев. Миграции пуштунов в NAR начались еще в XIX веке. При этом, с самого начала пуштуязычные мигранты разделялись на две группы: постоянные и временные. Представители первой группы использовали родной язык главным образом в семье, тогда как временные мигранты говорили на нем во всех ситуациях. Урду использовался при общении с непуштуязычными группами.

В северных областях Пакистана родной язык всегда воспринимался как важный маркер идентичности пуштунов — в меньшей степени, чем на исторических афганских территориях. Именно этот фактор и стал решающим в обеспечении языковой преемственности и непрерывности культурной традиции.

Одно из безусловных достоинств книги — ее, так сказать, визуальная насыщенность: она изобилует профессиональными фото, живо отражающими местную среду, а также графами и таблицами, делающими картину анализа более наглядной и существенно повышающими значимость проделанного труда.

ГАРНИК АСАТРЯН

19 сентября 2014
Ереван

ВВЕДЕНИЕ

Пушту – индоевропейский язык, который относится к восточноиранской группе и является одним из национальных языков Пакистана и Афганистана.¹ В Пакистане в 1998 году количество носителей языка пушту составляло 15,42 % от всего населения страны, и оценивалось примерно в 23 миллиона человек.²

Носители языка пушту обычно называют себя пуштунами (пуш.: ед. ч. *paṣṭun*, мн. ч. *paṣṭān*)³. Другим принятым обозначением пуштунов является слово "афганец" (пуш.: ед. ч. *afġān*, мн. ч. *afġānān*).⁴ Помимо этого, в Пакистане пуштунов часто именуют патанами (урд.: *paṭhān*), однако этим определением, как правило, пользуются только носители других языков.

¹ Другими национальными языками в Пакистане являются урду, пенджабский, синдхи, белуджский и английский. В Афганистане вторым национальным языком является дари.

² Согласно Т. Рахману (Rahman) 2006, с. 73, который ссылается на последнюю перепись населения Пакистана, в стране в 1998-ом году на пенджабском языке говорило 44,15 % населения (66.225.000 человек), на пушту – 15,42 % (23.130.000 человек), на синдхи – 14,10 % (21.150.000 человек), на сирайки – 10,53 % (15.795.000 человек), на урду – 7,57 % (11.355.000 человек), на белуджском – 3,57 % (5.355.000 человек), на других языках – 4,66 % (6.990.000 человек). В Афганистане с 1979-го года переписи населения не проводились. Согласно П. О. Шервё (Skjærvø) 1989, с. 384, который опирается на данные переписи 1979-го года, в 1980-ые годы в Афганистане на языке пушту говорило более 50% населения страны.

³ В данной работе транскрипция пушту следует норме, предложенной Дж. Ченгом (Cheung) 2010, 2011, со следующими отличиями: 1) [dz] транскрибируется как [ʒ], 2) исторически долгий гласный [ā] противопоставляется коротким гласным [a], хотя в некоторых позициях их звучания совпадают. Имена людей и названия местностей, будь то на языке пушту или на каком-либо ином языке, представлены в упрощенной форме.

⁴ Исконным значением слова *afġān* является "пуштун". Таким образом, первоначально топоним "Афганистан", принятый в качестве официального названия страны после царствования первого афганского правителя *Ахмад Шаха Дуррани* (пуштуна по этническому происхождению), означал не что иное, как "земля пуштунов". Лишь в XX веке слово *afġān* приобрело значение "гражданин/гражданка Афганистана" вне зависимости от его/ее родного языка и этнической принадлежности.

Традиционно пуштунское общество организовано по родоплеменному принципу. На сегодняшний день существует более ста племен (пуш.: *qom*) и родов (пуш.: *xel*), названия большинства из которых восходят к имени их мифического родоначальника. Многие пуштуны до сих пор прочно интегрированы в племенную систему. Другие же, живущие преимущественно в городах, расположенных за пределами ареала традиционного расселения пуштунских племен (см. главу 1), отделились от социальной структуры племени, хотя и они, как правило, все еще в состоянии определить свою историческую принадлежность к тому или иному роду. Более того, в Пакистане (как и в Афганистане и в северной Индии) имеется целый ряд общин, которые хотя и прослеживают корни своих предков вплоть до ареала традиционного расселения пуштунских племен и все еще называют себя "патанами" или "пуштунами", на языке пушту больше не говорят (Nichols 2008, сс. 89, 102).

Пуштунское общество зиждется на двух нормативных столпах. Один из них – знаменитый неписанный поведенческий кодекс Пуштунвали, делающий упор на такие качества, как гостеприимство, честь и кровная месть.⁵ Другим столпом пуштунского общества является ислам. В Пакистане пуштуны обычно примыкают к суннитам, последователям Ханафитской религиозно-правовой школы. Однако на Федерально Управляемых Племенных Территориях Куррам и Оракзай испокон веков проживает религиозное меньшинство пуштуязычных шиитов. В Пакистане пуштунские сунниты традиционно причисляются к самым консервативным мусульманам страны. В последние десятилетия, в результате вооруженного сопротивления против советской (1979-1988 гг.) и западной (с 2001 года) оккупаций Афганистана, среди пуштунов крепко утвердилась воинствующая идеология исламистов. Таким образом, в настоящее время к активным сторонникам движения талибов можно причислить и немалое количество пуштуязычных

⁵ Для подробного ознакомления с системой Пуштунвали см. В. Глатцер (Glatzer) 2002, который также приводит ссылки на другую научную литературу по этому вопросу.

выходцев из Пакистана, действующих как на своей родине, так и в соседнем Афганистане.

В Пакистане ареал традиционного расселения пуштунских племен включает в себя Северо-Западную Пограничную Провинцию⁶, некоторые части Белуджистана, а также Федерально Управляемые Племенные Территории.

Распределение носителей пушту на столь большой и географически разнородной территории способствовало формированию многочисленных диалектов. Такое наличие целого ряда языковых разновидностей можно рассматривать как характерную особенность пушту. Разные варианты языка, в свою очередь, можно объединить в более крупные диалектные группы, которые отличаются друг от друга наличием вариантов на фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Более того, даже близкие друг к другу говоры внутри одной и той же диалектной группы часто расходятся в семантике отдельных слов и выражений. В частности, диалектная раздробленность пушту дает о себе знать при общении носителей различных диалектов – используя общий родной язык, собеседники испытывают трудности в понимании друг друга. Другой феномен, связанный с распространением носителей пушту на обширной территории, касается сосуществования пушту с соседствующими с ним языками.

В последние десятилетия иранистика обращала усиленное внимание на вышеназванные феномены. Однако абсолютное большинство работ по диалектологии носит чисто лингвистический характер, а исследования по взаимодействию пушту с соседними языками ограничиваются, как правило, рассмотрением данного вопроса с исторической точки зрения. Функционирование пушту в иноязычной среде на данный момент почти не изучено.

В Пакистане типичными областями, в которых можно одновременно проследить как феномены междиалектного, так и межъязыкового общения, являются Пешавар, Кветта и Дера-Исмаил-Хан – крупные

⁶ В 2010-ом году Северо-Западная Пограничная Провинция Пакистана была переименована в провинцию Хайбер-Пахтунхва (Khyber Pakhtunkhwa).

города, расположенные в пределах ареала традиционного расселения пуштунских племен. За пределами этого ареала областями подобного языкового взаимодействия являются города и поселения, в которых обосновались пуштуязычные мигранты. Миграция пуштуязычного населения из ареала традиционного расселения пуштунских племен в другие регионы Индийского субконтинента – явление с многовековой традицией.⁷ Сегодня в крупных городах Пакистана, таких, как Лахор, Равалпинди и, в особенности, Карачи, проживают сотни тысяч пуштунов. Большинство из них переселились в эти места в течение последних 20-30 лет, причем некоторые с целью постоянного проживания, другие же – на время, исключительно в поисках работы.⁸

На территорию Пакистанского высокогорья пуштуны,⁹ по сравнению с другими жителями региона, прибыли относительно недавно. Несмотря на то, что пуштуны представляют лишь небольшую часть населения этого региона, высокий экономический потенциал и значительное социальное влияние носителей языка пушту обеспечили и продолжают обеспечивать им особую позицию среди этнолингвистических групп, проживающих в этой отдаленной части страны.

⁷ Для более подробного ознакомления с историей миграции пуштунских племен из ареала их традиционного расселения в южном и юго-восточном направлениях см. Р. Николс (Nichols) 2008.

⁸ Согласно переписи населения Пакистана, проведенной в 1998-ом году, в провинциях Пенджаб, Синд и Белуджистан проживало свыше одного миллиона мигрантов родом из ареала традиционного расселения пуштунских племен, см.: Government of Pakistan 1998: www.statpak.gov.pk/depts/pco/statistics/other_tables/migrant.pdf.

⁹ Пуштуны, проживающие в высокогорных районах северного Пакистана, принадлежат к различным племенам, этническим группам и социальным слоям и не считают себя однородной общностью. Единственной объединяющей их всех отличительной чертой является их родной язык пушту, благодаря которому представители других этнолингвистических групп региона относятся к ним как к однородному коллективу. Такое же определение пуштунов по языковому принципу лежит в основе данной работы. Следовательно, термины пуштун(-ы), пуштуязычный(-ые), патан(-ы) используются мной как синонимы и применяются к любому лицу, который во время моих полевых исследований пользовался пушту в качестве родного языка.

Прибытие пуштуязычных мигрантов в Северные Территории сегодняшнего Пакистана¹⁰ началось в XIX веке. Самые ранние письменные источники упоминают о странствующих торговцах-пуштунах в местностях, граничащих с Читралом, а также о существовании пуштуязычных поселенцев в долинах к северу от Индского Кохистана. На протяжении всего XX века численность пуштуязычного населения в Каракорумских горах значимо увеличивалась. Первый ощутимый рост пришелся на 1920 и 1930 гг., второй – на период после раздела Британской Индии, достигший своего временного пика в годы, последовавшие за открытием Каракорумского шоссе в 1978-ом году.¹¹ Усилившаяся за последнее столетие миграция в пределах северного Пакистана в значительной мере привела к качественным изменениям в языках и в социалингвистической среде групп населения, проживавших в Северных Территориях. Эти изменения относятся не только к представителям автохтонных этнолингвистических групп региона, таким, как, например, говорящие на языках шина, балти и кховар, но и к недавно прибывшим мигрантам, таким как пуштуны.

В последние десятилетия был опубликован ряд социалингвистических исследований, рассматривающих отдельные языки автохтонных

¹⁰ До недавнего времени Северные Территории – провинция, занимающая центральную часть Пакистанского высокогорья – были разделены на пять административных единиц – округа Гильгит, Гизар, Диамер, Скарду и Ганче. В 2004 году правительство Пакистана объявило о создании шестого территориального образования – округа Астор, охватывающего одноименную долину в восточной части Диамера. Более того, в 2009 году Северные Территории были переименованы в Гильгит-Балтистан. Несмотря на все эти изменения, в данной работе я буду ссылаться на старое название и административно-территориальное деление Северных Территорий, так как они были в употреблении в период проведения исследования, ставшего основой для данной книги.

¹¹ Перепись, проведенная правительством Пакистана в Северных Территориях в 1981 году, определила общее число пуштуязычного населения приблизительно в 4600 человек; см. Г. Кройцман (Kreutzmann), 2005b, с. 2. Учитывая быстрый экономический рост региона в 1980-е и 1990-е гг., заметно стимулировавший миграцию пуштунов из других частей Пакистана, в середине 1990 гг. численность пуштунских мигрантов во всех пяти округах Северных Территорий, по моим приблизительным подсчетам, достигала около 5.000-5.500 человек, что составляло примерно 0,8-0,9% от всего населения Северных Территорий.

этнолингвистических групп северного Пакистана. Эти работы посвящены изучению таких вопросов, как языковой сдвиг и утрата исконного родного языка на примере языков калаша (Decker 1992a), пхалупа (Morch 2000), кундал шахи (Rehman, Baart 2005) и думаки (Weinreich 2010); стандартизация языка и создание алфавита для языков шина, кховар (Buddruss 1983a) и калаша (Heegard 2000); изменения, обусловленные языковыми контактами, в ваханском языке и языке кховар (Bashir 2001, 2007); проблематика сохранения ваханского языка (Reinhold 2006, сс. 84-107).

Отдельно следует отметить масштабное "Социоллингвистическое исследование северного Пакистана", изданное в 1992 году под редакцией К. Ф. О'Лири (O'Leary), которое содержит отдельные работы по следующим языкам: балти, бурушаски, ваханский, думаки, кховар, гуджури, пушту (все они распространены в Северных Территориях), а также йидга (мунджанский), пхалупа, калаша, дамели, кати, камвири, гавар-бати, хиндко, ванечи, ормури, гаври, торвали, ушоджи, индский кохистани (майян), чилиссо, габаро (говро) и батери (распространенные на территории Северо-Западной Пограничной Провинции). Этот обширный пятитомный труд является результатом полевых исследований, проведенных во второй половине 1980-х гг. группой ученых. Их внимание было сосредоточено на изучении целого ряда вопросов социоллингвистического характера, включавших географическое и численное распределение языков, диалектологию, существующие языковые контакты, отношение носителей к своему родному языку, сохранение языка и тенденции сдвига от родного к другому языку. К сожалению, изложенные в упомянутом источнике результаты полевых изысканий не были подхвачены и продолжены другими исследователями лингвистического многообразия Пакистана. Скорее всего, это объясняется традиционно нестабильной политической ситуацией и вопросами безопасности в стране.

Предмету распределения языков посвящены работы Германа Кройцмана (Kreutzmann 1995, 1998, 2005b). Основываясь на собственных эмпирических исследованиях обширного ареала, включающего северный

Пакистан, Бадахшан (Афганистан/Таджикистан) и Синьцзян (Китайская Народная Республика), Кройцман занимается проблематикой экстремального языкового разнообразия, анализируя его исторические и территориальные аспекты методами социальной географии. Похожую методологию, но на материале гораздо меньшего масштаба, применил А. Хольдшлаг (Holdschlag 2006) в своей статье "Языковое разнообразие и современные процессы межкультурного взаимодействия в северном высокогорье Пакистана". В этой статье автор предлагает краткое исследование языков, распространенных в современном Читрале.

Кройцман и Хольдшлаг сознательно включили в свой анализ языки мигрантов, прибывших в данный ареал относительно недавно (например, гуджури, пушту и уйгурский) – тематика, в данном контексте редко рассматриваемая другими исследователями.

По сравнению с большим количеством публикаций о различных аспектах фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики языка пушту¹², существует чрезвычайно мало работ, затрагивающих социолингвистическую сторону бытования и взаимодействия этого широко распространенного восточноиранского языка. Единственное исследование, охватывающее более разнообразный круг социолингвистических вопросов, было предпринято Д. Г. Холлбергом (Hallberg 1992a) и опубликовано отдельным томом в рамках уже упомянутой серии "Социолингвистического исследования северного Пакистана". Помимо этого, проблемы, связанные со стандартизацией языка, обсуждаются В. Ленцем (Lenz 1937) и Д. Н. Маккензи (MacKenzie 1959). В свою очередь, М. Пелевин (2010, с. 32 и сл.) описывает возникновение письменности у пуштунов, а Т. Рахман (Rahman 1996a, 2002, 2006) рассматривает роль языка пушту и его носителей в контексте языковой политики Пакистана.

Ряд других публикаций посвящен проблемам диалектологии пушту – например, работы Н. А. Дворянкова (1964, 1965), М. Хендерсона (Henderson 1983) и Д. Септфондса (Septfonds 2006). Однако в этих

¹² Главные работы, опубликованные на эти темы до конца 1980-х гг., перечисляет П. О. Шервё (Skjaervø) 1989, с. 409 и сл., более поздние исследования приводит Дж. Ченг (Cheung) 2010, 2011.

исследованиях основное внимание сосредоточено на лингвистическом материале, а социолингвистическая сторона вопроса если и обсуждается, то лишь мимоходом. Недостаточно изучены и отдельно взятые диалекты пушту, современные исследования которых ограничиваются сравнительно небольшим количеством публикаций. Так, кандагарский диалект описывается Х. Пенцлем (Penzl 1955); Д. Септфондс (Septfonds 1994) анализирует дзадранский диалект, на котором говорят в провинции Пактия (Афганистан) и прилегающих к ней пакистанских территориях; Р. Олсон (Olson 1996) дает описание варианта пушту, распространенного в провинции Нинграхар (Афганистан).

Обзор миграции пуштунов внутри страны и за пределами Пакистана представлен в фундаментальной работе Р. Николса "История миграции пуштунов, 1775-2006 гг." (Nichols 2008). В ней отслеживается как история этого явления, так и современная миграция пуштунов на Аравийский полуостров. Статья Ф. Уоткинса "Там сэкономишь, тут поешь: Пуштунские мигранты, их быт и общинная идентификация в северном Пакистане" (Watkins 2003) рассматривает проблему трудовой миграции населения одной из пуштунских деревень, расположенной в долине Дир (Северо-Западная Пограничная Провинция), в страны Персидского залива. Однако ни Р. Николс, ни Ф. Уоткинс проблематикой языкового общения мигрантов не занимались. К этому вопросу впервые обращается С. Салливан (Sullivan 2005), которая в своей диссертации приводит некоторые сведения о языковых взаимодействиях между носителями пушту и пенджабского в многоязыковой среде города Лахор.

Отдельные упоминания о проживании пуштуязычных мигрантов в северном Пакистане и Каракорумских горах можно найти уже у Дж. Биддулфа (Biddulph 1880), Ф. Барта (Barth 1956), Дж. Стейли (Staley 1966, 1969), а также у П. Фаджи и М. Джинестри (Faggi, Ginestri 1977). Однако первым исследователем, признавшим и научно описавшим пуштунских мигрантов как интегральную часть населения региона, был Герман Кройцман (Kreutzmann 1995, 1998, 2005b), который и привлек мое внимание к этому вопросу. А. Дитман (Dittmann 1995, 1997a, 1997b, 1998)

в рамках своих исследований, посвященных организации и функционированию базаров Гильгита и Балтистана, опубликовал данные, касающиеся роли пуштунских торговцев в регионе. Социальной стороной миграции пуштунов занимался также М. Зекефельд в рамках своего исследования о групповой идентичности этноса в северном Пакистане (Sökefeld 1997, 1998a). Отдельная статья М. Зекефельда посвящена изучению общественных стереотипов, появившихся вследствие поселения пуштунских мигрантов в Гильгите (Sökefeld 1998b). В уже упомянутой публикации А. Хольдшлага (Holdschlag 2006) обсуждается вопрос функционирования пушту как регионального языка общения в южном Читрале. Некоторые сведения относительно истории и языка пуштунских мигрантов в Северных Территориях содержит также работа Э. Бауэра (Bauer 1998) "Несколько групп пуштуязычного населения в Северных Территориях Пакистана: различные способы взаимодействия в многоязычной среде", которая была опубликована в 1998 году в качестве презентации предварительных результатов полевых исследований.

Однако пока еще не существует научного труда, который бы комплексно рассмотрел пуштунскую миграцию в Пакистанское высокогорье. В попытке восполнить этот пробел данная книга предлагает читателю описание и анализ исторических, экономических и социолингвистических аспектов жизни пуштунов в Северных Территориях Пакистана.

Книга разделена на пять взаимосвязанных частей, соответствующих пяти главам текста. В первой главе описывается языковая ситуация в пакистанском ареале традиционного расселения пуштунских племен. При этом особое внимание уделяется определению места языка пушту в многоязычной среде Пакистана, выявляется отношение носителей пушту к своему родному языку, а также рассматривается раздробленность пушту на многочисленные варианты (диалекты) и его взаимодействие с соседствующими языками.

Во второй главе рассматривается социалингвистическая ситуация в северном Пакистане. В ней описывается географическое и численное распределение языков, распространенных в Северных Территориях, и исследуются исторические корни и религиозная принадлежность их носителей.

Предметом исследования третьей главы являются сами пуштунские мигранты. Рассматриваются причины их переезда в Пакистанское высокогорье, их географическое распределение по Северным Территориям, сферы профессиональной деятельности в этом регионе, а также их экономическое и социальное взаимодействие с местным населением. Хронологические рамки исследования охватывают последние 150 лет, начиная с доколониального периода. Далее – кашмиро-британское колониальное господство (1892-1947), затем первые 40 лет после обретения Пакистаном независимости (1947-1987) и, в завершение, десятилетие после открытия Каракорумского шоссе (1988-1997).

Четвертая глава предлагает обзор социалингвистической среды пуштунских мигрантов посредством исследования способов их общения друг с другом и с членами местных общин. В рамках данной главы анализируются методы и схемы, используемые мигрантами при междialeктной коммуникации на пушту. Кроме этого, рассматривается отношение мигрантов-пуштунов к разным языкам: к родному языку, к региональному лингва франка – урду, а также к местным языкам шина, балти и кховар.

В пятой главе исследуется феномен языкового сдвига, который затронул некоторую часть мигрантов. Здесь сопоставляется восприятие родного языка у пуштунов, проживающих в Северных Территориях, и у носителей думаки – малого, вымирающего языка Пакистанского высокогорья.

Приложение включает политическую карту Северных Территорий Пакистана и прилегающих к ним регионов, а также таблицу, демонстрирующую преемственность в использовании пушту постоянными пуштунскими мигрантами в домашней среде.

Исследование дополнено рядом воспоминаний и историй из жизни, собранных мною у пуштунов и других местных жителей, с которыми мне довелось встречаться во время работы в Северных Территориях Пакистана. Моими собеседниками были обычные люди – торговцы, сапожники, официанты, фермеры и носильщики – ведущие простой образ жизни, и потому неудивительно, что их воспоминания – в целом просты и бесхитростны. Я надеюсь, что пересказ этих незамысловатых историй даст возможность непосредственно соприкоснуться с мировосприятием опрошенных, и, в какой-то мере, вовлечет читателя в атмосферу первичного полевого исследования. По той же причине повествование сопровождается серией черно-белых фотографий ландшафтов и людей – жителей Пакистанского высокогорья, снятых моей женой Сильвией Делогу во время нашего пребывания в Северных Территориях.

Помимо письменных материалов – монографий, статей, неопубликованных научных работ и отчетов колониальных властей – настоящее исследование, прежде всего, опирается на устные источники. Соответствующий материал был собран мной у жителей Северных Территорий – как пуштунских мигрантов, так и представителей других этнолингвистических групп – во время полевых работ в северном Пакистане с 1993 по 1997 годы.¹³ Поскольку основная часть устного материала была получена путем прямого опроса, хотелось бы вкратце представить методологию сбора. Бóльшая часть полевых исследований была проведена мной непосредственно на пушту, однако для бесед на урду или шина я прибегал к помощи местного переводчика. Главная цель работы состояла в опросе как можно бóльшего числа собеседников

¹³ С 1993 по 1995 гг. полевые исследования, проводимые мной для данной работы, финансировались Немецким государственным научно-исследовательским обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft) и осуществлялись в рамках Немецко-пакистанского проекта, посвященного изучению культурного ареала Каракорума (Culture Area Karakorum Project). Я выражаю свою признательность Немецкому государственному научно-исследовательскому обществу за оказанное финансовое содействие.

для того, чтобы найти ответы на серии предустановленных вопросов. Данные интервью, а их было около сотни, были проведены в форме обычных разговоров, без прямого использования какого-либо вопросника. Кроме того, я всячески избегал производить впечатление человека, заинтересованного лишь в быстром обретении необходимой информации. Такой, несколько косвенный метод сбора материала был выбран на основе собственного опыта, который показал, что работа с прямыми, заранее сформулированными вопросами могла бы легко привести к непониманию собеседниками целей моей деятельности, вызвав у них негативное отношение ко мне, и, тем самым, повлиять на качество их ответов. По той же причине я очень скоро отказался от первоначальной идеи записи интервью на магнитофон.

Абдул Каюм, Шабан Али и автор (с права) во время интервью

Для работы были использованы две серии вопросов. Первая анкета, которая применялась при опросе пуштунов и представителей других этнолингвистических групп, касалась личности и семейной жизни

собеседника. Вторая анкета, адресованная исключительно к пуштунам (как правило, участникам и первого опроса), была нацелена на исследования языковой ситуации опрошенных.

Таким образом, наряду со сведениями об имени, этнической и племенной принадлежности, религии, профессии, места жительства и семейного положения собеседника, меня также интересовали комплексные темы: происхождение его предков, уровень образования на родном языке, знание других языков, предпочтения в использовании языка в домашней среде, при общении с друзьями и соседями, а также отношение к представителям других этнолингвистических групп. Во избежание получения исключительно поверхностной информации на такие, для многих из опрошенных весьма щепетильные темы, была необходима атмосфера непринужденного общения, которая лучше всего создавалась во время повторных визитов к опрошенным и открытого обмена мнениями. Именно благодаря такому тесному общению, которое в некоторых случаях превращалась в настоящую дружбу, мне удалось поучаствовать в повседневной жизни мигрантов и сопоставить их высказывания с собственными наблюдениями. Конечно же, выбранный мной метод имел и свои недостатки. Прежде всего, это был очень трудоемкий процесс, что давало о себе знать, особенно в тех ситуациях, когда по каким-либо причинам работа с определенным собеседником ограничивалась одной-единственной встречей. А во-вторых, подобный способ не давал возможности для непосредственной записи текстов, вследствие чего все жизненные истории, приведенные в данной книге, являются не прямыми переводами первичного материала, а суммой одной или нескольких проведенных бесед.

Важный аспект полевого исследования, который, к сожалению, остался незатронутым, – это опрос мигрантов женского пола. Традиционный образ жизни, преобладающий в среде проживающих в Северных Территориях носителей пушту, полностью исключает возможность общения женщин с мужчинами, не принадлежащими к их семье. Таким образом, я не был в состоянии работать с пуштунками напрямую, полагаясь на заявления, сделанные от их имени членами

семьи мужского пола. Остается надеяться, что в будущем найдется исследовательница, которая дополнит данную публикацию рассказами пуштунских женщин.

В завершение хотелось бы отметить тех своих близких, друзей и товарищей, которые мне помогли в написании этой книги. В первую очередь, я признателен всем своим собеседникам, проживающим в Северных Территориях Пакистана, без терпения и понимания которых полевое исследование никогда бы не сдвинулось с места. В дополнение к ним, моя жена Сильвия Делогу поделилась своими уникальными фотографиями, Гарник Асатрян (Ереван) и Лусине Мкртчян (Ереван) оказали существенную помощь при подготовке и систематизации материала, а Елена Харламова (Берлин) и Зара Аматауни (Ереван) позаботились о благозвучии русского языка. Всем им, а также моей дочери Эмили, которая меня радует и вдохновляет, я благодарен за их неоценимую поддержку.

1. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АРЕАЛЕ ТРАДИЦИОННОГО РАССЕЛЕНИЯ ПУШТУНСКИХ ПЛЕМЕН В ПАКИСТАНЕ

1.1. Общие социолингвистические условия

Установить точное число языков, на которых говорят на территории Пакистана, довольно трудно, так как это во многих случаях связано с непростой задачей разграничения между "языком" и "диалектом". Например, в зависимости от применяемого критерия, пахари-потхохари, сирайки и хиндко, которые входят в пенджабский диалектный континуум и распространены в восточной и центральной частях Пакистана, могут рассматриваться как варианты одного и того же языка (пенджабского), так и как три независимых языка. Как бы то ни было, по примерным подсчетам, в Пакистане говорят не менее чем на шестидесяти пяти языках.¹⁴ Являясь отражением долгой и насыщенной событиями истории региона, эти языки относятся к разнообразным языковым группам и подгруппам. В стране главным образом представлены индоарийские и иранские языки. Вместе с тем, есть и представители языков дравидийской группы (брагуи – в центральной части Белуджистана), сино-тибетской группы (балти – на крайнем северо-востоке страны) и даже один изолированный язык (бурушаски – в северных долинах Нагер, Хунза и Ясин). Количество носителей каждого из языков варьируется от пятидесяти миллионов человек (например, пенджабский язык) до менее чем двухсот пятидесяти человек – например, языки аэр (в провинции Синд) и говро (в Индском Кохистане).

Абсолютное большинство населения Пакистана, включая подавляющую часть пуштунов, владеет языком урду. Это связано с тем, что во

¹⁴ Ф. Баарт (Baart) 2003 перечисляет шестьдесят семь различных языков и отмечает, что многие из них, в свою очередь, могут быть подразделены на диалекты.

всей стране урду используется как язык преподавания в начальных школах и как язык межэтнического общения. К тому же, в Пакистане урду – язык всеобщего значения. Наряду с английским, на котором преимущественно говорит городская элита, ему, в соответствии с конституцией 1973 года, отведена роль официального языка.¹⁵

Примечательно, что урду является родным языком всего лишь для около восьми процентов населения Пакистана. Для остальной части жителей страны (более ста пятидесяти миллионов людей) в качестве родного выступают другие языки.¹⁶

Будучи самым распространенным языком в Пакистане, урду, тем не менее, не является единственным языком межэтнического общения.

¹⁵ Урду был объявлен государственным языком Пакистана еще в рамках первой конституции страны, принятой в 1956 году. В ней урду и бенгальский были объявлены "национальными языками", в то время как применение английского дозволялось (с начальным ограничением в двадцать лет) "во всех официальных транзакциях" (Rahman 1996a, с. 95). На территорию сегодняшнего Пакистана урду был привезен в XIX веке из северной Индии британцами, которые под названием "хиндустани" сделали его языком своего колониального управления. Впоследствии позиции урду в Пакистане усилились еще и тем, что на нем говорили в качестве родного языка десятки тысяч мусульман, прибывавших туда беженцами из северной Индии после раздела субконтинента в 1947 году. Следует отметить, что во время колониального периода урду/хиндустани не только выполнял функцию удобного средства языковой коммуникации в многоязычной среде индийского субконтинента, но и служил идеологическим инструментом в борьбе за национальное самоопределение. Так, например, Анджуман-е Тараки-йе Урду (*Anjuman-e Taraqqi-ye Urdu*) – политическая организация, основанная в Дели в 1903 году – активно пропагандировала его как язык, объединявший всех индийских мусульман (Rahman 1996a, с. 71; Bhowmik 1993, с. 271 и сл.). Таким образом, после создания пакистанского государства урду приобрел статус лингвистического символа национального и религиозного единства, роль которого он выполняет до сих пор с все возрастающим успехом и в полной независимости от того, правит ли страной гражданское или военное правительство.

¹⁶ О численном распределении главных языков страны см. Перепись населения Пакистана за 1998 г. (Government of Pakistan, 2001).

Каждая из федеральных провинций страны характеризуется наличием одного или нескольких региональных языков, которые, как правило, являются родными для большей части населения данного региона. Таким образом, пушту используется как *лингва франка* на всей территории Северо-Западной Пограничной Провинции, кроме ее крайней северо-восточной части, где эта функция выполняется дардским языком читрали.¹⁷ Пенджабский – язык пенджабцев, проживающих в центральных частях страны. В виде одного из своих вариантов – хиндко – он используется в качестве *лингва франка* в северной части провинции Пенджаб. А на мультани и сирайки, его юго-западных диалектах, говорят на территории южного Пенджаба, граничащего с Синдом и Белуджистаном. Синдхи является доминирующим языком и провинциальным *лингва франка* в преобладающей части Синда. Однако в южном мегаполисе Карачи он считается вторым после урду, а на севере провинции постепенно уступает место сирайки. В Белуджистане подавляющая часть населения говорит по-белуджски, кроме региона, расположенного вдоль границ с Афганистаном и с Северо-Западной Пограничной Провинции, где главным языком межэтнической коммуникации является пушту.¹⁸

Как и следовало ожидать, в Пакистане двуязычие и многоязычие, главным образом, распространены в местностях, где накладываются два или более языка регионального общения, то есть в основном, но не исключительно, вдоль провинциальных границ страны. Например, носители языков сирайки и синдхи, живущие по обе стороны

¹⁷ По экспертизе Г. Моргенстьерне (Morgenstierne 1961), лингвистические критерии не позволяют объединить языки, обычно называемые "дардскими", в самостоятельное ответвление индоарийской языковой группы. Однако, поскольку термин "дардский" установился в научной литературе, он мной используется в данной работе в качестве собирательного названия для всех северо-западных новоиндоарийских языков, распространенных в Гиндукушко-Каракорумско-Гималайском регионе.

¹⁸ Подробный обзор используемых в Пакистане *лингва франка* дает Б. Тикканен (Tikkanen) 1996, с. 790 и сл.

приграничных территорий провинций Синд и Пенджаб, обычно свободно владеют языками обеих административных единиц. Пуштуны же, населяющие регион Хазара (юго-восточная часть Северо-Западной Пограничной Провинции), как правило, тоже говорят на хиндко, а многие хиндкоязычные жители того же региона хорошо владеют пушту. Население больших городов, таких, как Лахор и Карачи, обычно также говорит на нескольких языках.

Таким образом, большинство людей в Пакистане многоязычно. Однако следует учитывать и степень владения тем или иным языком. Как правило, в качестве мотивации к освоению вторичного языка выступают практические соображения: например, необходимость общаться с иноязычными коллегами на работе или с клиентами на базаре. Поэтому пакистанские мужчины, работающие вне дома, обычно владеют региональным *лингва франка* намного лучше, чем женщины, по традиции сидящие дома. А рыночный торговец, хотя и умеет пользоваться несколькими языками, делает это часто далеко не в совершенстве, а лишь на уровне, позволяющем ему вести дела с покупателями.

Особенно для носителей малых, не доминирующих языков, явление дву- или многоязычия неразрывно связано со сферой применения языка. Примером тому могут служить носители думаки (см. также главу 5.2). В этом языковом коллективе мужчины, женщины и дети старшего возраста обычно свободно владеют бурушаски и/или шина, являющимися доминирующими языками в общинах, где носители думаки проживают в качестве меньшинства. К тому же, все думакиязычные мужчины и некоторые думакиязычные женщины говорят на главном *лингва франка* региона – урду (и даже пишут на нем, если получили школьное образование). На практике это означает, что носители думаки на родном языке обычно говорят в домашней среде, а в деревне, где они проживают, они общаются на бурушаски и/или на шина. Урду используется ими в общении с приезжими, а также в письменной речи. Таким образом, владение тремя-четырьмя языками – вполне естественное явление для носителей малых, не доминирующих языков.

Но и большинство остального населения Пакистана говорит, по крайней мере, на двух языках.

1.2. Литературный язык, диалекты и надрегиональные варианты пушту

Согласно Х. Пенцелю (Penzl 1995, с. 1 и сл.), в Северо-Западной Пограничной Провинции пушту является основным языком в низинных регионах, таких как Пешавар, Кохат, Банну, Дера-Исмаил-Хан, а также в горных, включая Сват, Дир, Бунер и Баджаур. В Белуджистане на языке пушту говорят в основном на северо-востоке, т.е. на территориях районов Кветта-Пишин, Лоралай, Жоб и Сиби. Помимо этого, все Федерально Управляемые Племенные Территории, простирающиеся вдоль южной части пакистано-афганской государственной границы, практически полностью заселены пуштуязычным населением.¹⁹

Вариантом пушту, общим для всех жителей этой обширной, диалектно разделенной территории, является литературный язык, который преподается в школах и университетах и на котором публикуется большинство современных книг, журналов и газет.²⁰

Литературный язык в повседневной устной коммуникации используется крайне редко. Вместо него пуштуны обычно общаются между собой на одном из множества диалектов языка. Эти говоры могут быть объединены в диалектные группы, о точном составе и более детальной классификации которых единого мнения в иранистике еще не существует. Фундаментальным разграничительным критерием является уже отмеченная Г. Гриерсоном (Grierson 1921, с. 7) дифференциация между двумя большими группами диалектов: восточной (или "твердой") и

¹⁹ Единственным непуштунским сегментом населения Федерально Управляемых Племенных Территорий являются носители языка ормури, проживающие в Южном Вазиристане. Подробно о них и об их языке см. Ефимов 1986.

²⁰ Исследования по грамматике литературного пушту можно найти в работах Д. А. Шафеева (1955), Н. А. Дворянкова (1960), А. Л. Грюнберга (1987a, 1987b), Х. Тегея и Б. Робсон (Tegey, Robson) 1996, П. О. Шервё (Skjærvø) 1989, и М. Лоренца (Lorenz) 1979.

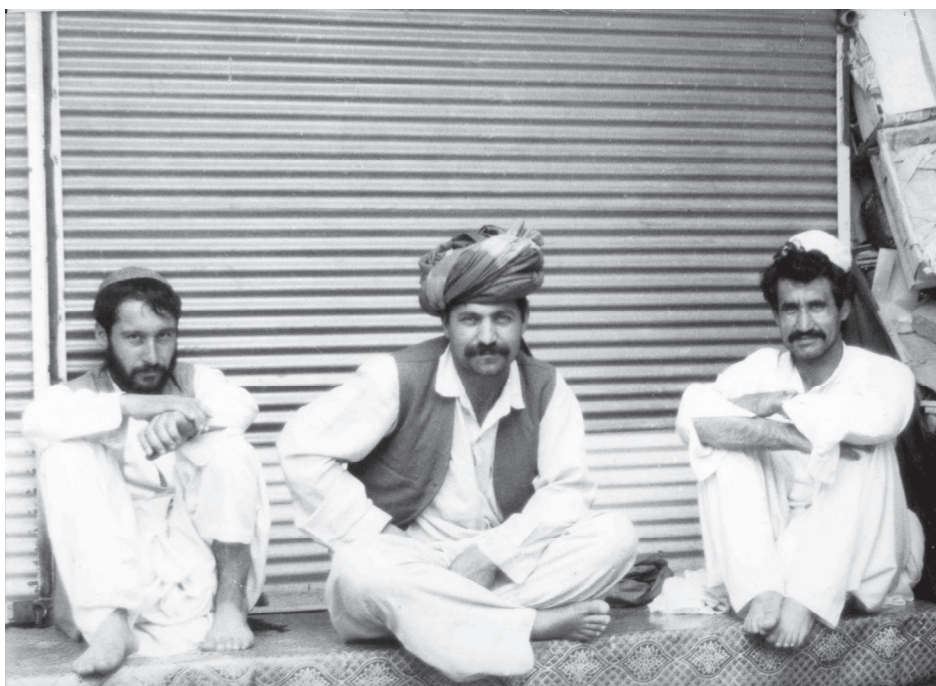
западной (или "мягкой"). Согласно Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1958, с. 169), носители восточного пушту произносят исторические ретрофлексные фрикативные [ʂ] и [ʐ] как [x] и [g], в то время как носители западных диалектов пушту произносят их как [ʃ] и [ʒ].

Однако восточные и западные диалектные группы пересекаются в целом ряде других фонетических изоглосс. С учетом некоторых из них, Д. Н. Маккензи (MacKenzie 1959) выделяет четыре диалектных ареала пушту: юго-западный (Кандагар), юго-восточный (Кветта), северо-западный (центральный гильзай) и северо-восточный (юсуфзай). Вслед за Маккензи, основываясь на собственных полевых исследованиях, к подобным результатам приходит М. Хендерсон (Henderson 1983). П. О. Шервё (Skjærvø 1989, с. 386), суммируя данные Маккензи и Хендерсона, предлагает следующее географическое распределение диалектов пушту: 1) юго-западный пушту – юго-западный Афганистан; диалект Кандагара; 2) северо-западный пушту – восточный и северо-восточный Афганистан, провинция Кабул; диалект центральный гильзай; 3) юго-восточный пушту – Белуджистан, Банну, Вазиристан, Карак; диалекты ширани, спин тарин, тор тарин и дзадрани; 4) северо-восточный пушту – северо-восточный Пакистан, Пешавар; диалекты юсуфзай-моманд, северо-восточный гильзай, африди, бангаш и оракзай. Приведенное здесь четырехчастное разделение и связанные с ним наименования применяются и в данной работе.²¹

Вышеупомянутые виды классификации диалектов основаны исключительно на фонетических критериях. Однако диалекты пушту часто отличаются и на уровне морфологических, синтаксических и лексических единиц, изоглоссы которых не всегда совпадают с фонетическими границами. Таким образом, язык пушту раздроблен на множество

²¹ Несколько иная картина представлена Н. А. Дворянковым (1964, 1965), который делит пушту на три большие диалектные группы – кандагарскую (западную), нанграхарскую (восточную) и пактийскую (южную). Трехчастное деление Н. А. Дворянкова было принято Ш. М. Кифером (Kieffer 1974) и Д. Септфондом (Septfonds 2006, с. 112). О восприятии диалектных различий пушту самими носителями языка, см. Д. Г. Холлберг (Hallberg) 1992а, с. 22 и сл.

вариантов, некоторые из которых так несхожи, что их носители понимают друг друга только с большим трудом.

Приезжие купцы на Новом Базаре в Скарду

Как правило, каждый пуштун, общаясь на родном языке, отдает предпочтение своему собственному диалекту.²² Однако существуют диалекты, которые носителям языка представляются более престижными по сравнению с другими. В Пакистане в качестве такого языкового варианта выступает пушту, на котором говорят в Пешаваре (соответственно его часто называют "пехавари") и который основывается на северо-

²² Об этом свидетельствуют между иными и результаты опросов, проведенные Д. Г. Холлбергом (Hallberg) 1992a, с. 36 и сл.

восточном юсуфзайско-момандском говоре.²³ Согласно Д. Г. Холлбергу (Hallberg 1992a, с. 34), *пехавари* обладает высоким социальным статусом, что явно благоприятствует его использованию в роли надрегионального диалекта межплеменного общения. Причиной такого восприятия может служить то обстоятельство, что юсуфзайский пушту активно поддерживался двумя последними правителями независимого княжества Сват (упраздненного в 1969 г.). Достижения этих правителей в развитии управляемых ими территорий по сей день являются предметом гордости пуштунов всего региона.²⁴ Особое положение пешаварского диалекта уже наблюдалось Х. Пенцелем (Penzl 1955, с. 8), который отмечает: "Стандартным вариантом пушту в Северо-Западной Пограничной Провинции Пакистана считается юсуфзайский вариант языка, на котором говорят в северо-восточной части округа Пешавар". До сих пор пешаварский пушту является главным языком популярных радиопрограмм и телепередач выходящих в эфир в Пешаваре.

²³ Согласно Х. Пенцелю (Penzl) 1955, с. 9 и Д. Г. Холлбергу (Hallberg) 1992a, с. 35, в пределах Афганистана, как и в некоторых частях пакистанской провинций Белуджистан, самым престижным вариантом пушту является юго-западный диалект, на котором говорят в Кандагаре.

²⁴ Сравни высказывание последнего правителя долины Сват об усилиях, предпринятых им и его отцом с целью укреплений позиций пушту: "Это признание [т.е. почетная степень доктора юриспруденции, присужденная правителю Пешаварским университетом] я получил отчасти и благодаря тому значению, которое возымела моя образовательная программа в деле продвижения нашего родного языка пушту. Мой отец с самого начала сделал пушту языком местного судопроизводства. Тогда это было уникальным явлением – в Афганистане юристы использовали только персидский, а в Дире последний продолжал функционировать в юридической переписке вплоть до упразднения княжества. В те времена (в Свате) очень мало людей знали урду, поэтому было легко перейти (с персидского) на пушту и, тем самым, способствовать его поддержанию. Кроме этого по инициативе моего отца было переведено несколько религиозных книг на пушту, так как по-арабски умели читать лишь немногие. В свое время распространением пушту занимался мой отец, а теперь я продолжаю его дело" (Barth 1985, с. 114 и сл). О ранней истории юсуфзайского княжества Сват см. также В. Р. Хей (Hau 1934).

1.3. Роль и значение пушту в сознании носителей языка

В Пакистане пушту воспринимается его носителями, а также носителями других языков как важный маркер пуштунской этнической принадлежности.²⁵ По утверждению Т. Рахмана (Rahman 1995, с. 7), подобное восприятие восходит к антиколониальной борьбе индийского субконтинента, когда знаменитый руководитель пуштунского национально-освободительного движения Хан Абдул Гаффар-хан (1890-1988 гг.) сумел превратить родной язык своего народа в символ антиколониального движения в Северо-Западной Пограничной Провинции и в Белуджистане.²⁶ В настоящее время пушту превратился в мощный символ пуштунского национализма, ныне продвигаемого влиятельными политическими движениями, такими как Национальная партия Авами (Awami National Party) и религиозное движение пакистанских талибов (Tehrik-e Taliban-e Pakistan).

И все же, несмотря на значимую роль, которую пушту играет как маркер идентичности, сами носители свой родной язык особо

²⁵ Д. Г. Холлберг (Hallberg) 1992a, с. 44, который путем опросов исследовал отношение к родному языку среди пуштунов, отмечает в этой связи: "Хотя во многих случаях самое положительное отношение выражалось в пользу [...] урду и английского, это никоим образом не умаляло позитивного мнения о пушту. Он остается сильнейшим элементом пуштунского самосознания, а также главным средством общения на всей территории расселения пуштунов".

²⁶ Примеры использования пушту в политических целях можно привести и из Афганистана. Там, в среде носителей языков этнолингвистических меньшинств, проживавших на юге и юго-востоке страны, его использование активно поощрялось с целью интегрирования последних в афганское национальное государство. Кроме этого, распространение пушту на северо-западе Пакистана приводилось как аргумент в пользу притязаний на территории расселения пуштунов за пределами южных границ Афганистана и создания некоего "свободного Пуштунистана", который должен был находиться под контролем афганского правительства. По мнению Т. Рахмана (Rahman) 1997, с. 387 и сл., именно из-за "пуштунистанской проблемы", которая угрожала территориальной целостности Пакистана, правящие элиты страны препятствовали укреплению языка пушту в государственно-политической сфере Пакистана.

престижным не считают. Особенно ярко это проявляется в опросах общественного мнения, в которых пушту в категории "социальная значимость" постоянно уступает английскому и/или урду.²⁷

Урду является национальным языком страны и ее главной *лингва франка* (см. также главу 4.4). Он также является ведущим языком пакистанской литературы и средств массовой информации. Свой престижный статус в Пакистане урду делит с английским. Последний же, являясь частью наследия колониального периода, продолжает оставаться важнейшим средством общения пакистанской элиты, представители которой зачастую владеют им лучше, чем своим родным языком. Выражаясь словами П. А. Клука (Kluck 1975, с. 81 и сл.), "урду и английский (в Пакистане) всегда являлись и до сих пор являются важнейшими языками для тех, кто заинтересован в продвижении по социальной лестнице".

Учитывая это обстоятельство, становится понятным, почему по данным, собранным Т. Рахманом (Rahman 2002, с. 4557), только немногие пуштунские дети пользуются возможностью обучения родному языку, официально предоставляемой им (по крайней мере, в некоторых частях Северо-Западной Пограничной Провинции) до пятого класса общеобразовательной школы. По мнению Рахмана, изучение детьми урду или английского вместо родного языка является предпочтением их родителей, поскольку эти языки намного перспективнее в отношении будущего трудоустройства.²⁸ Несколько иначе обстоят дела в религиозных

²⁷ По наблюдениям Т. Рахмана (Rahman) 2006, свою участь "второстепенного" по социальной значимости языка пушту делит со многими другими языками Пакистана, в том числе и с такими распространенными, как пенджаби, сирайки, синдхи и белуджский.

²⁸ Интересен тот факт, что и в прошлом многие пуштуны, по-видимому, предпочитали, чтобы их дети получали образование на неродном языке. Таким образом, Т. Рахман (Rahman 2003, с. 4) упоминает о том, что еще в 1932 году часть населения Северо-Западной Пограничной Провинции активно выступала за проведение начального образования не на пушту, а на урду. Точно также сравнительно недавно, в 2003 году новоизбранный парламент Северо-Западной

школах (медресе), расположенных в Северо-Западной Пограничной Провинции и на племенных территориях. В этих заведениях пушту является единственным языком преподавания. Однако учатся в них почти исключительно дети и подростки мужского пола (Rahman 2002, с. 4557).

Таким образом, неудивительно, что в Пакистане среди пуштунов уровень грамотности на родном языке довольно низкий²⁹ и, несмотря на наличие собственного стандартизированного алфавита и многовековой письменной традиции, пушту в основном остается языком устного общения.³⁰

По данным Д. Г. Холлберга (Hallberg 1992a, с. 35), в 1980-90-е годы пуштуны, проживавшие в Северо-Западной Пограничной Провинции, пользовались родным языком и в домашней среде, и в основных сферах общественной жизни: на базаре, в мечети и во время племенных собраний. Кроме этого, язык поддерживался широким распространением пуштунских песен и художественных фильмов, а также радио-программами и телепередачами, в число которых уже в те времена входила регулярная трансляция популярных среди всех слоев населения мыльных опер.

Пограничной Провинции выбрал урду, а не пушту в качестве официального языка светских учебных заведений провинции.

²⁹ Особенно это относится к части населения, проживающей в сельской местности, и, в частности, к женщинам. Более подробно об уровне грамотности среди населения Пакистана см. Перепись населения Пакистана за 1998 г. (Government of Pakistan, 2001).

³⁰ Примечательно, что преимущественно устное бытование пушту не идет вразрез с предлагаемым потребителю немалым количеством печатных изданий. По моим наблюдениям, в середине 1990-х гг. книжные магазины в пуштуязычных городах, таких как Пешавар и Кветта, всегда имели в наличии богатый выбор пуштунской литературы, как светской, так и религиозной, часто в недорогих карманных изданиях, доступных широким слоям населения. Примеры таких популярных изданий приводятся В. Л. Ханавеем и М. Насиром (Hanaway, Nasir 1996).

1.4. Контактные языки пушту

На севере и северо-западе Пакистана ареал традиционного расселения пуштунских племен прилегает к территориям пуштуязычного населения Афганистана. На юго-востоке он граничит с землями, населяемыми носителями языков пенджаби и сирайки, а на западе и юге – носителями белуджского языка. На крайнем северо-востоке пушту тесно контактирует с малыми дардскими языками торвали, гавар-бати, гаври, кховар и индским кохистани.

В то же время, в самих пределах ареала традиционного расселения пуштунских племен живут большие группы носителей других языков, среди которых – носители ормури в южном Вазиристане, носители хиндко в Пешаваре, округе Кохат и регионе Хазара, а в Кветте – дарияязычные мигранты из Афганистана.

Пуштуны и представители всех остальных упомянутых этнолингвистических групп сосуществуют веками бок о бок, а их общины имеют много общих культурных и социальных черт. Помимо этого, большинство языков, на которых говорят традиционные соседи пуштунов, в разной степени претерпели лингвистическое воздействие пушту. В результате широко распространенного билингвизма такие языки заимствовали немалое количество пуштунской лексики, а также подверглись влиянию на фонетическом и синтаксическом уровнях.³¹ В качестве иллюстрации этого явления можно привести вариант ормури, на котором говорят в Канигураме (Южный Вазиристан), белуджский язык, индский кохистани в Северо-Западной Пограничной Провинции, торвали в верхнем Свате и гавар-бати в юго-западном Читрале.

Отмечаются также случаи, когда пушту становился (или же находится в процессе становления) родным языком для целых групп

³¹ О влиянии пушту на канигурамский диалект ормури см. Д. Г. Холлберг (Hallberg) 1992c; на индский кохистани – см. Д. Г. Холлберг (Hallberg) 1992b, сс. 102-115 и К. П. Цоллер (Zoller) 2005, с. 16; на торвали – см. К. П. Ренш (Rensch) 1992, с. 33 и сл.; на гавар-бати – см. Г. Моргенстьерне (Morgenstierne) 1950, с. 27 и сл. и К. Д. Декер (Decker) 1992a, с. 159 и сл.; на белуджский – см. А. Корн (Korn) 2009, с. 63 и К. Джахани, А. Корн (Jahani, Korn) 2003.

населения, изначально говоривших на другом языке. В историческом плане протекание такого процесса языкового сдвига, который обычно происходит в течение нескольких поколений, можно предположить для носителей таких, ныне (почти) исчезнувших дардских языков, как тирахи (Morgenstierne 1934), вотапури-катаркалаи (Buddruss 1960) и ушоджи (Zaman 2002; Decker 1992b, с. 75 и сл.). На современном этапе подобный языковой сдвиг происходит у носителей гаври, проживающих в некоторых деревнях в верховьях долины Дир (Zaman 2002; Baart 2003, с. 4 и сл.), и у носителей языка гавар-бати, живущих на юго-западе Читрала (Morgenstierne 1950).

С другой стороны, контакт с соседствующими с пушту языками порождает изменения и в нем самом. Так, в письменных источниках, составленных до середины XVI века, прослеживается большое количество лексических единиц, заимствованных из персидского, а также из тюркских и индийских языков (Kushev 1997). В устной речи этот процесс, безусловно, начался намного раньше и в основном был связан (и продолжает быть связанным) с персидским (особенно относительно вариантов пушту, на которых говорят в Афганистане), с новыми индоарийскими языками (преимущественно в связи с вариантами пушту, распространенными в Пакистане) и с английским.³² Более того, согласно М. Т. Хендерсону (Henderson 2010, с. 5), именно благодаря близким взаимоотношениям пуштунов со своими индийскими соседями в языке сохранились и получили дальнейшее развитие такие специфические черты, как эргативность, совместное употребление предлогов с послелогам, наличие категории рода, существование ретрофлексных согласных и сочетание согласных в начале слова.³³

³² О лексике, заимствованной языком пушту из европейских языков (в основном из английского, но и из русского и французского), и о способах ее ассимиляции в соответствии с фонетическими и морфологическими закономерностями языка пушту см. Пенцел (Penzl) 1961.

³³ В современных условиях влиянию индоарийских языков на пушту, в первую очередь, способствует пушту-урду двуязычие, распространение которого в пакистанском ареале традиционного расселения пуштунских племен иссле-

Однако влияние других языков на пушту не ограничивается заимствованием лексических единиц и/или стимуляцией дальнейшего развития изначально присущих ему грамматических особенностей. В конечном итоге, оно может привести и к языковому сдвигу, к смене родного пушту на другой, доминирующий язык. Результат подобного исторического процесса можно проследить в больших городах Пакистана – в Лахоре или Карачи. В этих городах проживает значительное количество жителей, которые хотя и прослеживают корни своих предков вплоть до ареала традиционного расселения пуштунских племен и все еще называют себя "патанами" или "пуштунами", однако от пушту уже давно перешли к языку урду или пенджаби (Nichols 2008, сс. 89, 102).

Принимая во внимание многослойность и экстраординарную динамику языковой ситуации в Пакистане, а также широкое распространение билингвизма среди пуштуязычного населения страны, вполне естественно, что взаимодействие пушту с соседствующими с ним языками продолжает оставаться важнейшим стимулом, как для развития самого пушту, так и для изменения лингвистического ландшафта страны.

довалось Д. Г. Холлбергом (Hallberg) 1992, с. 29 и сл. Феномен “переключения” (language switch) с пушту на урду и обратно, распространенный, в первую очередь, в среде формально образованных пуштунов, рассматривается Т. Рахманом (Rahman) 2006, с. 9 и сл. О взаимоотношении пушту с индийскими языками см. также Н. А. Дворянков 1968. О предположительном индоарийском влиянии на морфологию пушту см. Г. Моргенстьерне (Morgenstierne) 1942, 1977.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ПАКИСТАНА

2.1. Географический и социолингвистический ландшафт

В соответствии со своим названием, Северные Территории Пакистана расположены на крайнем севере страны. Они охватывают высокогорную территорию площадью в 72.000 км², включая бóльшую часть Каракорумских гор, западные окраины Гималаев и восточные окраины Гиндукуша. Благодаря специфическому ландшафту и впечатляющему количеству высочайших горных вершин, среди которых Нанга Парбат, Ракапоши и Чогори (K2), данная часть северного Пакистана часто ассоциируется с легендарной "Крышей мира". Если смотреть с южной границы Северных Территорий по ходу часовой стрелки, они граничат с регионом Хазара, с Кохистаном и Читралом (составные части Северо-Западной Пограничной Провинции Пакистана), с Ваханским округом

Ландшафт верхней части долины Хунза

Афганистана, с Синьцзян-Уйгурским Автономным Районом Китайской Народной Республики и с Кашмиром, управляемым Индией и Пакистаном.

В середине 1990-х гг. Северные Территории населяло примерно 600.000 жителей, из которых приблизительно 40.000 проживали в Гильгите – единственном крупном городе, а также административном и финансовом центре региона. Двумя другими городскими поселениями были Чилас и Скарду – административные центры округов Диамер и Скарду, соответственно. Хотя в 1990-е годы урбанизация Северных Территорий, как и других регионов Пакистана, уже шла полным ходом, подавляющее большинство населения все же продолжало жить в селах, деревнях и крупных населенных пунктах, разбросанных по высокогорным долинам и равнинам или пролежавших вдоль основных дорог.³⁴

2.1.1. Распределение языков и их лингвистическая принадлежность

Даже для такой страны, как Пакистан, изобилующей необычайно богатым набором языков и культур, Северные Территории выделяются особым этнолингвистическим разнообразием. В середине 1990-х гг. в регионе можно было выделить около десяти крупных этнолингвистических групп, постоянно проживавших на его территории. Так как некоторые из использованных ими языков были распространены и за пределами административных границ Северных Территорий, целесообразно обратиться к карте распределения языков внутри более обширного ареала, охватывающего Восточный Гиндукуш, Каракорумские горы и Восточные Гималаи (см. график 2.1).

³⁴ Подробное описание физической и социальной географии Северных Территорий приведено в работе Г. Кройцмана (Kreutzmann) 2005a.

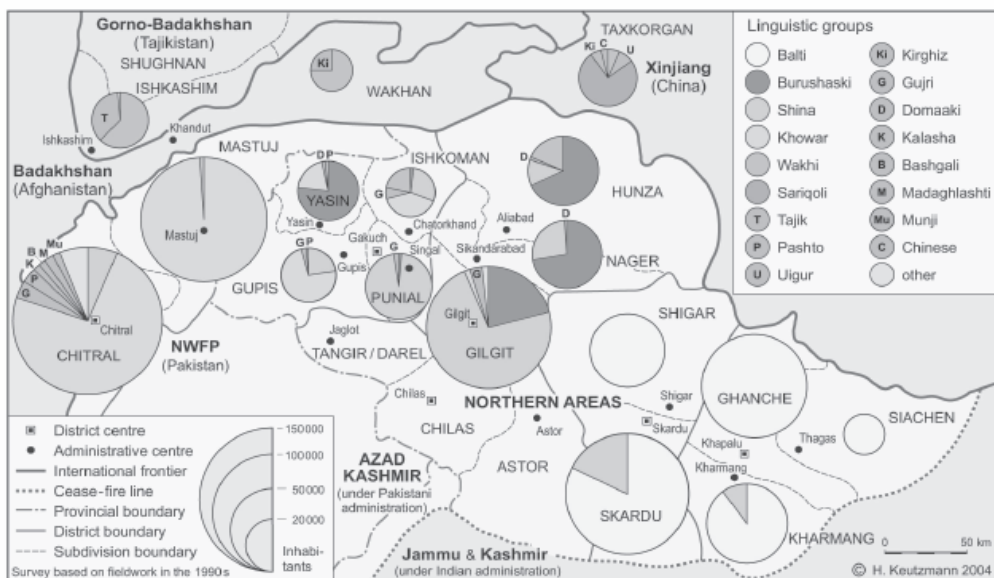

График 2.1: Распределение языков в Каракорумских горах и прилегающих к ним регионах.

Видно, что в западной и центральной частях рассматриваемого региона преобладают индоарийские и нуристанские языки; в центре региона – три долины, в которых распространены варианты изолированного языка бурушаски, а восточную часть занимает сино- тибетский язык балти. Носители алтайских и иранских языков проживают на севере, на территориях, граничащих с Афганистаном и с Синьцзяном (КНР).

Согласно Герману Кройцману (Kreutzmann 2005b, с. 5), в ареале, охватывающем Восточный Гиндукуш, Каракорумские горы и Восточные Гималаи, можно найти более двадцати пяти различных языков и диалектов, принадлежащих к вышеупомянутым языковым группам. Таблица 2.1 иллюстрирует генетическую принадлежность главных языков, распространенных в северном Пакистане.

Индоевропейские языки					Алтайские языки	Сино-тибетские языки	Языки-изоляты
Индоиранские языки							
Индоарийские языки (И-А)		Нурстанские	Иранские языки		Тюркские	Тибетские	
Центральные И-А	Дардские		Западно-иранские	Восточно-иранские		Западно-тибетские	
Гуджари Думаки Урду Хиндко	Шина Кховар Калашский Индский Кохистани Гаври Говро Гавар-бати Кашмирский Торвали Кундал шахи Пхалура Дамели	Кати Камвири	Фарси Мадаглашти	Ваханский Пушту Йидга (мунджанский)	Киргизский Уйгурский	Балти	Бурушаски

Таблица 2.1: Языки северного Пакистана
(языки, распространенные в Северных Территориях в середине 1990-х гг.
отмечены жирным шрифтом).

Самая ранняя подробная перепись населения, которая приводит данные по распределению языков на территории нынешних Северных Территорий, была проведена и опубликована правительством Азад Кашмира в 1951 г. (см. таблицу 2.2).³⁵

³⁵ Таблица не содержит данных о языке балти, так как в районах, где проживает основная часть носителей этого языка, данная перепись не проводилась. Источник данных: Правительство Азад Кашмира (Government of Azad Kashmir); цитируется по Г. Кройцману (Kreutzmann) 2005b, с. 8.

Регион	Чилас	Гильгит	Хунза	Нагер	Пуньял	Ишкоман	Ясин	Гизар	Агентство Гильгит	
Язык									итого	%
Шина	13 155	18 996	2 177	3 252	8 600	1 650	213	2 473	50 516	47.5
Бурушаски	15	3983	10099	15095	31	2	7822	3	37050	34.8
Кховар	9	587	200	0	95	1 925	1368	5080	9264	8.7
Ваханский	0	0	3196	0	0	1 139	0	6	4343	4.1
Гуджури	2 247	975	0	0	209	157	37	514	4139	3.9
Пушту	453	31	0	0	6	27	4	144	665	0.6
Уйгурский	0	0	0	2	0	57	8	0	67	0.1
Фарси	0	0	0	3	4	12	1	0	20	0.0
Урду	2	0	0	0	0	0	0	16	18	0.0
Другие	179	0	19	1	43	6	0	13	261	0.3
Итого	16060	24572	15691	18353	8990	4975	9453	8249	106343	100.0

Таблица 2.2: Распределение языков на территории Гильгитского агентства по данным 1951 года (количественные показатели носителей языков).

Исходя из вышеприведенной статистики, в начале 1950-х годов язык шина преобладал в Чиласе, Гильгите и Пуньяле, бурушаски – в Хунзе, Нагере и Ясине, кховар – в Гизаре, Ясине, Ишкомане, а ваханский – в Хунзе и Ишкомане. Из числа языков неавтохтонных этнолингвистических меньшинств фигурировали гуджури, уйгурский и пушту, причем подавляющее большинство носителей последнего было зарегистрировано в Чиласе и Гизаре, которые уже в XIX веке упоминались как регионы, затронутые пуштунской миграцией (см. главу 3.1.1).

Более актуальные подробные данные по распределению языков в Северных Территориях были собраны на переломе 1980-х и 1990-х годов (см. таблицу 2.3).³⁶

³⁶ Данные были собраны немецким исследователем Г. Кройцманом методом прямого опроса, охватившего примерно 500 деревень с общим населением порядка полумиллиона жителей (Kreutzmann 2005b, сс. 4-6). Опрос также включал административные единицы Вахан (Афганистан) и Читрал, которые в данной таблице не приводятся.

Округ	Абсолютная численность населения	Балти	Бурушаски	Гуджури	Уйгурский	Кховар	Пушту	Шина	Ваханский
Ганче	135403	96.6	0	0	0	0	0	3.4	0
Скарду	145569	87.0	0.15	0	0	0	0.25	12.6	0
Гизар	95329	0	21.0	3.0	0.1	28.7	0.7	42.0	3.8
Гильгит	177458	0	39.8	1.9	0.6	0.9	0.3	51.5	3.6
Северные Территории	553758	46.5	16.4	1.1	0.2	5.2	0.3	27.9	1.8

Таблица 2.3: Распределение языков в Северных Территориях по данным 1991-го года (процентные показатели).

Таким образом, в начале 1990-х гг. большинство говорящих на балти было зарегистрировано в Ганче и Скарду, на шина – в Гизаре, Гильгите и Скарду³⁷, на бурушаски, гуджури, уйгурском, ваханском – в Гизаре и Гильгите, на кховаре – в Гизаре, а на пушту – в Гизаре, Гильгите и Скарду.³⁸

Г. Кройцман, сравнивая статистику 1951 года с собственными данными по округам Гильгит и Гизар, приходит к выводу, что за прошедшие сорок лет, несмотря на почти трехкратное увеличение численности населения, сравнительная доля носителей главных языков региона не изменилась (см. график 2.2).³⁹

³⁷ Носители шина проживали также в округе Диамер, который, однако, не был включен в исследование Г. Кройцмана.

³⁸ По моим приблизительным подсчетам, в середине 1990-х гг. численность пуштунских мигрантов во всех пяти округах Северных Территорий достигала около 5.000-5.500 человек, что составляло примерно 0,8-0,9% от всего населения Северных Территорий.

³⁹ Г. Кройцман исходит из фактора ежегодного прироста населения в 2,8 % (Kreutzman, 2005b, с. 8).

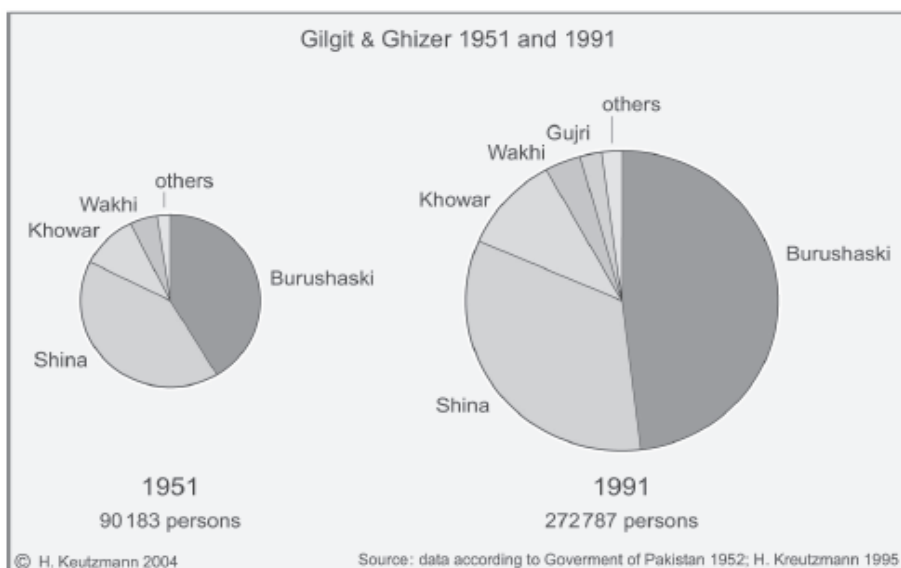

График 2.2: Количественное сравнение носителей местных языков в округах Гильгит и Гизар в 1951 и 1991 гг.⁴⁰

К этим сведениям можно добавить мои собственные наблюдения, согласно которым в середине 1990-х гг. ряд сельских местностей Северных Территорий в языковом плане оказался относительно однородным. В частности, округ Диамер и южная часть округа Гильгит были заселены преимущественно носителями шина, центральная часть долины Хунза и долина Нагер – в основном, носителями бурушаски, а округа Ганче и Скарду – носителями балти. Однако в городе Гильгит и в городском поселении Скарду были представлены носители всех местных языков и диалектов.

⁴⁰ Источник: Kreutzmann 2005b, с. 8 и сл. Перевод надписей на графике: *Gilgit & Ghizer 1951 and 1991* – "Гильгит и Гизар 1951 и 1991 гг.", *Gujri* – "гуджури", *Wakhi* – "ваханский", *Khowar* – "кховар", *Shina* – "шина", *Burushaski* – "бурушаски", *others* – "другие", *persons* – "люди".

2.1.2. Историческое происхождение и религиозная принадлежность носителей местных языков

На основе лингвистических данных и общих черт истории происхождения можно выделить четыре категории носителей языков, проживающих в Северных Территориях Пакистана:⁴¹

1) Автохтонные группы. К этой категории относятся носители бурушаски, языка-изолята, ареал распространения которого ограничен Каракорумскими горами. По поводу генетической принадлежности языка бурушаски выдвигались и до сих пор выдвигаются различные теории, однако, согласно Георгу Будруссу (Buddruss 2006, с. 238), достаточных доказательств принадлежности бурушаски к какой-либо языковой семье по сей день не обнаружено. Высказывались предположения об исторических связях бурушаски с енисейской группой языков, на которых говорят в Восточной Сибири, с языковой группой мунда, с нубийскими языками, с северокавказскими языками и даже с прамакедонским (фригийским) языком. Обнаруживается ряд структурных сходств бурушаски с баскским языком, но по-настоящему убедительных доказательств их генетического родства все еще не существует.⁴² На основе исторических и этнологических данных К. Йеттмар (Jettmar 1977, с. 429) приходит к выводу, что носители бурушаски восходят "к субстрату ранних мигрантов или даже к исконным жителям региона". По его мнению (Jettmar 1975, с. 190), долины Хунза и Нагер (округ Гильгит), а также Ясин (округ Гизар), ныне заселенные носителями бурушаски, вероятнее всего когда-то были в прямом языковом контакте друг с другом через Гильгитскую долину, однако в результате

⁴¹ Данная классификация следует схеме, предложенной Г. Кройцманом (Kreutzmann 2005b, с. 5 и сл.)

⁴² Критическую оценку существующих теорий относительно возможных генетических связей бурушаски с другими языками дает Г. Будрусс (Buddruss) 2001.

миграционных процессов бурушаски был постепенно вытеснен из последней и заменен языком шина.⁴³

Автохтонный статус выделяется и для языка балти, который преобладает в округах Скарду и Ганче, и наряду с близко родственными языками пуриг и ладакхи, распространенными в северо-западной Индии, причисляется к западным диалектам тибетского языка (Lobsang 1995).

2) Ранние мигранты, носители индоарийских языков. О первоначальных этапах миграции носителей индоарийских языков в каракорумско-гиндукушский ареал сведений крайне мало.⁴⁴ По всей вероятности, эти передвижения начались около тысячи лет назад и привели к заселению нижних частей основных долин предками нынешних носителей языков кховар и шина. Крупные населенные пункты, такие как Гильгит и Читрал, выполняли функцию центров управления, откуда в дальнейшем жители постепенно переселялись в более отдаленные местности. Вслед за первыми индоарийскими мигрантами в горный ареал прибыли и носители языка думаки, работавшие или в качестве профессиональных музыкантов, или ремесленников-кузнецов, предлагая свои услуги шина- и бурушаскиязычным общинам (Schmid 1997, Weinreich 1999, 2008).⁴⁵

⁴³ Гипотеза К. Йеттмара была принята Б. Тикканеном и подкреплена лингвистическими данными (Tikkanen 1988, с. 305 и сл).

⁴⁴ Данные об этом этапе миграции представлены в местной устной традиции и/или реконструируются с помощью лингвистического анализа, см. Г. Будрусс (Buddruss) 1983b, с. 8-9, Ж. Фуссман (Fussmann) 1972, с. 31, Д. Л. Р. Лоример (Lorimer) 1939, с. 7 и сл., К. П. Цоллер (Zoller) 2005, с. 16-17.

⁴⁵ О тесной исторической связи носителей думаки с носителями шина и бурушаски свидетельствуют многочисленные лексические заимствования в языке думаки. По подсчетам Г. Будрусса, до 80% словарного состава этого языка заимствовано из шина и бурушаски (Buddruss 1983b, с. 7).

Шинязычные пастухи из Тангира

3) Поздние мигранты и беженцы – представители восточноиранских и алтайских языковых групп. За последние два столетия в долинах Гиндукушко-Каракорумско-Гималайского ареала поселились разрозненные группы мигрантов и беженцев. Им, как правило, были отведены территории, расположенные на окраинах уже существовавших деревень. Пользуясь этими, часто еще не освоенными угодьями, новоприбывшие поселенцы превращали пастбища в поля, тем самым способствуя расширению площади посевных земель в регионе. В пределах Северных Территорий Пакистана такими мигрантами, в первую очередь, являются ваханцы – носители восточноиранского языка, которые прибыли из Бадахшана – высокогорного региона, расположенного на территории современных Афганистана и Таджикистана (Kreutzmann 1996, Lorimer 1922).⁴⁶ Кроме этого в северо-

⁴⁶ Подобно ваханцам, в долинах, расположенных в нынешнем округе Читрал (Северо-Западная Пограничная Провинция), в XVIII и XIX веках поселились

восточной части Северных Территорий, главным образом, в городе Гильгит и округе Гизар, в XX веке поселились тюркоязычные беженцы – уйгуры и киргизы (Kreutzmann 1996, сс. 151-153, 374), а со второй половины XIX века в села и городские поселения региона начали прибывать пуштуязычные мигранты родом из ареала традиционного расселения пуштунских племен.⁴⁷

4) Миграция гуджурских кочевников из бассейна реки Инд. Во второй половине XIX века пастбища местных гуджурских кочевников, расположенные на территории Пенджаба в бассейне реки Инд, были значительно сокращены в результате того, что колониальные власти превратили их в земельные угодья (Fautz 1963, с. 45). Впоследствии гуджуры были вынуждены искать новые пастбища в горных районах: сначала в Кашмире, а потом, двигаясь дальше на север, уже в Каракоруме. Процесс миграции гуджуров из низинной части Пакистана в высокогорье продолжается по сей день. В Северных Территориях носители центрально-индийского гуджури в летний период в основном живут во временных пристанищах, расположенных на высокогорных пастбищах. Зимой же они проводят в постоянных поселениях в округе Гизар или в граничащем с Северными Территориями Индском Кохистане (Herbers, Stöber 1995).

носители восточноиранского йидга (мунджанского) и западноиранского мадаглашти (вариант персидского).

⁴⁷ Пуштунов, проживавших в середине 1990-х гг. в Северных Территориях, можно было разделить по их образу жизни на два типа: временные мигранты и постоянные мигранты. Мигранты первого типа не теряли связи с местами своего происхождения, расположенными в ареале традиционного расселения пуштунских племен, регулярно навещая свои оставшиеся там семьи. В Северных Территориях эти мигранты проживали во временных домашних хозяйствах (пуш. *dera*), которые они, как правило, делили с людьми, говорившими на том же диалекте пушту, что и они. Мигранты второго типа полностью прерывали контакты с прежней родиной и вместе со своими семьями обосновывались в Северных Территориях в постоянных домашних хозяйствах (пуш. *kor*).

Неоднородность этнолингвистической картины Северных Территорий в некоторой степени отражается в разноликой религиозной структуре населения региона. В середине 1990-х годов все жители Северных Территорий исповедовали ислам, делясь на следующие четыре главные (и отчасти антагонистические) группы: сунниты, шииты-двунадесятники, исмаилиты и нурбахшиты⁴⁸ (см. график 2.3).

График 2.3: Соотношение этнолингвистических и религиозных групп в Северных Территориях Пакистана в середине 1990-х гг.

Географическое распределение этих религиозных групп в середине 1990-х годов было следующим: округ Диамер по обеим сторонам реки Инд, включая долины Дарел и Тангир, а также Чилас, был полностью заселен суннитами. В округе Гильгита и в долинах Пуньял и Астор

⁴⁸ Нурбахшиты – последователи доктрины нурбахшия, исламского течения, возникшего на основе суфийской традиции в XV веке в Кашмире и в Балтистане, как ответвление суфийского братства Кубравия; более подробно о нурбахшитах см. Рик (Rieck) 1995.

население было смешанным и состояло из шиитских и суннитских общин. Исмаилиты в основном проживали в долинах Хунза и Ясин и частично в долине Пуньял. Центральная часть долины Нагер была полностью шиитской, также как и долина Шигар на севере и поселения на юго-востоке округа Скарду. Но в то же время, большинство населения Ганче принадлежало к вероисповеданию нурбахши. Город Гильгит и городское поселение Скарду были многоконфессиональными. Согласно А. Дитману (Dittmann 1998, с. 50), население Гильгита в 1994 году состояло примерно на 45% из суннитов, на 45% – из шиитов-двунадесятников и на 10% – из исмаилитов, что способствовало появлению в городе насилия, подпитанного на религиозной почве.⁴⁹

Как явствует из графика 2.3, в середине 1990-х годов полное соответствие между этнолингвистической принадлежностью и религиозной приверженностью было скорее исключением, чем правилом. Так, носитель шина мог оказаться суннитом, шиитом или исмаилитом, носитель бурушаски – шиитом или исмаилитом, носитель балти – нурбахшитом или шиитом и т.д. Тем не менее, существовали этнолингвистические группы, среди них и пуштуязычные мигранты,

⁴⁹ В середине 1990-х гг. социальные разногласия в Северных Территориях по своей сути не отличались от противоречий того же характера, имеющих место в других частях Пакистана, где неравные права и возможности относительно доступа к ресурсам и услугам (например, пользование пахотными землями, оросительной водой, пастбищами, полезными ископаемыми, банковскими кредитами; право на образование, на медицинское обслуживание) вызывали раскол среди населения, дробя его на различные социальные классы и группы (Kreutzmann, 1995, с. 116 и далее). В пределах Северных Территорий важным фактором поляризации населения являлась та или иная конфессиональная приверженность. Вследствие этого, недовольство местных жителей неравным распределением ресурсов и услуг, как правило, переносилось на религиозный уровень и время от времени выливалось в кровавые столкновения между антагонистическими конфессиональными группами. Подробный анализ динамики развития социально-религиозного конфликта в Северных Территориях за последние тридцать лет приводит И. Хунзай (Hunzai) 2013.

которые, по крайней мере, в восприятии своего окружения⁵⁰, ассоциировались только с одним вероисповеданием и в результате автоматически причислялись к одной определенной конфессиональной группировке.

⁵⁰ О пуштуязычных мигрантах-шиитах, проживающих в Северных Территориях см. глава 3.1.3.2.

3. ИСТОРИЯ МИГРАЦИИ

Несмотря на то, что пуштуны, как мы увидим далее, поселились в Северных Территориях сравнительно недавно, их миграция в более обширный Каракорумско-Восточно-Гиндукушский ареал – далеко не новое явление. В течение XV и XVI веков Баджаур и нижние части долин Сват и Дир – территории, когда-то полностью заселенные немусульманами, носителями дардских языков, были захвачены и освоены прибывшими с юга мусульманскими пуштунами. В дальнейшем из этих мест неоднократно совершались религиозно мотивированные набеги на оставшиеся дардские территории. Распространение суннитского ислама в регионе, как правило, сопровождалось появлением пуштунских поселенцев и влиянием их родного языка на местные дардские языки.

С течением времени пуштуны вытеснили или интегрировали подавляющую часть автохтонного населения также и в верхних частях долин Сват и Дир, образовав ряд поселений в Индском Кохистане. Впоследствии, к середине XX века пушту стал *лингва франка* всех этих местностей (Barth 1956, с. 6; Hallberg 1992b, с. 139; Decker 1992b, с. 77). Более того, по свидетельству норвежского этнографа Фредерика Барта (Barth 1956, с. 6, 26 и сл.), в 1950-е гг. в Индском Кохистане большинство мастеров-ремесленников были пуштуязычными. Потомки ранних пуштунских проповедников ислама занимали ключевые позиции в социальной иерархии общин, а пуштунские предприниматели обеспечивали местному населению доступ к внешним торговым сетям.

На крайнем северо-западе ареала в тогдашнем княжестве Читрал (ныне в составе Северо-Западной Пограничной Провинции) пуштуны-мигранты начали оседать примерно со второй половины XIX века, в основном в качестве торговцев-посредников между рынками Пешавара, Афганистана и Туркестана. Поток прибывающих пуштуязычных мигрантов усилился в колониальный период и вновь расширился во второй половине XX века. По оценкам Исрар-уд-Дина (Israr-ud-Din 1969, с. 55), в 1960-е гг. местные пуштуязычные предприниматели контро-

лировали до восьмидесяти пяти процентов от общего объема торговли Читрала. В середине 1990-х гг. пуштуны-мигранты проживали в городе Читрал, в селении Дрош, в деревнях, расположенных вдоль реки Читрал между Дрошем и селением Аранду, в долинах Аркари, Шиши-Кух и Урсун, а также в селениях Решун и Мастудж (Decker 1992b, с. 20; Casopardo Alberto. 1991, сс. 279, 286; Casopardo Augusto 1991, с. 324; Holdschlag 2006, с. 4). По подсчетам К. Д. Декера (Decker 1992b, с. 11), в конце 1980-х гг. в Читрале число носителей пушту составляло около 3.000 человек, т.е. приблизительно 1,2 % от общего населения округа. Следует также отметить, что на пушту, как на втором языке, говорила значительная часть местных нехховароязычных этнолингвистических меньшинств. Более того, по наблюдениям А. Хольдшлага (Holdschlag 2006, с. 4) и К. Д. Декера (Decker 1992b, сс. 38, 83), на территории Южного Читрала язык пушту перенял от языка кховар функцию регионального *лингва франка*.⁵¹

3.1. Пуштуязычные мигранты в Северных Территориях Пакистана

3.1.1. Доколониальный период (до 1892-го г.)

В XIX веке нынешние Северные Территории Пакистана представляли собой конгломерат более или менее независимых, экономически отсталых долин, расположенных на северо-западной периферии Кашмирского княжества и Британской Индии. Некоторыми из этих

⁵¹ По мнению Маннингс (Munnings) 1990, с. 17, вытеснение кховара, в прошлом выполнявшего функцию *лингва франка*, может быть связано с присутствием на территории южного Читрала значительного числа пуштуязычных беженцев из Афганистана вследствие войны 1980-х гг. Беженцы проживали в течение многих лет в местных лагерях и обычно не усваивали языки своего нового окружения (кховар или урду), что как-будто бы вынудило заинтересованных во взаимодействии с беженцами автохтонных жителей выучить пушту; см. также К. Д. Деккер (Decker) 1992b, с. 21.

долин – среди них северные княжества Хунза, Нагер и Ясин – правили потомственные автократы. Другие же, например, южные мини-республики Тангир, Дарел и Чилас, управлялись избранным советом старейшин.

Население данного региона с трудом добывало себе пропитание за счет традиционного земледелия и скотоводства. Излишки средств, если такие вообще появлялись, использовались, главным образом, для организации коллективных торжеств, а в долинах, подвластных автократам, также и для сооружения и содержания сложных и трудоемких систем орошения. В долинах на юге, управляемых советами старейшин, источников для неземледельческих доходов практически не было. В северных же княжествах правящая знать пополняла свои скудные ресурсы грабежом проходящих мимо караванов и продажей в рабство пленных путешественников и собственных подданных.⁵²

Сложное экономическое положение долин было следствием традиционно крайне нестабильной политической ситуации в регионе. На протяжении многих столетий взаимоотношения между долинами характеризовались длительными междоусобицами, сменяемыми кратковременными альянсами. При этом долины, как правило, втягивались в конфликты между влиятельными соседями, такими как Тибет, Китай, Кашмир и Читрал. К середине XIX столетия интересы Кашмира, становящегося все более и более влиятельным, в очередной раз на многие годы погрузили регион в политическую нестабильность, то и дело – вспыхивали вооруженные столкновения. Примерно в это же время Великобритания и Россия обратили внимание на все еще неизведанные Каракорумские горы, которые, будучи расположены на стыке территориальных интересов этих двух колониальных империй, вдруг приобрели важное стратегическое значение в начавшейся "Большой игре" (Great Game).

К этим тревожным временам относятся самые ранние свидетельства о постоянном присутствии пуштунов в данном регионе. Первые

⁵² Для подробного анализа социоэкономического положения региона в XIX и начале XX столетий смотри Дж. Стейли (Staley) 1969.

доступные нам данные сохранены в одном изначально засекреченном британском военном отчете, который впоследствии был опубликован Королевским географическим обществом. Его автор, Манпул Мир Мунши, был одним из так называемых "ученых мужей" (pundit) – разведчиков, завербованных из местного населения секретной службой британской армии и обученных с целью сбора информации в регионах, пребывание в которых считалось небезопасным для европейских путешественников.

В начале 1860-х годов Манпул Мир, выдающий себя за торговца, был направлен в путешествие из Пешавара через Читрал и Вахан в город Кашгар, расположенный в восточном Туркестане (ныне Шиндзян в Китайской Народной Республике). Внимательно исследуя регион, на своем пути он собирал информацию обо всем, что могло представлять военный или коммерческий интерес для его британских заказчиков. Сведения Манпула Мира о ситуации в восточном Читрале и в долинах Гизар и Ясин – местах, в то время совершенно недоступных европейцам, – содержала упоминание о коммерческой деятельности торговцев из Пешавара, Афганистана и долины Дир, местности к югу от Читрала, которую Манпул Мир в соответствии с традицией того времени, называл "Ягистаном".

По сведениям, полученным Манпул Миром (Munpool Meer, с. 133), некоторые особенно оборотистые ягистанские предприниматели во время своих сезонных коммерческих поездок в Читрал заезжали и в долину Ясин, где они торговали лошадьми, а также обменивали соль, железо, одежду и всевозможные галантерейные изделия на рабов, и местные сельскохозяйственные продукты. Коммерческие вылазки пуштунских предпринимателей описывались как опасные и физически изнуряющие, но и как крайне прибыльные, в частности, с учетом большого спроса, которым пользовались местные молодые рабыни на читральских и дирских базарах.

Владельцы отеля в Хунзе

Следующее по времени упоминание пуштунов в Каракорумском регионе мы находим в известном произведении Джона Биддулфа "Племена Гиндукуша" (Biddulph 1880). Майор, а позже полковник, Биддулф совмещал свою военную деятельность с призванием ученого. Во второй половине 70-х годов XIX века он был назначен первым постоянным британским представителем в Каракорумском регионе и в этой должности руководил вновь созданной постоянной британской дипломатической миссией, которая впоследствии получила название "Гильгитское агентство" (Gilgit Agency). В своей книге Дж. Биддулф знакомит читателя с историей, нравами, языками и местами проживания этнических групп, с которыми ему довелось вступать в контакт за время своего длительного пребывания в регионе. Причем материал, собранный на протяжении многих лет, Дж. Биддулф подает систематизировано и с впечатляющим количеством подробностей. Носителей языка пушту Дж. Биддулф упоминает только мимоходом, но зато в трех различных контекстах. Во-первых, описывая уже упомянутую Манпул

Миром долину Ясин, он отмечает, что ее коммерческие структуры "в основном в руках (пуштунских) торговцев племени Кака Кел из Пешавара". Второе упоминание находим в описании Чиласа. Дж. Биддульф называет регион Чилас – ныне округ Диамер – "типичным местным оплотом религиозных проповедников из долины Сват". Третье упоминание – в подробной таблице "распространение местных каст". В Чиласе и в долинах Дарел и Тангир Дж. Биддульф регистрирует "патанов", описывая их как "поселенцев" и внося в один ряд с ранее осевшими этническими группами "шин", "дом" и "яшкун" (Biddulph, стр. 10, 15, 34).

Почти через сто лет после Дж. Биддульфа его упоминание о религиозной деятельности сватских проповедников в Чиласком регионе подтверждается К. Йеттмаром (Jettmar 1960, с. 134, 1961, с. 81, 87). Основываясь на этнологических и исторических данных, К. Йеттмар делает предположение о ключевой роли, которую сыграли пуштунские миссионеры в обращении доисламского населения округа Диамер в суннитский ислам.⁵³ Таким образом, информация о "патанах", которая содержится в биддульфской таблице, касающейся распространения местных каст, может считаться первым проверенным свидетельством существования ранних пуштунских хозяйств в данном регионе.⁵⁴

⁵³ Раннее упоминание о деятельности пуштунских духовных лиц в Каракорумском регионе содержится в историческом сочинении "Тарих-и Мурасса", составленном Афзал Хан Хаттаком (прибл. 1662 – 1748 гг.). Описывая религиозный поход под предводительством некоего Ахунд Чалака, ученика Ахунд Панджу (умер в 1631 г.), направленный против "неверных Чиласа", автор повествует: "... и они (Ахунд Чалак и его военный отряд) дошли до реки Инд. Там не было ни лодки, ни плота. Они сплели несколько веревок из тамарисковых прутьев, с их помощью крепко связали ветки друг с другом и, таким образом, соорудили что-то вроде плота. После этого он [Ахунд Чалак] переправил свой военный отряд на другую сторону реки... Они выиграли битву во имя Аллаха, взяли пленных и переправились обратно тем же плетеным плотом" (см. Holzwarth 1999, стр. 124).

⁵⁴ Как станет видно в главе 3.1.2.2, предложенная здесь интерпретация данных Дж. Биддульфа подтверждается и более поздними устными источниками.

На этом письменные упоминания о пуштунском присутствии в Северных Территориях до начала колониального периода в 1892-м году исчерпываются.⁵⁵ Можно предположить, что очевидная скудность источников на данную тему указывает именно на то, что до конца XIX столетия миграция пуштунов в Северные Территории, за исключением части округа Диамер, прилегающей к реке Инд, являлась почти незаметным маргинальным явлением.

3.1.2. Кашмиро-британское колониальное господство

Как уже было отмечено, одной из самых активных в военном отношении держав в Каракорумском регионе в XIX столетии являлся Кашмир – независимое княжество на западе Гималайского горного массива. В то время Кашмир управлялся индусской династией Догра, которая с момента восхождения на трон, непосредственно после развала Империи сикхов в 1846 году, поддерживала тесные политические связи с Британской Индией.

В начале 1840-х годов тогда еще независимое княжество Балтистан, включавшее в себя теперешние округа Скарду и Ганче, было захвачено армией сикхов, а вскоре после этого оно было включено в состав дограского Кашмира. В течение последующих десятилетий Догра и их британским союзникам удалось подчинить своей власти большинство территорий Каракорумских гор. Завершающим событием в деле колониального завоевания региона стал захват британскими экспедиционными войсками княжеств Хунза и Нагер в 1891-1892 гг.⁵⁶

⁵⁵ К сожалению, приведенные письменные сведения не могут быть дополнены устными воспоминаниями опрошенных, так как во время моих исследований не удалось собрать надежной информации, относящийся ко времени до начала XX века.

⁵⁶ Подробное описание военного похода Кашмирских Догра в Балтистан, Диамер и Гильгит можно найти в книге А. Х. Дани (Dani 1991) "История Северных Территорий Пакистана". О краткой и кровавой британской военной экспедиции в долины Хунза и Нагер см. книгу Э. Ф. Найта "На стыке трех империй" (Knight 1893).

В 1901 году территории нынешних округов Гизар и Гильгита, а также бóльшая часть нынешнего округа Диамер были объединены под названием "Гильгитский Вазарат" (Wazarat-i Gilgit). Административный центр Вазарата находился в одноименном городе. На протяжении первых трех с половиной десятилетий своего существования Гильгитский Вазарат управлялся Кашмиром, который во всех делах, связанных с внешней и внутренней политикой, полагался на активную поддержку Британской Индии, официальным представителем которой являлся так называемый постоянный "политический уполномоченный" (Political Agent) в Гильгите. Позже, в 1935 году династия Догра сдала Гильгитский Вазарат на шестидесятилетний срок в аренду Британской Индии. Так, переименовав данную территорию в "Гильгитское агентство (Gilgit Agency)", Британская Индия управляла ею до обретения Пакистаном независимости в 1947 году.

В отличие от территорий, вошедших в Гильгитский Вазарат, нынешние округа Скарду и Ганче никогда не управлялись англичанами. Будучи частями Балтистана, они были присоединены в 1901 году к району Ладак, который к тому времени уже подчинялся кашмирским Дограм, и до осени 1947 года находились под непосредственным управлением этой династии.

С целью защиты границ своих недавно приобретенных владений и осуществления долгосрочных политических целей в регионе новоявленные колониальные власти размещали немногочисленные, но постоянные военные контингенты в местах стратегического назначения, таких как Гильгит, Гупис, Чилас и Скарду. В то время как Гильгитский Вазарат находился под непосредственным управлением Кашмира (а с 1935 года – под администрацией Британской Индии), долины Хунза, Нагер и Дарел оставались под властью своих исконных правителей. Однако полномочия последних, были ли они князьями местных династий или членами избранного совета старейшин, касались исключительно внутривнутриполитических вопросов. Все внешние дела решались представителями колониальной администрации.

Мир в долинах окончательно воцарился в 1890 году. На протяжении последующих нескольких десятилетий колониальные власти провели целый ряд тщательно продуманных административных мер, направленных на поддержание спокойствия в регионе. Главный упор делался на военную и экономическую интеграцию региона в общий колониальный контекст. Важным шагом в этом направлении было создание надежных путей сообщения с Кашмиром. Это было достигнуто благодаря расширению и модернизации традиционного пути, который проходил через долину Астор и Бурзилский перевал в город Сринагар. Кроме того, колониальная администрация занималась строительством мостов и дорог на территории самого региона, а также реформой налоговой системы и освоением целинных земель.

Все эти меры, которые дополнялись другими строительными проектами на государственные средства и упомянутым выше созданием и содержанием военных баз, привели к увеличению объема циркуляции ресурсов и денежных средств. В свою очередь, это способствовало превращению центрально расположенных поселений Гильгит и Гупис в привлекательные места для трудоустройства, коммерческой и ремесленной деятельности.

3.1.2.1. Торговля и ремесло

Среди тех, кто первыми воспользовались улучшением экономической ситуации под кашмиро-британским управлением, были торговцы, которые к тому времени уже успешно действовали в регионе. Можно предположить, что именно благодаря своим традиционным коммерческим и семейным связям в районах, расположенных к западу и юго-западу от Каракорумского региона, пуштунские торговцы, приезжавшие через Читрал, на долгие годы сохранили свои ведущие позиции по снабжению нынешнего округа Гизар привозными товарами. Некоторые представители старооседлых пуштунских семей, опрошенные мной в середине 1990-х годов в Гуписе, Таусе и Гильгите, еще могли воспроизвести в памяти подробности деятельности своих предков в регионе. Таким образом, ниже приводятся воспоминания семидесятипятилет-

него *Сарвар Хана*, торговца тканями из Гильгита, о начале его семейного бизнеса.

"Первый из нас, кто прибыл в эти места, был мой дедушка *Рахим Дад*. Он происходил из Дира, из бедной семьи парача (профессиональная группа). Самым ценным его имуществом была пара вьючных мулов, с которыми он каждый год отправлялся из Читрала через Шандурский перевал (главный перевал между Читралом и Северных Территории) в поселение Гупис. Там он торговал товарами, привезенными из Дира или приобретенными на читральском базаре. В то время дорога из Читрала в Гупис была очень трудной. Мой отец *Мухаммад Дауд* – да помилует его Аллах! – часто рассказывал мне о том, как он, будучи маленьким мальчиком, сопровождал своего отца во время этих изнурительных путешествий. Мой отец не ходил в школу, как это делают сегодняшние дети, но вместо этого он помогал отцу с мулами. Его мать, моя бабушка, оставалась в деревне в Дире, и он видел ее только зимой.

Каждый год ранней весной они с отцом покидали родное селение и закупали соль, чай и ткани в городе Читрал. После этого они пускались в путь в направлении Гуписа. Обычно они были в составе первого каравана, пересекающего Шандурский перевал. Часто на дороге еще лежал снег, и было очень сложно гнать животных по узким горным тропам. Обычно им приходилось за сезон проделать несколько таких путешествий, чтобы заработать достаточно средств для оставшейся дома семьи. Зимой, когда пути перекрывались из-за обильного снега, не было никакой возможности заработка. Позже мой дед открыл свой собственный магазин в Гуписе; не магазин, конечно, в нынешнем понимании, а маленький ларек, сколоченный из досок, который стоял там, где нынче находится Старый Базар – на арендованной у местного крестьянина земле. Это был один из первых магазинов, владельцем которого являлся пуштун. В отличие от сегодняшних дней, пуштунов в Гуписе тогда было очень мало и базар, соответственно, был тоже очень маленьким. Из ране прибывших пуштунов мне запомнился некий дядя *Мохсин* – друг моего отца, родом из той же деревни, что и мы. *Мохсин*

принадлежал к (профессиональной группе) мочи и работал сапожником и седельным мастером.

Мой отец женился на моей матери в родной деревне и позже привез ее в Гупис. Мне было тогда около десяти лет, а моему брату было еще меньше. После переезда в Гупис мой отец неплохо зарабатывал и больше не был вынужден сам отправляться в изнурительные путешествия через перевал. Мой дед же вернулся в свою деревню, где и скончался. Наш первый дом в Гуписе сохранился до сих пор, но старый ларек давно уже сменил большой магазин на Новом Базаре. С момента прибытия моей матери мы всей семьей круглый год оставались в Гуписе. Во время летнего сезона оба мои дяди с материнской стороны помогали нам в торговле. Один из них привозил товары из Дира через Читрал, а другой продавал их крестьянам в долинах Ясин и Пуньял. Как правило, у местных людей не было денег, поэтому мы брали взамен шерстяную ткань, масло и козью шерсть. С этими товарами мой дядя до выпадения первого снега возвращался в Читрал и в Дир. Мы же с братом помогали отцу в магазине в Гуписе.

Фермер из Гуписа

Торговать было непросто, потому что каждому хотелось что-то купить из наших товаров, но вещей для обмена у всех было мало. Таким образом, нам приходилось записывать клиентов в должники. Однако когда приходило время оплачивать долги, люди часто сердились из-за того, что они не могли нам ничем заплатить. Даже случилось так, что мой отец приобрел небольшой участок сельскохозяйственной земли у одного из местных крестьян, так как тот нам сильно задолжал. Но мы эту землю сами обрабатывать не стали, а вместо этого сдавали ее в аренду прежнему владельцу.

Помимо своего постоянного бизнеса в Гуписе, мой отец часто ездил торговать в Гильгит. Обычно я его туда сопровождал. Вначале мы просто привозили свои товары, преимущественно соль и ткани, на перепродажу, а позже арендовали лавку в городе и оставались там на зиму. В холодное время года бизнес там был более выгодным, чем у нас дома, так как из-за снега и гололеда никто не возил товары из Гуписа в долины, и даже в самом Гуписе торговля, ввиду отсутствия клиентов, шла очень медленно. Помимо этого, в отличие от гизарских крестьян, люди здесь в Гильгите чаще платили сразу же наличными и тем самым избавляли нас от неприятностей, связанных с торговлей в кредит. Однако в те времена дороги были совсем не такими, как сейчас, и путешествие между Гуписом и Гильгитом было достаточно трудным предприятием; иногда нам приходилось тратить несколько дней, чтобы добраться до цели. Позже, когда мне уже было около пятнадцати лет, мы полностью переселились в Гильгит. Там мы обосновались по соседству с гробницей *Сеид Шер Афзала* в тогда еще полусельской местности, которая сегодня является кварталом Ампера. Мои дяди остались в Гуписе. Дядя Фазил стал управлять нашим старым магазином, а дядя Бурхан заботился о поставках из Читрала.

Тогда базар в Гильгите был очень маленьким. Наш магазин был расположен в секции Раджа Базар, где торговали и другие пуштуны из нашего региона. Самые богатые магазины в те времена находились во владении индусов и кашмирцев. Их торговые точки были сосредоточены недалеко от места, где сегодня находится Пятничная мечеть.

Постепенно все больше и больше пуштунов переселялись в Гильгит из Диры и Баджаура. Среди них были такие известные личности, как кузнец *Лала Хан*, умерший бездетным в 1950-е годы, *Паяанда Хан*, который в своем магазине торговал абсолютно всем, от муки до гвоздей, и закупщик всяческого хлама *Мухаммад Хан* – отец *Юнуса Кабари*, сегодняшнего владельца магазина автомобильных запчастей на Эрпорт Базаре".

Гильгит, февраль 1994 г.

Гупис, упомянутый *Сарвар Ханом* как место, где был расположен первый магазин его семьи, во времена его деда являлся главным населенным пунктом на пути из Читрала в Гильгит. Значимость этого поселения была обусловлена его благоприятным географическим расположением. Во-первых, Гупис находился на перекрестке всех местных транспортных путей, связанных с внешним миром через Шандурский перевал. А, во-вторых, он контролировал доступ к плодородной долине Ясин, которая через перевалы Даркот и Борохил примыкала к имевшему военное и коммерческое значение пути в Вахан.

В середине 1990-х годов Гупис был процветающим поселением с несколькими тысячами жителей, тремя школами и двумя базарами. Однако Гупис времени деда *Сарвар Хана* следует представить себе совершенно иным. Скорее всего, это была небольшая деревня, состоявшая из двух-трех десятков домов, окруженных сельскохозяйственными угодьями, и с находившейся немного на отшибе небольшой площадью для базара. Тем не менее, не стоит сомневаться в том, что с самого начала региональной торговли Гупис, благодаря своему центральному расположению, являлся самым подходящим местом для образования постоянного базара, обеспечивавшего коммерческие потребности соседних долин. Более того, те же географические и экономические параметры наверняка и побудили Кашмирскую администрацию расположить именно в Гуписе, непосредственно за периметром самой деревни, небольшой контингент своих войск.

Можно предположить, что с момента появления там кашмирского военного поста региональные торговцы были вовлечены в снабжение его обитателей снаряжением и продуктами питания. Наверное, и сами военные тратили часть своего жалования на предлагаемые на базаре товары, а жители местных деревень устраивались на строительные работы и оказывали разного рода другие платные услуги по хозяйству.

Соответственно, можно было бы ожидать, что в последующие годы рост экономического развития Гуписа, обусловленный присутствием военного поста, побудил вновь приезжих торговцев выбрать именно этот город опорным пунктом своей коммерческой деятельности в регионе. И действительно, отчет британских колониальных властей, датированный серединой 1920-х годов, указывает на существование шести постоянно действовавших магазинов на местном базаре (Kreutzmann, 1995, с. 114), один из которых, вероятнее всего, и принадлежал семье *Сарвар Хана*. Конечно, упомянутое количество торговых точек не впечатляет своей значимостью. Тем не менее, учитывая, с одной стороны, общую экономическую отсталость региона, а с другой стороны, тот факт, что владельцы магазинов, работали со странствующими торговцами (такими, как дядя *Сарвар Хана* по материнской линии), это скромное число официально упомянутых торговых точек может послужить показателем значительного прироста торговой деятельности в районе Гизар со времен доколониального периода.

Сарвар Хан был не единственным опрошенным, кто смог воспроизвести в памяти былые времена пуштунских предпринимателей в регионе. Многие пожилые жители Ясина и Пуньяла все еще хранили яркие воспоминания о странствующих пуштуязычных торговцах, объезжавших долины района. И это неудивительно, ведь эти не по-местному одетые путешественники были, как правило, единственными приезжими на протяжении всего года, а их незамысловатые товары символизировали все то, что казалось желанным из загадочного мира вне пределов Каракорумских гор.

С течением времени все больше и больше предприимчивых пуштунских торговцев, подобно дедушке *Сарвар Хана*, открывали постоянные ларьки в Гуписе, где они делили местный рынок с купцами из Кашмира, приезжавшими в Гизар не через Шандурский перевал, а через долину Астор и Гильгит. Менее же удачливые пуштуязычные предприниматели продолжали приобретать свои товары в Гуписе, перевозя их на мулах или на собственных плечах из деревни в деревню, в постоянных поисках новых клиентов.⁵⁷

Воспоминания *Сарвар Хана* свидетельствуют и о том, что далеко не все потенциальные местные покупатели имели соответствующие средства для оплаты товаров, будь то деньги или, чаще всего, товары на обмен – например, продукты животноводства или земледелия. В результате многие неимущие крестьяне оказывались в долгу у деятельных пуштунов. Без сомнения, такое положение дел в какой-то мере поддерживалось и благодаря неизменной готовности продавцов торговать в кредит. Расспросы о пуштунской торговле в кредит часто вызывал у опрашиваемых мною местных жителей резко отрицательную реакцию и упреки в адрес торговцев. Рассказывалось, что в прежние времена некоторые особенно алчные предприниматели специально расширяли свой ассортимент товаров наркотиками (в виде сырого опия), чтобы делать своих клиентов физически зависимыми от "зелья" и, следовательно, от коммерческих услуг, таким образом увеличивая свои доходы. В данном контексте один пожилой мужчина из деревни Ясин вспоминал с явной горечью, как его отец один за другим

⁵⁷ В одном британском колониальном отчете упоминается, что на юге Гильгитского Вазарата (примерно совпадает с сегодняшним округом Диамер) присутствовали странствующие торговцы из районов, расположенных в долине реки Инд – Колаи и Палас. (General Staff India 1928, цитировано по Kreutzmann 2005b, стр. 16). Не исключено, что эти продавцы были представителями пуштуязычных общин, обосновавшиеся в Индском Кохистане, так как коренные жители упомянутых районов, как правило, не занимались торговлей, требовавшей переездов на дальние расстояния.

распродавал свое и без того скудное семейное имущество, чтобы заплатить пуштунам за регулярные поставки любимого наркотика.

Такого рода устные свидетельства напоминают о том, что отношения между торговцами и местными жителями не всегда были простыми, особенно когда вопрос касался оплаты за уже приобретенные товары. Пуштунские купцы, зачастую не гнушавшиеся брать на себя и роль ростовщиков, славились тем, что безо всякой жалости собирали неуплаченный долг до последней копейки. Так как они не были членами местной общины, невозможно было рассчитывать на посредничество влиятельного родственника или уважаемого старейшины из деревни. Иногда задолженность могла быть погашена только путем продажи земельной собственности. Но даже в таких случаях должники, по местному обычаю, были обязаны позаботиться о том, чтобы пахотная земля оставалась во владении общины, а не переходила к человеку извне. Так что пример непосредственной передачи сельскохозяйственных угодий не местному человеку, как это произошло в случае с отцом *Сарвар Хана*, был скорее исключением, чем правилом.

Прибыльная торговля, в сочетании с возможностью приобретения земли (будь то в виде временной аренды или в результате прямой купли) для возведения частных домов или магазинов на базаре, способствовала тому, что пуштунские торговцы в Гуписе постепенно стали переходить от сезонной миграции к постоянному проживанию. Начало этого процесса было, вероятно, довольно "скромным", так как, согласно местным старожилам, до начала 1930-х годов в Гуписе постоянно проживали только две или три пуштуязычных семьи. Однако в последующие годы процесс, должно быть, ускорился. Об этом свидетельствует тот факт, что по сведениям, собранным мной в Гуписе, к моменту независимости от Британской Индии в 1947 году в селении существовало уже более десятка постоянных пуштунских домашних хозяйств.⁵⁸

⁵⁸ Рост числа пуштуязычных торговцев в регионе в 1930-е и 1940-е годы мог также быть связан с тем, что в 1935 году Эмир Афганистана закрыл границу между Бадахшаном и Читралом. Из-за этого торговцы из Дира и Баджаура были

Вскоре после того, как пуштуны создали себе "точку опоры" в Гуписе, наиболее предприимчивые из гизарских пуштуязычных купцов начали расширять свою торговую деятельность в направлении города Гильгит – административного центра региона. Как следует из повествования *Сарвар Хана*, одной из причин для такого выбора было ежегодное зимнее затишье на рынках Гуписа. Кроме того, можно предположить, что купцов также привлекала возможность увеличения товарооборота, связанная с наличием в Гильгите бóльшего числа потенциальных клиентов и более благоприятной общей коммерческой средой.

В течение последующих лет немалое количество гизарских пуштуязычных торговцев полностью переселилось в Гильгит, где в середине 1990-х их потомки продолжали занимать влиятельные позиции в местных купеческих кругах. Изначально большинство магазинов гуписских первопроходцев пуштунского бизнеса были расположены на том месте, где сегодня располагается Раджа Базар – торговый ряд, проходящий по обеим сторонам дороги из Гильгита в Гизар. Их дома были сосредоточены в прилегающих друг к другу кварталах Маджини Мохалла и Ампера, находящемся в то время еще за чертой города.

Однако если в Гизаре пуштунские торговцы обладали явным коммерческим преимуществом из-за того, что они почти полностью контролировали товарооборот через Шандурский перевал, то в Гильгите их интересы сталкивались с интересами купцов из Кашмира и Пенджаба – представителей индуистского и сикхского вероисповеданий. Последние пользовались повышенным вниманием своих соотечественников и единомышленников, работавших в гильгитской колониальной администрации. Более того, кашмирские и пенджабские предприниматели извлекали

лишены возможности дальнейшего участия в туркестанской торговле. Вполне вероятно, что некоторые из них переориентировали свои коммерческие усилия на Гизар и Гильгит. Кроме того, в 1936 году британская администрация предоставила местным жителям право продавать определенную часть их земельной собственности, чем значительно упростила поселение чужеземцев в городе Гильгит и в других частях Гильгитского Ведомства (Sökefeld 1998b, стр. 285, 297).

немалую пользу из того, что их закупочные базы были расположены в непосредственной близости к производственным центрам Британской Индии, продукция которых к ним поступала по сравнительно хорошо развитому торговому пути через Сринагар и Бурзильский перевал. По этой причине их товары могли быть доставлены быстрее и проданы дешевле, чем аналогичные товары, предлагаемые их пуштунскими конкурентами.

По воспоминаниям старожилов Гильгита коммерческое соперничество между обеими группами торговцев впоследствии привело к более или менее четкой дифференциации товаров и услуг. Пуштуязычные предприниматели в основном сосредоточились на продаже соли, изделий из кожи и металла, торговле мулами, лошадьми, продаже одеял и туркестанского шелка. Кроме того, они занимались транспортным бизнесом и продолжали закупать местные сельскохозяйственные продукты.

Следует отметить, что при всей присущей ему атмосфере жесткой конкуренции, Гильгитский базар уже в те времена слыл местом удобных и взаимовыгодных сделок. Поэтому неудивительно, что к концу колониального периода (т.е. до 1947 года), по оценкам Дж. Стейли, на Гильгитском базаре работало не менее двадцати пяти пуштунов, которые там занимались и торговлей, и разного рода ремеслами (Staley 1966, с. 249, цитируется по Kreutzmann 1989, с. 187).

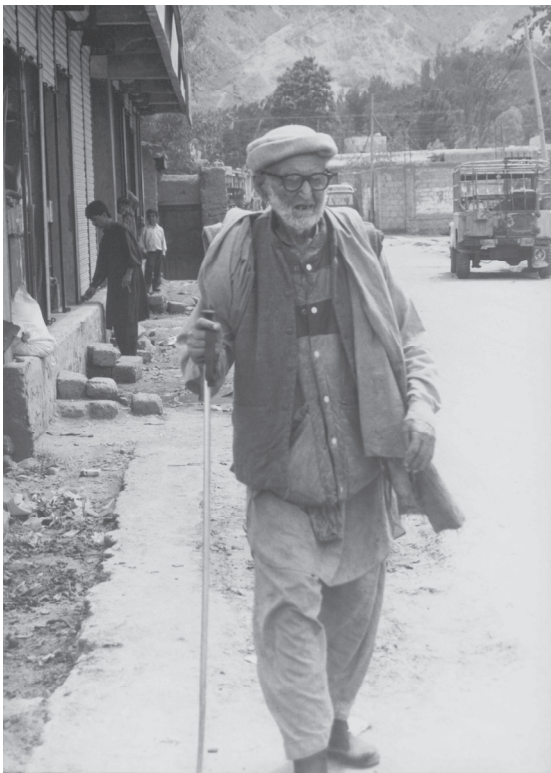
Как явствует из семейной истории *Сарвар Хана*, пуштунские мигранты в Гизаре – а позже и в Гильгите – часто принадлежали к профессиональным группам заводчиков мулов (парача) и кожевников (мочи). В Свате и в Дире члены этих групп, еле-еле сводя концы с концами, зарабатывали на хлеб насущный в качестве погонщиков мулов, мелких торговцев и ремесленников. Во второй половине XIX века многие представители этих групп покидали свои родные места в поисках лучшей жизни. Это миграционное движение было вызвано тем, что их специализированные профессиональные навыки стали пользоваться повышенным спросом в развивающихся в то время городских центрах. Там они, как правило, устраивались на работу в качестве

перевозчиков и ремесленников, а также успешно участвовали в местной и региональной торговле. На своей родине парача и мочи не имели собственных полей. Вероятно, этим объясняется, почему такие переселенцы-предприниматели, как отец и дед *Сарвар Хана*, не проявляли особого интереса к обработке земли, переданной им их должниками, а сдавали ее в аренду местным сьемщикам.

Дополнительным примером такого отношения к сельскохозяйственной деятельности может послужить случай, зарегистрированный мной в поселении Басин (в нескольких километрах к западу от города Гильгит). Там в середине 1930-х гизарские торговцы *Мухаммад Дауд* и *Махбуб Хан* приобрели большой фермерский участок, который в течение последующих сорока лет (до середины 1970-х годов, когда он был распродан их потомками) обрабатывался местными шинязычными арендаторами.

3.1.2.2. Сельское хозяйство

Если многие пуштунские торговцы не видели в полях, перешедших в их владение от должников, ничего, кроме объекта для выгодной сдачи в аренду, то для других пуштуязычных мигрантов пахотные земли являлись главным источником средств к существованию. Первые письменные указания на существование подобных поселенцев можно найти в отчетах, составленных кашмирским налоговым инспектором Такур Сингом и опубликованных в 1917 году администрацией Гильгитского Вазарата. Среди разного рода другой информации документ содержит данные об установлении объёма налогов на землепользование. В соответствующей таблице Такур Синг (Takur Singh, 1917, с. 46) перечисляет не менее пятидесяти двух облагаемых налогами пуштунских хозяйств, расположенных в местности, в которую в настоящее время входит южная часть Гильгитского округа и северная часть Диамерского округа, включая долину Астор.

Крестьянин из долины Астор

Вполне вероятно, что эти пятьдесят два хозяйства поселенцев, перечисленные Такур Сингом, были каким-то образом связаны с "патанами", упомянутыми более трех десятилетий до этого в таблице "распространения местных каст" Дж. Биддульфа (см. главу 3.1.1). Кроме того, дополнительные сведения о существовании пуштунских хозяйств в том же регионе были собраны членами Второй немецкой Гиндукушской экспедиции, наткнувшимися в южной части округа Диамер в середине 1950-х годов на крестьян, утверждавших, что они потомки пуштунских религиозных проповедников (Jettmar 1960, с. 122, 133; 1961, с. 81, 87).

Учитывая вышеприведенные данные, довольно удивительно, что во время посещения тех же районов в середине 1990-х годов мне почти не удалось найти там пуштуязычных земледельцев.

"Исчезновение" большинства пуштунских крестьянских хозяйств, о которых упоминают Такур Синг и немецкая Гиндукушская экспедиция, вероятнее всего, связано с процессом языковой адаптации мигрантов, описанной в пятой главе. Однако одновременно с пуштунами, которые к середине 1990-х годов сменили свой родной язык на местный, существовали и пуштунские крестьянские семейства, уже поколениями проживавшие в Северных Территориях и не проявлявшие никаких признаков отказа от родного языка. Одно из таких в лингвистическом плане более устойчивых домашних хозяйств находилось в селении Чаторканд (нижняя часть Ишкоманской долины, округ Гизар). Главой этой семьи являлся семидесятипятилетний *Абдул Латиф*, который гордился тем, что "все (его) предки были чистейших пуштунских кровей" и что его дети и внуки по-прежнему в полной мере владели своим родным пушту.

История семьи *Абдул Латифа* уникальна, ибо в отличие от других пуштунских мигрантов, его отец прибыл в Каракорумские горы не по собственной инициативе, а по приглашению и под прямым покровительством британцев:

"Мой отец был родом из долины Сват. Его семья состояла в родственных связях с кланом Вали (титул традиционного правителя долины Сват). Однажды у отца возникло серьезное недоразумение с братом правителя по поводу одного земельного участка, ранее обещанного нашей семье. В конечном итоге Вали открыто поддержал своего брата. Мой отец выступил против этого решения с оружием в руках, и его люди убили некоторых из людей Вали. Правитель забрал у моего отца все земли и поклялся отомстить. Таким образом, мой отец был вынужден покинуть свою родину. Он отправился с женой и несколькими из своих людей в Пешавар, где нанялся на службу к англичанам. Однако в Пешаваре или в Пенджабе он обосновываться не хотел. Он опасался, что там люди Вали смогут разыскать его.

Тогда англичане пригласили моего отца в Гильгит, обещая ему покровительство и земли. Он согласился и по приезде построил дом в

квартале Ампера. Там и родился мой старший брат *Абдул Каюм*. Судя по возрасту моего брата, все это происходило, наверное, около восьмидесяти лет тому назад. Через несколько лет после того, как мой отец поселился в Гильгите, правитель Ишкомана выделил нашей семье участок земли в селении Чаторканд. Эта сделка была организована англичанами. В те дни никто не хотел жить в Ишкоманской долине. Там, правда, было много свободных сельскохозяйственных угодий, но мало кто ими интересовался. Когда позже люди наконец-то поняли, что в Ишкомане не так уж и плохо, там появились даже парача из Баджаура и Дира. Изначально они приходили только летом в целях торговли, а теперь они имеют свои собственные постоянные магазины в Имите (поселение к северу от селения Чаторканд). Один из них сейчас даже работает вахтером в местной гостинице. Другой недавно открыл магазин в Чаторканде.

Мой отец никогда не интересовался торговлей. Он считал, что это ниже его достоинства. По его словам, торговля – это удел парачей. Мой отец был настоящим пуштуном и именно поэтому он занимался земледелием. Земля в Ишкомане плодородная, у нас достаточно воды, а фруктовые деревья растут в изобилии. Со временем наша семья приобрела все больше и больше сельскохозяйственных угодий. Сейчас мы даже имеем свое собственное поле в Имите. Я и мой брат всю жизнь занимаемся сельским хозяйством. Наши соседи всегда удивлялись: "Пуштуны, которые обрабатывают землю?" Ну конечно, ведь они знали только торговцев парача, а не настоящих пуштунов, коими являемся мы. *Абдул Каюм*, мой старший брат, по-прежнему каждый день выходит на поле, однако бóльшую часть наших земель мы сейчас сдаем в аренду. Я лично много лет служил в полиции и за эту службу сегодня получаю регулярную пенсию. Раньше наши дети помогали нам с работой на полях, но сейчас, вместо этого они, как и все другие, ездят в Китай, чтобы там приобретать товары для перепродажи здесь. Да, нынче как будто каждый мечтает заниматься бизнесом. Вот как изменились времена".

Гильгит, декабрь 1994 г.

3.1.2.3. Другие виды деятельности

Другим важным источником доходов пуштунских мигрантов была работа по найму и заказы, получаемые от колониального управления. Такой вид трудоустройства обеспечивал стабильную оплату наличными и пользовался большим спросом, как среди местных жителей, так и среди мигрантов. Самые выгодные из подобных контрактов можно было получить в административном и экономическом центре Агентства, в городе Гильгит.

Очевидец и участник военной кампании в долинах Хунза и Нагер в 1891-1892 гг., английский журналист Э. Ф. Найт упоминает о группе пуштунов (Knight, с. 273), зарабатывавших себе на жизнь, трудясь в качестве чернорабочих над расширением дороги из Кашмира в Гильгит. Дорога строилась для того, чтобы обеспечить беспрепятственное перемещение военных сил из низинной части Британской Индии в Каракорумские горы. Э. Ф. Найт характеризует пуштунов-чернорабочих как беглецов, вынужденно покинувших свои родные места из-за угрозы мести за совершенные ими преступления. Позже, во время самой военной кампании, те же пуштуны-строители выступали в рядах вспомогательных войск. Не исключено, что некоторые из них впоследствии поселились в городе Гильгит. Возможно также, что их примеру последовали и другие пуштунские беглецы. Как бы то ни было, уже через четырнадцать лет после описанных событий Б. Э. М. Гурдон, тогдашний британский политический представитель в Гильгите, ссылаясь на рабочие контракты, оформленные кашмирским военным инженером, считал себя обязанным доложить начальству о "большом количестве денег, которые (в регионе) зарабатываются приезжими из Балтистана и патанами" (Kreutzmann 1989, с. 186).

Наем пуштунских мигрантов в качестве строительных рабочих практиковался и в последующие годы. Об этом свидетельствует история семьи *Сеид Рахмана*, владельца магазина китайского шелка в Гильгите. Его дед по отцовской линии *Сеид Эмтияз* сбежал в 1920-е годы из долины Сват через Индус-Кохистан в Гильгитский Вазарат. Там он сначала трудился в качестве подсобного рабочего, дробившего камни для

дорожного покрытия и строительства домов. С течением времени ему удавалось устраиваться на все более выгодные и ответственные работы, и в конечном итоге он уже сам принимал заказы на публичное бюджетное строительство. Деньгами, заработанными таким образом, он не только сумел выплатить компенсацию за совершенное им преступление у себя на родине, но и приобрел необработанные земли в поселке Чамурга (Гильгитский округ) и перевез туда из долины Сват свою семью. В середине 1990-х годов его потомки жили и работали в качестве бизнесменов в Гильгите, где они числились среди самых состоятельных и уважаемых семейств.

Пуштуязычные мигранты также работали в составе местной вазаратской полиции, чем, однако, не все оказались довольны. Так, вышеупомянутый Б. Э. М. Гурдон в 1905 году докладывал о том, что в Гильгите "половина местных полицейских являются патанами, которых на службу определил вазир-и-вазарат (глава кашмирского колониального управления)". При этом, не вдаваясь в подробности, он добавлял: "Очень прискорбно, что этим патанам было позволено обосноваться в Гильгите" (Kreutzmann 1989г., с. 89, 94).

Как бы то ни было, критические замечания Б. Э. М. Гурдона, по всей видимости, мало повлияли на местный обычай набора полицейского персонала, так как преобладание пуштунского элемента в рядах правоохранительных органов Вазарата продолжалось, по крайней мере, до 1930-1940-х годов. Об этом обстоятельстве мне стало известно в середине 1990-х годов от членов пуштуязычных семейств, проживавших в селении Султанабад (бывший Гужурдас), расположенном к северу от города Гильгит. Мои собеседники являлись потомками двух друзей-пуштунов – *Виляят Хана* и *Махабулла Хана*. Те, согласно сообщению внука последнего, в начале 1930-х годов были вынуждены бежать из родного села в Хайберском племенном ведомстве после того, как им предъявили ложное обвинение в зверском убийстве местного муллы. Опасаясь мести родственников убитого, *Виляят Хан* и *Махабулла Хан* бежали через Сринагар в Гильгит, где им вскоре удалось зачислиться в местную полицию. После нескольких лет службы за них, как за

доверенных сотрудников правоохранительных органов, заступился британский политический представитель и оба получили возможность приобрести прежде не освоенные земли в Гужурдасе, где они и поселились в конце 1940-х годов. В 1990-е годы их дети и внуки уже являлись владельцами магазинов на султанабадском базаре, а также выступали посредниками в торговле между Гильгитом и долинами Нагер и Хунза.

3.1.3. После создания Пакистана

Почти сразу же после того, как в 1947 году колониальная Индия обрела независимость от Великобритании, Гильгитское агентство и Балтистан добровольно примкнули к новосозданному Пакистанскому государству. Однако правительство в Нью-Дели настаивало на том, что земли, входящие в состав нынешних Северных Территорий, будучи неотъемлемой частью Кашмира, должны войти в Индийский Союз. Опасаясь военных действий со стороны последнего, пакистанское правительство сразу же занялось усилением своего влияния в Каракорумском регионе. Первым делом центральная власть в Карачи взяла под прямой контроль местное управление, назначая своих доверенных людей на ключевые позиции и значительно расширяя ее средний кадровый состав. Также были установлены постоянные пакистанские военные контингенты как в центральных населенных пунктах – Гильгите, Чиласе и Скарду, так и в областях, граничивших с Индией, Китаем и Афганистаном.

Вместе с этим, в целях обеспечения стабильного развития региона пакистанское правительство предприняло ряд экономических и социальных мер. Прежде всего, надо было восстановить прямое сообщение с территориями, расположенными к югу и западу от Каракорумских гор, ибо основные традиционные транспортные пути через Кашмир были нарушены в результате раздела Британской Индии. Во время колониального периода самым важным из этих путей являлся так называемый Бурзильский маршрут, ведущий через одноименный перевал в город Шринагар. Однако с конца 1947 года эта дорога была

закрыта, поскольку она проходила через часть бывшего Кашмирского княжества, находившейся теперь под контролем Индии.

Чтобы компенсировать потерю Бурзильского маршрута, пакистанские власти решили расширить путь, проходивший через Бабусарский перевал в округ Мансера (Северо-Западная Пограничная Провинция). В результате строительных работ, осуществленных в самом конце 1940-х годов, бывшая караванная тропа, которой некогда возможно было пользоваться только летом, превратилась в дорогу, круглый год пригодную для автотранспорта. В течение последующих тридцати лет, до открытия Каракорумского шоссе, новой, но труднопроходимой Бабусарской дороге довелось служить самым важным связующим звеном между Каракорумским горным регионом и равнинным Пакистаном. В дополнение к Бабусарской дороге были установлены и постоянные воздушные пути, которые использовались как в военных, так и в гражданских целях. Сначала регулярная связь посредством пассажирских рейсов поддерживалась только между городами Гильгитом и Пешаваром (Северо-Западная Пограничная Провинция), а затем и между Скарду и городом Равалпинди (Пенджаб). Последние два города связывались также регулярными товарно-транспортными рейсами.

Большие усилия местного управления были направлены и на улучшение сетей дорог и мостов в самом регионе. Главные затраты шли на строительство Дороги Индской долины (Indus Valley Road), которая должна была обеспечить непрерывную связь между Балтистаном и Гильгитом, а оттуда, по Бабусарской дороге с территориями, расположенными за пределами Каракорумских гор. Кроме этого, была отремонтирована дорога из Гильгита в Гупис, а в середине 1960-х годов началось строительство Каракорумского шоссе (Karakoram Highway), самого дорогостоящего, сложного и престижного инфраструктурного проекта, когда-либо предпринятого в Северных Территориях.

Сын крестьянина из Бассина
(Гильгитский округ)

Помимо усиления административных структур и улучшения дорожно-транспортной сети, пакистанское правительство также поддерживало развитие систем общественного здравоохранения и образования. В результате соответствующих преобразований, в Гильгите и Скарду были открыты больницы, а в сельской местности базовое медицинское обслуживание обеспечивалось с помощью медпунктов, расположенных во всех больших поселениях. Также была создана сеть государственных начальных и средних школ, в середине 1990-х годов охватывавшая даже самые отдалённые деревни и служившая примером для подражания для остальной части Пакистана.

3.1.3.1. До открытия Каракорумского шоссе

Присоединение Северных Территорий к Пакистану также повлияло на экономическое преобразование региона. Начиная с 1950-х годов, сельское хозяйство шаг за шагом отходило на второй план, уступая сначала

внутренней, а потом и внешней торговле, которая медленно, но верно становилась главным источником доходов.

Судя по рассказам очевидцев, пуштуязычные торговцы были среди тех бизнесменов, кто сумел извлечь наибольшую выгоду из экономических изменений, произошедших в регионе в первые десять-пятнадцать лет после обретения независимости от Британской Индии. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, к моменту присоединения Северных Территорий к Пакистану пуштунские предприниматели уже контролировали ключевые рыночные сегменты в округах Гизар и Гильгит. Во-вторых, пуштунам сыграла на руку геополитическая ситуация в регионе, сложившаяся в результате раздела Британской Индии и последующей (первой) войны за господство над Кашмиром между Индийским Союзом и Пакистаном. Война закончилась проведением новой границы – так называемой "линии контроля", разделившей территорию бывшего Кашмирского княжества на две части, одна из которых перешла под контроль Индии, а другая – Пакистана.

В результате такого перераспределения на "свое" и "чужое" индусские и сикхские купцы, торговавшие уже десятилетиями в Каракорумском районе, стали ассоциироваться с вражеской индийской половиной Кашмира, и были вынуждены покинуть все территории, на которые претендовал Пакистан. В пору колониального периода эти "кашмирцы", как их называло местное население, в основном торговали в крупных населенных пунктах, включая Гильгит, Гупис и Чилас. Вследствие внезапного, вынужденного переезда кашмирцев в Индию проявился резкий недостаток коммерческих структур.

Этот пробел сумели заполнить пуштунские торговцы, в то время единственные среди предпринимателей, которым удалось успешно мобилизовать ресурсы, необходимые для возрождения рынка. При этом им безусловно помогло и то, что они не только переняли клиентов от уехавших кашмирцев, но и сумели завладеть покинутыми ими складами и магазинами. К тому же, в отличие от других предпринимателей, пуштунские торговцы продолжали обладать транспортной монополией на гизарской дороге, которая после обусловленного Кашмирской войной

закрытия маршрута из Гильгита в Сринагар, вновь превратилась в главную артерию товарных поставок в Каракорумский регион. Воспользовавшись благоприятными условиями, пуштунские бизнесмены сумели укрепить свои позиции на местных базарах и на короткий срок обрести полный контроль над торговлей в западной и центральной частях Северных Территорий.⁵⁹

Для того чтобы адекватно приспособиться к изменившейся рыночной ситуации, пуштуязычным предпринимателям, таким как *Сарвар Хан* из Гуписа/Гильгита и *Мухаммад Дауд* из Басина/Гильгита, пришлось не только увеличить количество импортируемых товаров, но и реорганизовать их перевозку через Шандурский перевал и распределение по всему региону. Все это требовало дополнительных человеческих ресурсов. Своих помощников, по крайней мере тех, на которых можно было возложить какую-либо финансовую ответственность, пуштуязычные торговцы, как правило, набирали из числа своих соотечественников, так как коренные жители Северных Территорий ими воспринимались как весьма ненадежные деловые партнеры. Поэтому неудивительно, что, по свидетельству местных старожилов, в годы, последующие за обретением независимости Британской Индии, в округах Гизар, Гильгит и Чилас заметно выросло число пуштуязычных предпринимателей, приехавших из Баджаура и Дира.⁶⁰

Однако несмотря на все усилия, предпринятые гизарскими купцами, местный спрос на ввозимые товары не мог быть удовлетворен одними

⁵⁹ В восточной части Северных Территорий, в теперешних округах Скарду и Ганаше, вытесненных кашмирских купцов заменили другие, не пуштуязычные торговцы. Согласно А. Дитману (Dittmann 1997a, стр. 119-121), изначально слабая, в коммерческом отношении, позиция пуштунов в данном регионе объясняется почти полным отсутствием коммуникативных путей между Балтистаном и остальной частью Пакистана.

⁶⁰ Официальная перепись населения, проведенная в 1951 году правительством Азад Кашмира (см. таблицу 2.2), указывает на наличие 665 пуштунов, проживавших в Гильгитском агентстве. По существовавшим тогда административным единицам они распределялись следующим образом: Чилас: 453, Гильгит: 31, Пуньял: 6, Хунза: 0, Нагер: 0, Ишкоман: 27, Ясин: 4, Кух/Гизар: 144.

поставками через Читрал. Эксплуатация этого длинного, труднопроходимого маршрута, проходившего через перевалы, которые в течение полугода были заблокированы снегом, сопровождалась частыми задержками. К тому же большие транспортные расходы неизбежно отражались на стоимости товаров. В результате этого, потребность местного населения в более быстрой поставке менее дорогих товаров привела к усиленной эксплуатации другого, ранее мало использованного маршрута, соединявшего Гильгит с Пенджабом через Бабусарский перевал.

Бабусарская дорога была не только короче маршрута через Шандурский перевал и Читрал, но, после ее капитального ремонта в 1949 году, также более надежной и безопасной. Таким образом, начиная с 1950-х годов, она обеспечивала прямой, удобный доступ к основным центрам пакистанского товарного производства. Вместе с этим она способствовала притоку новых предпринимателей извне, в основном, хиндко- и пуштуязычных бизнесменов и ремесленников из региона Хазара и прилегающей к нему пакистанской части Кашмира.⁶¹

В последующие годы многим пуштунским мигрантам-предпринимателям, прибывавшим по Бабусарской дороге, удалось утвердиться на базарах Чиласа и Гильгита. В Гильгите они открыли свои магазины, в основном, в трех точках, расположенных в центре города, недалеко от большого подвесного моста: на Садар Базаре, на рынке Сабзи Манди и, конечно же, на уже испытанном временем Кашмирском базаре. Именно на последнем из перечисленных я познакомился с *Мухаммад Икбал Ханом*, 55-летним торговцем тканями из Чиласа. Вот что *Мухаммад Икбал Хан* рассказал о том, каким образом он в 1950-е годы оказался в Северных Территориях:

"Я уже более тридцати лет живу в Чиласе. Родом, однако, я из Аттока (город на границе между Северо-Западной Пограничной Провинции и

⁶¹ Согласно М. Зекефельду (Sökefeld 1998b, с. 288), большинство пуштунских мигрантов, прибывавших в Гильгит в годы непосредственно после открытия Бабусарской дороги, происходили из деревни Додиял (округ Мансера, регион Хазара, Северо-Западная Пограничная Провинция).

Пенджабом). Мой отец тоже работал торговцем, а его магазин находился в Ношере (город к востоку от Пешавара). Хотя я помогал отцу с детства, с самого начала было ясно, что после ухода отца не я, а мой старший брат унаследует семейный магазин в Ношере. Так что я был вынужден искать свое счастье в другом месте.

Однажды мой отец получил заказ на отправку товаров на север, в Чилас и назначил меня ответственным за перевозку. В то время о Северных Территориях я знал только то, что они находятся рядом с Кашмиром, что проживают там какие-то дикари и что в этих краях очень холодно. Можно себе представить, с какими опасениями я начал свою поездку в "неизведанное". Сначала мы поехали в Мансеру (центральный город в регионе Хазара), а затем с караваном мулов мы двинулись вверх по Каганской долине и пересекли заснеженный Бабусарский перевал. Я отвечал лишь за перевозку товаров. Что же касается их продажи, то по прибытии в Чилас я их передал мужчине из Музаффарабада (столица пакистанского Кашмира), у которого был магазин на Старом Базаре. Несмотря на все мои опасения, путешествие прошло очень хорошо и мы даже смогли себя обеспечить дополнительными заказами. Таким образом, я повторил ту же поездку еще два-три раза.

Чем чаще я бывал в Чиласе, тем больше мне это место нравилось. В те дни базар там был намного меньше, чем сейчас. Но уже тогда некоторые из здешних магазинов принадлежали пуштунам. Среди них были, например, *Нур Мухаммад* из Пешавара – его сын в настоящее время владеет лавкой через дорогу, и *Ахмад Юсуфзай* из Мардана – он умер три года назад, и его универсальным магазином теперь управляет человек из Мансеры. Можно также упомянуть *Дилавара* – младшего брата знаменитого *Тути Рахмана* из Баджаура, который пару лет назад окончательно переехал в Гильгит, присоединившись к остальной части своего клана. Были также торговцы и парикмахеры из региона Хазара и сапожники из Баджаура.

Во время своих путешествий в Чилас я присматривался к этому месту и, в итоге, решил открыть здесь маленький магазинчик. Я занял денег у

своего отца и вместе со своим младшим братом *Юнусом* взял в аренду лавку на Старом Базаре. Я занимался продажей, а мой брат заботился о закупе товаров и их перевозке. Позже мы к делу также привлекли нашего двоюродного брата *Икбала*. С его помощью мы смогли поддерживать бизнес круглый год, даже зимой. Втроем мы арендовали крошечный домик – в нем была лишь одна жилая комната – и жили в нем на протяжении нескольких лет.

Дела шли неплохо, особенно вначале, когда наш магазин был единственным местом в Чиласе, где можно было приобрести недорогие, но качественные хлопчатобумажные ткани. За деньги, которые я смог накопить за первые годы бизнеса, я приобрел небольшой земельный участок, построил там собственный дом и затем женился. В 1970-е годы мой брат переехал работать в Гильгит. Конечно, там гораздо больше состоятельных клиентов, чем у нас, в Чиласе, но, с другой стороны, в Гильгите и постоянные проблемы с местными шиитами, а потому жить там небезопасно. Я лично предпочитаю оставаться в Чиласе. Здесь все, как мы – сунниты, и нас, пуштунов, здесь уважают".

Гильгит/Чилас, январь-февраль 1995 г.

В течение первых лет пребывания *Мухаммад Икбал Хана* в Северных Территориях работающие там пуштуязычные торговцы все еще занимали ключевые позиции на местных базарах. Однако впоследствии ситуация изменилась. В начале 1960-х годов британский этнолог Джон Стейли, исследуя социальный состав базаров города Гильгит, насчитал 75 пуштунских и хазарейских предпринимателей. Представителей других приезжих этнолингвистических групп – Стейли приводит их под общими названиями "кашмирцы" и "кашгарцы" – насчитывалось 41 человек (Staley 1966, с. 249-250, цитируется по Kreutzmann 1989, с. 187). Хотя данное соотношение свидетельствует о том, что в начале 1960-х годов пуштуязычные бизнесмены все еще являлись самой многочисленной группой неместных предпринимателей в городе, картина приобретает несколько другую окраску, если принять во внимание

общее количество торговцев, работавших на базарах города. В этом случае пуштунские и хазарейские предприниматели составляли не более 20%, ибо большинство магазинов в Гильгите уже в те годы принадлежали автохтонным жителям – в основном, носителям языков шина и бурушаски, которые медленно, но верно укрепляли свои коммерческие позиции на стремительно развивающемся местном рынке.

Однако, как будет видно далее, постепенная потеря численного преимущества пуштунскими торговцами не сопровождалась потерей их финансово-экономического превосходства. Суждено было пройти многим годам, прежде чем шина- и бурушаскиязычные коммерсанты смогли составить серьезную конкуренцию пуштунским мигрантам, особенно в торговых операциях, требовавших больших денежных вложений и систематического поддержания контактов с предпринимателями, развернувшими свою деятельность за пределами Северных Территорий.

К концу 1950-х годов дорога через Читрал, контролируемая пуштунами, потеряла свою ведущую роль в снабжении базаров Диамерского и Гильгитского округов. Это было связано с тем, что к тому времени бóльшая часть ввозимых товаров уже поступала через Бабусарский перевал. Однако в Гизарском округе, который снабжался товарами, в первую очередь, через Шандурский перевал, торговая монополия пуштунских мигрантов оставалась нерушимой. Более того, позиции пуштуязычной части населения Гизарского округа еще более укрепились после того, как местные власти разрешили не только местным жителям, но и приезжим, к которым относились и мигранты-пуштуны, приобрести в частную собственность пахотные земли, освоенные за государственный счет.

Наглядным примером того, как это решение повлияло на дальнейшее развитие пуштунской миграции в данном округе, может послужить деревня Таус, расположенная в центральной части долины Ясин. Там осенью 1994 года мной было насчитано в общей сложности девять пуштунских домашних хозяйств, члены которых являлись потомками

торговцев и ремесленников из племени парача, поселившихся в этих местах в 1950-х годах. Если тогдашняя администрация округа своим решением позволить приезжим приобретать земли в частную собственность преследовала цель поддержать коммерческое развитие Ясинской долины путем заселения там профессиональных торговцев, то можно сказать, что ее усилия увенчались успехом. В течение почти сорока лет Таус, со своим оживленным, хорошо снабженным товарами базаром, являлся бесспорным коммерческим центром долины. Только, начиная со второй половины 1980-х, эта позиция постепенно переходила от Тауса к соседней деревне Ясин – главному поселению в долине, куда к середине 1990-х многие предприниматели Тауса перенесли львиную долю своего бизнеса.

Среди других поселений Гизарского округа, в которых в середине 1990-х годов постоянно проживали пуштуязычные бизнесмены, числилась уже вышеупомянутая деревня Ясин, где первые парача поселились еще в 1952 году, а также Имит и Чаторканд, на базарах которых мигранты-пуштуны занимали ключевые позиции.

Любопытным примером многослойности миграции пуштунов в пределы Северных Территорий в период после основания Пакистанского государства может послужить история одной купеческой семьи из города Ярканда. Вплоть до XX века Ярканд, который расположен на крайнем западе Китая в сегодняшнем Синьцзянском автономном округе, выполнял функцию торгового узла между Восточным Туркестаном и рынками соседних стран. Бок о бок с местным населением в Ярканде жили многие чужеземные купцы. Среди них числились и пуштуны, которые, как правило, занимались коммерческой деятельностью между Читралом и Афганистаном.

Одним из таких пуштуязычных предпринимателей был некий *Фазиль Рахман Хан*, который во второй половине XIX века переехал в Восточный Туркестан из Баджаура. *Фазиль Рахман Хан* состоял в родственных и коммерческих отношениях с *Мухаммадом Кабари*, чья семья с начала 1920-х годов была вовлечена в торговлю в Каракорумском регионе. В середине 1950-х годов, после коммунистической

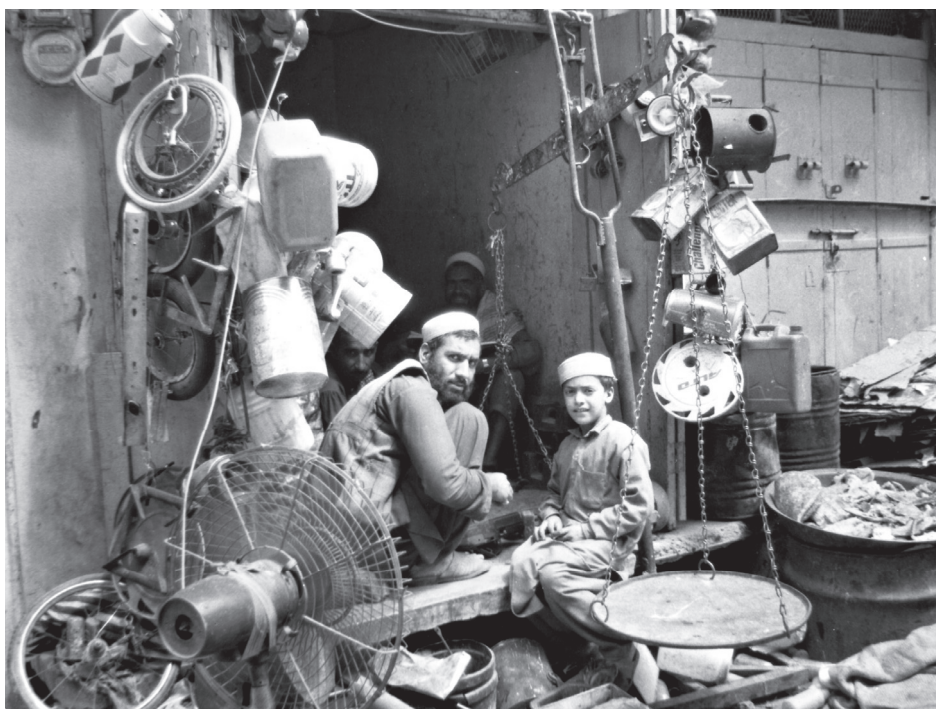
революции в Китае, многие жители Восточного Туркестана, не принявшие новый экономический и идеологический курс на своей родине, бежали через границу в Пакистан. Среди этих беженцев были и члены семьи *Фазиля Рахман Хана*. При поддержке клана Кабари, часть которого в то время уже проживала в Гизарском округе, они вскоре приспособились к новой обстановке и открыли свой собственный магазин. Сначала они торговали только в Таусе, но вскоре они перенесли свой бизнес и в другие населенные пункты. В середине 1990-х годов потомки *Фазиля Рахман Хана* содержали собственные магазины в Гуписе и Гильгите. Кроме того, в конце 1980-х годов им удалось восстановить связь с родственниками, оставшимися в Ярканде, в сотрудничестве с которыми они организовали торговлю китайским шелком.

Разделение Кашмирского княжества между Пакистаном и Индией повлияло на коммерческую деятельность не только в Гильгитском агентстве, но и в Балтистане. Там установление "линии контроля" между двумя странами-соперниками прерывало главный торговый маршрут, ибо тот соединял Балтистан с Лехом и Сринагаром, которые после первой кашмирской войны (1947-1948 гг.) перешли в состав Индийского Союза.⁶² Но в отличие от Гильгитского агентства, где местные купцы за сравнительно короткое время сумели перенаправить товарный транспорт на обходную Шандурскую дорогу, у коммерсантов в Балтистане не оказалось надежной запасной сухопутной связи с другими частями Пакистана. Нужно было найти иное решение проблемы.

Таким образом, в течение первых двух десятилетий после обретения независимости систематическое снабжение Балтистана товарами осуществлялось уже не по суше, а воздушным путем, в основном посредством коммерческих авиарейсов между городами Скарду и Равалпинди (Пенджаб). Изменилась эта ситуация только в начале 1970-х

⁶² До 1947 года основные базары Балтистана располагались в поселении Каргил и в городе Скарду. Согласно П. Фаджи и М. Джинестри (Faggi; Ginestri 1977, стр. 326), на этих базарах торговали в основном кашмирцы, пенджабцы и сикхи.

годов, когда завершилось строительство Дороги Индской долины. В отличие от существовавших до этого времени мелких сезонных дорог, Дорога Индской долины соединяла Балтистан с другими частями страны и летом и зимой, будучи доступной не только легковым машинам, но и грузовому транспорту. Как и следовало ожидать, улучшенная связь с остальной частью Пакистана вдохнула новую жизнь в местную экономику, существенно увеличив приток новых предпринимателей.

Торговец вторсырьем в Скарду

В 1976 году, через три года после официального открытия Дороги Индской долины, итальянские географы Пьерпаоло Фаджи и Марио Джинестри провели опрос людей, работавших на базарах в верхней части долины Инда (Faggi, Ginestri, 1977, с. 335.). В Балтистане они

отметили присутствие неместных предпринимателей только на базарах города Скарду, где помимо пяти "кашмирцев", двух "тюрков" и двух "пенджабцев" исследователи также насчитали троих "патанов". Вполне вероятно, что одним из последних был *Мухаммад Исмаил Хан*, с сыном которого мне довелось познакомиться в октябре 1994 года во время визита в Скарду. Вот что *Низамуддин* рассказал о том, как он и его отец оказались в Балтистане:

"Мой отец был родом из Дира. В молодом возрасте он покинул свой дом и в течение нескольких лет работал в качестве водителя в Дели и в Лахоре. После раздела Британской Индии он вернулся в родное село. Но в течение длительного времени он там не мог найти достойную работу. К тому же люди в Дире не понимали его взглядов на жизнь. Что там говорить. Он путешествовал по миру, а его односельчане даже не знали, что такое автомобиль. Один из его друзей детства имел деловые контакты в Гильгите. Мой отец вложил все свои накопленные деньги в совместное коммерческое предприятие и сам же сопровождал караван в Гильгит, обеспечивая безопасность перевозки своего товара.

Когда мой отец приехал в Гильгит, место ему пришлось по вкусу. Почти сразу же он нашел себе работу в мастерской в качестве механика для джипов. Он был профессионалом в своем деле, а в те годы в Гильгите механики вроде него на улице не валялись. Он неплохо зарабатывал и через некоторое время был в состоянии перевезти нас с мамой жить вместе с ним. Он также продолжал вести бизнес со своим другом, который к тому времени уже успел открыть свой собственный магазин на Кашмири Базаре.

Когда дорога между Скарду и Гильгитом была введена в действие, мы с отцом решили заняться транспортным сервисом. Но у нас было только два джипа, а дорога была очень крутой и опасной, так что дела шли не так, как нам того хотелось. Проводя время в Скарду в ожидании транспортных заказов, мы поняли, что предлагаемые на местном рынке хлопчатобумажные ткани, были либо низкого качества, либо слишком дорогими. И выбор, в отличие от Гильгита, был тоже невелик. Чему там

удивляться: ведь большинство поставок тогда еще производились самолетом из Равалпинди. Некоторые люди специально отправлялись туда или в Гильгит, чтобы купить ткани для пошива одежды на свадьбу или другие торжественные мероприятия. Именно тогда мой отец решил основать магазин в Скарду.

Вначале мы арендовали маленький прилавок на Старом Базаре, но около двадцати лет назад мы основали вот этот магазин здесь, на Амидгар Базаре. В 1985 году мой отец вернулся в Гильгит, но мы с братом остались здесь. Мы построили себе дом неподалеку – там сейчас и живем с нашими семьями. Я связан браком с женщиной из семьи гильгитских пуштунских торговцев. А мой брат взял жену из нашего клана в Дире. Сейчас в Скарду работает много пуштунов, они в основном торгуют тканями и товарами из Китая. Иные занимаются сбором вторсырья, содержат чайхану или работают сапожниками, как тот, например, прямо через дорогу. И даже владелец местного кинозала – сын человека, который прибыл сюда много лет тому назад из Баджаура".

Скарду, октябрь 1994 г.

И в Гильгитском агентстве, и в Балтистане по соседству с поселившимися там пуштунскими купцами, от чьих поставок они зависели, работали странствующие пуштуязычные торговцы, снабжавшие товарами самые отдаленные уголки региона также, как это делали их предшественники в колониальный период. Одним из типичных представителей этой профессии являлся *Резак Хан*, который начал свою деятельность в Гильгите в качестве помощника в магазине. Позже он основал собственное дело, продавая галантерейные и прочие мелкие товары в населенных пунктах близлежащей долины. Обо всем этом мне рассказал его сын – сорокапятилетний *Абдул Каюм*, владелец магазина ковров в Гильгите, который в течение многих лет работал в Испании странствующим продавцом ювелирных изделий:

"Семья моего отца из Баджаура. Его родители умерли рано, и его дядя взял его к себе. Но так как мой отец чувствовал, что дяде он не очень-то нужен, он подростком покинул деревню и отправился в поисках лучшей жизни в Пешавар. Несколько лет он проработал там поденщиком. Случилось так, что он как-то зарезал человека в драке. Опасаясь мести родственников убитого, он бежал в Мансеру. Оттуда он приехал в Гильгит в качестве караванного помощника. Все это происходило примерно лет 40-50 тому назад. Здесь в Гильгите мой отец сначала устроился работать носильщиком. Потом *Паянда Хан*, владелец универсального магазина на Раджа Базаре, взял его к себе в качестве помощника.

Работая у *Паянда Хана*, мой отец иногда доставлял товары в долины, окружающие Гильгит. Наблюдая за жизнью в этих местах, он понял, что торговля там может приносить хорошую выгоду, ибо все товары неместного происхождения, в которых нуждались крестьяне, как правило привозились ими-же из Гильгита.

В те времена странствующих торговцев было явно недостаточно, а постоянно действующие магазины существовали только в крупных населенных пунктах. Вот так мой отец решил начать свой собственный бизнес. К тому времени он уже был женат. Моя мать родом из деревни Пари Бангла, которая находится к востоку от Гильгита по пути в Жаглот. Родители мамы, не будучи состоятельными людьми, тем не менее, помогали отцу как могли. От друга-пуштуна, владевшего небольшой лавкой на гильгитском базаре, он приобретал товары на комиссионных началах. В основном это были соль, сахар и чай, а также всякая мелочь, как иголки, пуговицы, броши и карманные зеркала. Все эти вещи он переносил на своей спине в плетеной корзине из деревни в деревню, и от их продажи имел неплохую выручку. Однако такая работа была возможна только летом, зимой же мой отец сидел на Раджа Базаре и чинил обувь – этим ремеслом он овладел во время своего пребывания в Пешаваре.

Мы, дети – мои братья и я – помогали ему с тех пор, как научились ходить. Я часто сопровождал его в поездках в Багрот (долина к востоку

от Гильгита), который был нашим с ним любимым местом. Из дома мы отправлялись вдвоем: он со своей корзиной, а я с узелком на спине. Иногда мой отец останавливался на пути в поселении Данийор, чтобы забрать заранее заказанные металлические товары, изготовленные местным кузнецом: серпы, ножи и другие вещи, о которых крестьяне его просили во время предыдущих посещений. Из Данийора мы, как правило, прямым ходом шли в Багрот, всегда пешком и всегда голодные, с тяжелым грузом на спинах. Но мы особо не унывали, нам все было в радость, особенно когда мы уже находились в самой долине. Там все знали моего отца. Мужчины называли его по имени – *Резак Хан*. Женщины выходили из своих домов, чтобы приветствовать нас, дети кричали "Патан! Патан!". Так как у многих жителей денег не было, мой отец в качестве оплаты также принимал шерсть и козий волос. Спали мы под деревьями, а иногда и в домах друзей или в сельской мечети.

Как известно, в Багроте живут одни шииты, но никто никогда не упрекал моего отца в том, что он суннит. Люди кормили нас туловыми ягодами и абрикосами, давали нам хлеб с маслом. В Багроте мы никогда не оставались голодными, все к нам были очень добры. Ну а как же, ведь все нуждались в товарах моего отца. В последние годы своей работы странствующим торговцем он почти исключительно торговал в Багроте, направляясь туда по три-четыре раза за один теплый сезон. Другие странствующие торговцы работали в Шинааки (здесь: южная часть долины Хунза/Нагер), в Чалте (долина к северу от Гильгита) и в Пуньяле.

Два года назад я после очень долгого перерыва вернулся в Багрот. В селе Датучи ко мне подошел старик и спросил: "А ты случаем не сын *Резак Хана*?" Мой отец давно умер, но память о нем продолжает жить в Багроте! Представьте себе, как я был счастлив слышать, что люди там до сих пор помнят о нем".

Гильгит, январь-март 1995 г.

3.1.3.2. После открытия Каракорумского шоссе

Как уже было отмечено, второй наплыв пуштуязычных мигрантов в регион начался с обретения Пакистаном независимости в 1947 г. В течение последующих десятилетий сотни новых крупных и мелких предпринимателей, торговцев и ремесленников обосновались там, где существовала постоянно действующая торговая инфраструктура: в первую очередь, в городе Гильгит и в развивающихся городских поселениях Чилас и Скарду, но также и в более мелких шина-, кховар- и балтиязычных местностях. Миграция пуштунов в Северные Территории еще раз существенно усилилась после строительства Дороги Индской долины (1972 г.), соединившей Скарду с Гильгитом, и после ввода в эксплуатацию Каракорумского шоссе (1978-ый г.), обеспечившего быструю и надежную связь региона с низинной части Пакистана и Китайской Народной Республики.

Эксплуатация Каракорумского шоссе не только способствовала свободному передвижению людей и товаров, но и существенным образом стимулировала экономическое и социальное развитие Северных Территорий, превращая их из дремлющего, отсталого провинциального уголка в полноценную часть современного Пакистана.⁶³ Наиболее заметно эти изменения отразились на столице региона – городе Гильгит. В конце XX столетия Гильгит пережил значительный экономический бум, одним из результатов которого стало постоянное расширение местного базара.⁶⁴ Бурное развитие города привело к тому, что к середине 1990-х годов он не только укрепил свою традиционную позицию коммерческого центра Северных Территорий, но и сумел сформироваться в главную точку оборота товаров и услуг, поступавших в регион из Китая.

⁶³ Для детального анализа влияния, которое оказало открытие Каракорумского шоссе на традиционный быт в Каракорумском регионе, см. Аллан (Allan) 1989 и Кройцман (Kreutzmann) 1991.

⁶⁴ По данным А. Дитмана (Dittmann) 1998, с. 53, в 1995 году базар в Гильгите насчитывал примерно 1,500 магазинов, больше половины из которых были основаны с середины 1980-х годов.

Последствия улучшения дорожной инфраструктуры проявились не только в Гильгите и подобных ему городских поселениях Чилас и Скарду. Социально-экономическое развитие явно затронуло и сельскую местность. Так, в тех местах, где Каракорумское шоссе или Дорога Индской долины перекрещивались с второстепенными дорогами, выросли новые или значительно расширились ранее существовавшие местные торговые структуры – придорожные базары, часть которых составляли мастерские, столовые и чайные.⁶⁵

Пуштунские предприниматели одними из первых воспользовались коммерческими возможностями, созданными в результате описанных экономических перемен. В течение 1980-х и 1990-х годов многие из мигрантов, которые к тому времени уже проживали в Северных Территориях, смогли расширить свой бизнес благодаря открытию новых, ранее не существовавших коммерческих субцентров. В том же промежутке времени число пуштунских предпринимателей в Северных Территориях увеличивалось в беспрецедентном масштабе.

Эксплуатация Каракорумского шоссе обеспечивала возможность быстрой и надежной связи региона с остальными частями Пакистана, в том числе и с ареалом традиционного расселения пуштунских племен, что способствовало появлению временных пуштунских мигрантов. Эти мигранты уже не переносили свое постоянное место жительства в Северные Территории, а приезжали сюда только на заработки, оставляя свои семьи на старой родине и навещая их там время от времени. Новый тип миграции оказался настолько выгодным и удобным, что уже в середине 1990-х годов временные пуштуязычные мигранты в Северных Территориях имели явное численное превосходство над своими постоянно там обосновавшимися земляками.

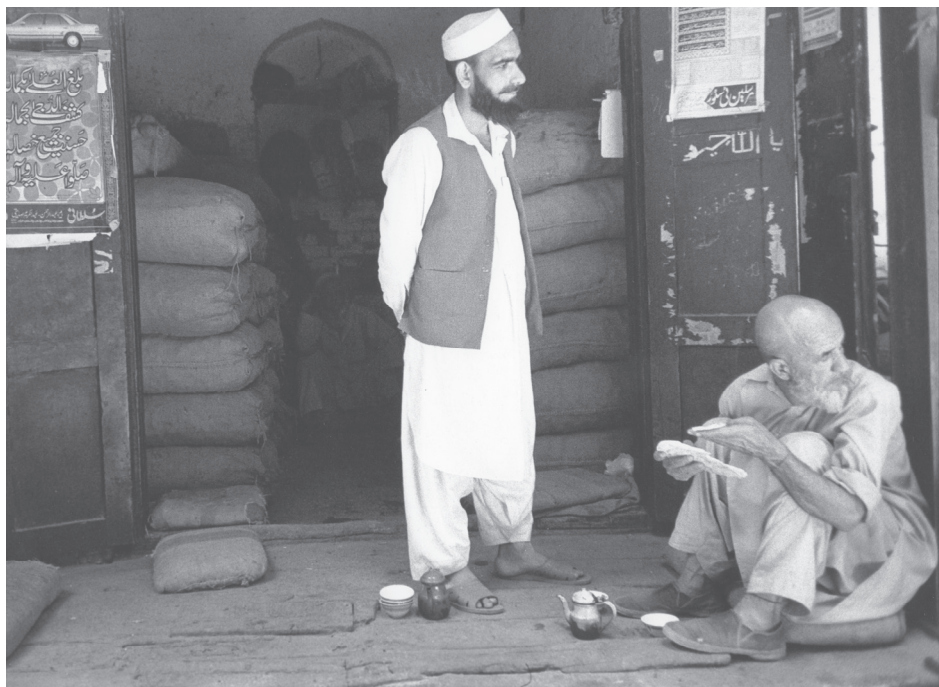
⁶⁵ Стремительное развитие торговли в Северных Территориях можно проиллюстрировать примером, приведенным А. Дитманом (Dittmann) 1997b, с. 119 и сл. Он подсчитал, что в середине 1990-х годов на центральных базарах в Гильгите и в Скарду число магазинов и мастерских удваивалось примерно каждые девять лет, тогда как некоторые провинциальные коммерческие субцентры проходили через идентичный процесс в течение четырех-пяти лет.

Большинство новоприбывших пуштунов работали на базарах городских поселений. В частности, в Гильгите в середине 1990-х годов пуштунские предприниматели были настолько многочисленны, что случайному посетителю центральных секций городского базара могло бы показаться, что он находится где-то в Свате или в Дире, а не в традиционно непуштуязычной местности. Самые красочные лавки на городском рынке принадлежали пуштуязычным торговцам овощами и фруктами. Несмотря на то, что в отчетах и статистиках, составленных до строительства Каракорумского шоссе, эти предприниматели даже не упоминались, к 1990-м годам они уже стали неотъемлемой частью базарной структуры Северных Территорий. В Гильгите розничная торговля овощами и фруктами была сосредоточена на Синема Базаре и Сабзи Манди, в то время как оптовая торговля велась в верхней части Эрпорт Базара.

Кроме стационарных торговцев овощами и фруктами можно было также встретить странствующих продавцов, которые, в постоянных поисках покупателей, толкали свои тяжело нагруженные тележки вдоль городских дорог и по жилым кварталам. Значительная часть людей, вовлеченных в эту торговлю, была родом из пуштуязычной нижней части долины Сват, где и выращивалась основная доля их товаров. Несмотря на то, что в середине 1990-х годов все больше и больше овощей и фруктов производились в пределах Северных Территорий и продавались в магазинах местных торговцев, в розничной торговле в Гильгите, Скарду и Чиласе все еще преобладали пуштуны, а оптовая торговля по всему региону полностью контролировалась ими.

После открытия Каракорумского шоссе ключевые позиции в торговле высококачественными тканями на гильгитском базаре продолжали занимать потомки гизарских купцов, принадлежавших к самым зажиточным семействам города, и пуштуязычные торговцы из региона Хазара, обосновавшиеся в Северных Территориях еще в 1950-60-е годы. Их магазины располагались главным образом на Кашмири Базаре и Садар Базаре, бок о бок с многочисленными лавками, принадлежавшими новоприбывшим временным пуштунам-мигрантам. Продолжая дело

своих отцов и дедов, гильгитские торговцы тканями по-прежнему закупают большую долю товара в низинной части Пакистана, однако все возрастающая часть предлагаемого ими ассортимента, в частности, шелк, теперь поступала также из Китая.

Оптовик и гость на гильгитском Раджа Базаре

Большинство магазинов пуштунских предпринимателей в Гильгите в 1990-е годы по-прежнему располагалось в традиционных, давно зарекомендовавших себя частях городского базара, таких как Кашмири Базар, Раджа Базар, Момин Базар и Эрпорт Базар. Наряду с этим пуштунские магазины можно было найти и в совершенно новых точках, как, например, на недавно основанном Эн-Эл-Ай Базаре. Эта обширная коммерческая территория расположена в самом центре города, там, где

раньше находились казармы Северной легкой пехоты⁶⁶ – главного военного контингента Северных Территорий. Летом 1995 года, через три месяца после своего открытия, Эн-Эл-Ай Базар уже прославился тем, что на нем можно было приобрести самые качественные и престижные товары во всем Гильгите. В то же самое время Эн-Эл-Ай Базар был и местом самой высокой концентрации пуштуязычных торговцев в Северных Территориях.⁶⁷

Эн-Эл-Ай Базар посещали в основном жители низинной части Пакистана, которые, пользуясь особым налоговым статусом Северных Территорий, покупали там высококачественные импортные товары по сравнительно низким ценам. За благосклонность клиентов на Эн-Эл-Ай Базаре соперничали представители местных зажиточных купеческих семей с недавно прибывшими мигрантами-торговцами. Многие из торговцев, осевших первыми, владели магазинами в разных частях города, в то время как недавно прибывшие предприниматели, как правило, вкладывали все свои средства в одну торговую точку, рассчитывая на быструю и высокую прибыль. Богатый ассортимент дорогостоящих товаров, предлагаемый в их магазинах, а также уплаченный ими высокий депозит аренды в размере 400 тыс. пакистанских рупий (в 1995 году около 10.000 долларов США), свидетельствовали не только о деловой хватке пуштунских коммерсантов, но и об их высоком инвестиционном потенциале. Помимо хлопчатобумажных тканей и высококачественной готовой одежды, пуштуны торговали на Эн-Эл-Ай Базаре товарами, привезенными из соседнего Китая – в основном шелком, одеялами и фарфором, а также электрическими и электронными устройствами.

Владельцы мелких магазинов, как правило, закупали товар у вольных предпринимателей, которые, в свою очередь, на собственный страх и риск, делали закупки в Китае. Однако более крупные бизнесмены, в частности те, кто были связаны с торговыми сетями вне Каракорумских

⁶⁶ Английское название: Northern Light Infantry, от сокращения "NLI" которого берется и название данного базара.

⁶⁷ Из 111 магазинов Эн-Эл-Ай Базара, насчитанных А. Дитманом (Dittmann 1998, с. 73) в сентябре 1995 года, 68 принадлежали пуштунам.

гор, только изредка пользовались услугами независимых посредников. Вместо этого они обычно полагались на услуги "закрепленных" за ними оптовых поставщиков, зачастую близких родственников, которые выступали деловыми партнерами и имели свою долю в обороте.

Каждый год ранним летом, как только дорога через Хунджарабский перевал очищалась от снега, крупные и мелкие перекупщики отправлялись на другую сторону Каракорумского массива – в Китай. Там, в поисках выгодных сделок, они порой доезжали до расположенных на другом конце страны городов Шанхая и Гонконга. *Абдулла Хан*, бизнесмен, проживающий в Гильгите, так описал свою последнюю коммерческую поездку:

"На данный момент нам с братом принадлежат два магазина в Гильгите: один здесь, на Медина-маркете, а другой, совершенно новый, на Эн-Эл-Ай Базаре. У моего отца есть магазин на Садар Базаре в Пешаваре. Пять лет тому назад мы начали закупать товары в Китае, поставляя их в магазин отца. Как правило, сортировкой и отгрузкой вещей мы занимались в Гильгите. Вскоре мы поняли, что Гильгит – хороший город для серьезного бизнеса. Во-первых, благодаря близости к границе мы можем экономить на транспортных расходах и предлагать товары дешевле, чем в магазине отца. Во-вторых, здесь аренда за магазин, расположенный в выгодном месте, составляет лишь около половины аренды подобного заведения в Пешаваре.

Клиентов у нас всегда полно. Летом в Гильгит толпами приезжают пенджабцы, которые свой семейный отдых в горах совмещают с походом по магазинам. А профессиональные закупщики приезжают в город круглый год в поисках товара из Китая, ибо он в Северных Территориях пошлинами не облагается. Сначала мы здесь открыли только вот этот магазин, но когда оказалось, что дела идут хорошо, мы взяли еще один, тот, что на Эн-Эл-Ай Базаре. Эн-Эл-Ай Базар – новое, модное место, и цены на аренду помещений там намного выше, чем на базарах в других частях города, но потенциально он – "золотое дно", и, как говорится, надо вкладывать в будущее.

Мой брат отвечает за дела здесь, в Гильгите, а я каждый год езжу за товарами в Китай. В основном, нас интересуют кассетные магнитофоны, плееры, радиоприемники и другая электроника, так как мы можем продать их непосредственно в собственных магазинах. Более того, такие товары обеспечивают хороший оборот, потому что они намного дешевле, чем японские бренды, которые мой отец получает через афганский бизнес.⁶⁸ Кроме электронных товаров я также закупаю удобрения и шелковые ткани. В прошлом году я даже привез с собой пять горных велосипедов. Я обычно еду за закупками в Урумчи (столица провинции Синьцзян). Ранее Кашгар (город в Синьцзяне, на полпути между пакистанской границей и Урумчи) тоже был хорошим местом для закупок, но в настоящее время там слишком много пакистанских бизнесменов и цены очень выросли.

Прошлым летом я сначала поехал в Урумчи, где у меня намечалась крупная сделка, связанная с закупкой удобрения, которое мы обычно продаем через магазин моего дяди в Дире. Но поставщик заставил меня ждать, и я решил поехать дальше на восток. Я хотел исследовать тамошний рынок электронных товаров, по утверждениям моих соотечественников, более дешевый, чем в Синьцзяне. Я поездом отправился в Шанхай. Это была моя первая поездка в этот огромный город, но, к счастью, я был не один, а в компании нескольких друзей из Пешавара, уже не раз побывавших там. Кассетные магнитофоны в Шанхае действительно оказались дешевле, чем в Синьцзяне, но я никак не мог договориться об их перевозке. В итоге, вместо магнитофонов я купил японский шелк и упаковал его в коробки, которые мог взять с собой в поезд. Затем я вернулся в Урумчи.

Хотя путешествие в Шанхай длилось почти месяц, по возвращении в Синьцзян я был вынужден ждать еще две недели, чтобы, наконец,

⁶⁸ Имеется в виду, так называемый, "реэкспорт бизнес", в процессе которого товары, прибывающие в Пакистан из-за рубежа (в основном, морским путем в город Карачи), официально оформляются как транзитный товар в Афганистан, но, на самом деле, привозятся в пуштунские племенные территории, где они продаются по сниженным ценам из-за отсутствия там пошлины на ввоз.

получить заказанное удобрение. И вот в середине августа я вернулся с тремя грузовиками в Пакистан. Так как мы не прописаны в Северных Территориях, у нас нет лицензии на беспошлинный импорт. Но я знаком с человеком в Государственном таможенном департаменте в Состе, который помогает мне в этих делах. Я плачу ему от трех до пяти лак (т.е. от 300 до 500 тысяч пакистанских рупий) за груз, и он решает все вопросы. После пересечения границы свои товары мы обычно загружаем в пакистанские грузовики. Как правило, мой брат заранее договаривается с доверенными водителями, которые ожидают меня на границе. Но базар в Состе очень оживленный, так что, в случае необходимости, можно нанять и дополнительные машины.

Дорога из Соста в низинный Пакистан усеяна многочисленными контрольно-пропускными пунктами. Этими пунктами управляет полиция, армия или таможенная служба, и все они ожидают свою долю от перевозимых товаров. Дело у них немудреное – они перекрывают дорогу и вымогают оплату за проезд. А тарифы совсем разные: одни требуют несколько тысяч, другие довольствуются несколькими сотнями. Сколько бы я ни ездил по этой дороге, всегда где-нибудь появляется новый КПП. Это просто грабеж! При генерале Зия (военный правитель Пакистана, 1977-1988 гг.) такое было бы немыслимо. Раздача денег направо и налево продолжается вплоть до Пешавара, и нам, коммерсантам, от этого большой убыток. Именно поэтому маленькие грузы или товары, в немедленной отправке которых нет нужды, я обычно не отправляю прямым путем за пределы Северных Территорий, а сначала привожу с собой сюда, в Гильгит. Отсюда мы их потом переправляем с гонцами или через местные транспортные компании, чьи грузы обычно на КПП не проверяются. Таким образом, можно избежать кое-каких дополнительных затрат.

За один "китайский сезон", то есть с открытия границы в июне и до ее закрытия в ноябре, мне обычно удается осуществить две поездки. Китайцы мне не очень приятны, но дела идут хорошо, и я уже знаком со многими другими пуштунскими бизнесменами, с которыми у меня пересекаются пути то в гостинице, то в автобусе. Кстати, в Кашгаре

проживает некий пуштун из долины Сват, который женился на местной женщине и недавно недалеко от главного базара открыл уличный ресторан. Там продают нашу, пакистанскую еду и сладкий чай с молоком. Вот такие, казалось бы, мелочи, делают жизнь на чужбине более сносной".

Гильгит, май 1995 г.

Как явствует из слов *Абдулла Хана*, помимо законного, т.е. лицензированного государством ввоза, существовали и другие, нелегальные методы доставки товаров из Китая в Пакистан. Следует отметить, что в середине 1990-х годов ввоз контрабанды через Хунджарабский перевал и Сост был настолько обычным делом, что люди, такие, как *Абдулла Хан*, активно участвовавшие в нем, не стеснялись свободно говорить о своей незаконной деятельности даже с иностранцами. Контрабандный бизнес был предельно простым. Основывался он на принципе "плати и иди", который применялся и для ручной клади в общественном автобусе, и для товара весом в несколько тонн, перевозимого на специально арендованных грузовиках.

Хотя выгоду от несанкционированной приграничной торговли извлекали представители всех этнических групп, проживавших в Северных Территориях, пуштунские предприниматели выделялись тем, что они, по меткому определению одного местного опрошенного, "бесстыдно злоупотребляли хорошо налаженной системой". Автохтонные жители обвиняли пуштунов в контрабанде не только тканей, магнитофонов, удобрений и других повседневных товаров, но и в нелегальной перевозке наркотиков, антиквариата и охраняемых видов животных. Конечно же, для обвинений подобного рода крайне трудно добыть доказательства. Однако "нет дыма без огня", о чем можно судить из следующей истории, рассказанной *Наунихалом*, бурушаскязычным жителем Гильгита:

"Событие это трехлетней давности. В то время я жил в Кашгаре и работал там представителем пакистанского туристического агентства

"Валджис". В один прекрасный день я сижу в своем офисе в гостинице "Чини Баг", мне звонит знакомый китайский чиновник из таможенной службы и просит зайти к нему. У себя в офисе он говорит мне, что его коллеги на китайско-пакистанской границе в Ташкургане поймали пятерых пуштунов-контрабандистов – граждан Пакистана, которые в своем багаже перевозили партию живых соколов.

Контрабанда соколами – очень выгодный бизнес. Он полностью контролируется торговцами из Пешавара, которые на этом деле зарабатывают неплохие деньги. Соколы пользуются большим спросом в Саудовской Аравии и в Объединенных Арабских Эмиратах. Каждый мелкий шейх мечтает о соколиной охоте с собственными птицами. Но так как в их краях дикие соколы почти уже перевелись, их надо привозить из-за границы. Соколы – редкий и охраняемый законом вид птиц, поэтому они труднодоступны и дорого стоят. Но шейхи богаты и готовы платить за них любые деньги. И, как у нас принято говорить, "где есть клиент, там есть и патан".

Горы Синьцзяна, прямо здесь, непосредственно за пакистано-китайской границей – одно из тех редких мест, где еще водится много соколов. Значит, арабы-богачи через посредников связываются с перекупщиками в Пешаваре, чья работа заключается в том, чтобы найти птиц в Китае и доставить их в Пакистан. Соколиный бизнес можно разделить на три этапа: ловлю, транспортировку и продажу. Пуштуны отвечают за транспорт и продажу, а ловлей занимаются местные жители. Хотя закон в Китае строго-настрого запрещает ловлю птиц, денежная выгода настолько высока, что всегда находятся люди, готовые заниматься этим нелегальным промыслом. Пойманный сокол передается контрабан-дистам. Это – специализированные банды, в состав которых порой входят даже профессиональные ветеринары, ведь птицы эти не только очень дорогие, но и довольно нежные, и никому не хочется, чтобы они погибли при транспортировке. Итак, пуштуны принимают птиц, дают им снотворное, зашивают им глаза, прячут их в свой багаж – и в дорогу!

В Китае вывоз соколов подпадает под жесткий запрет и строго наказывается. В описанном случае китайские власти сумели выловить одну такую шайку контрабандистов. Представь себе, эти хитрые пуштуны додумались до того, чтобы спрятать одурманенных птиц в пустых термосах! Китайские власти, чтобы запугать других браконьеров, намеревались устроить публичное судебное разбирательство над членами этой шайки. Все это происходило в Кашгаре, где в большом зале городского суда, кроме официальных лиц и полицейских, собрались и представители китайской общественности и телевидения. Я, как гражданин Пакистана, был приглашен, чтобы придать всему этому спектаклю необходимую международную "нотку". Власти мне даже предоставили переводчика на урду, который старался изо всех сил передать мне каждое сказанное слово. Суд длился сравнительно недолго. Прокурор гремел патриотической речью, защита ему поддакивала, обвиняемые чистосердечно признали свою вину, и строгого вида судья назначил им срок от пяти до семи лет.

Осужденные "враги народа" на меня произвели удручающее впечатление. Я задумался над тяжелым будущим этих людей, приговорённых к стольким годам заключения, которые им предстояло провести в одном из этих пресловутых китайских трудовых лагерей. Вообще-то я пуштунов не люблю и, конечно же, не одобрял этих жадных контрабандистов, которые своим алчным поступком опозорили нашу страну. Но, в конце концов, они были моими соотечественниками, и мне все-таки их было жаль. Судья постановил, что решение суда должно быть приведено в исполнение немедленно. Когда надзиратели выпроваждали осужденных из зала, я подошел к ним и спросил, могу ли я им привезти что-либо из дома. "Да ну, оставь, кому это нужно?!" – ответили они мне раздраженно. "Мы скоро все сами себе достанем, когда вернемся домой. Но кто нам вернет деньги, которые пришлось заплатить этим сукиным сынам за нашу свободу? Да мало того, они у нас даже птиц отобрали!"

Неделю спустя, когда официальный репортаж о суде вышел по национальному китайскому телевидению, наши пуштунские друзья уже

находились в целости и сохранности в Пешаваре. И мне почему-то кажется, что я их в Синьцзяне видел не в последний раз".

Гильгит, май 1995 г.

Кроме крупных пуштунских купцов и профессиональных контрабандистов, деятельность которых была схожа тем, что и те и другие одинаково оперировали большими денежными суммами, крупно рисковали и действовали на территории различных регионов и стран, Северные Территории после открытия Каракорумского шоссе продолжали привлекать и мелких бизнесменов. Но, в отличие от своих более состоятельных собратьев, большинство из них действовало исключительно на местном уровне, не располагая большими денежными ресурсами. Наиболее типичными представителями таких предпринимателей являлись уже хорошо известные нам странствующие торговцы, которые и в 1980-е, и в 1990-е годы все еще пользовались большой популярностью у жителей сельских местностей.

В середине 1990-х годов едва можно было найти деревню, где время от времени не появлялись бы странствующие пуштуязычные предприниматели.⁶⁹ Небогатый набор предлагаемых ими товаров четко отражал ограниченные финансовые возможности и самих торговцев, и их сельской клиентуры. Самыми востребованными предметами торговли были нитки, иголки, пуговицы, простая косметика, шариковые ручки, кастрюли, ножи, а также игрушки и школьные принадлежности. Коммерсанты со "специализацией" продавали недорогую обувь и хлопчатобумажные ткани или закупали сухофрукты, сушеные грибы, травы, орехи, кости животных, козий волос, шерсть, шкуры и вторсырье

⁶⁹ Единственным исключением был, пожалуй, Багрот – долина, путешествие по которой так красочно описал *Абдул Каюм*, сын *Резак Хана*, в своих воспоминаниях о торговой деятельности своего отца в 1960-70-е годы (см. главу 3.1.3.1). В 1990-х пуштунские торговцы в Багрот больше не заезжали, так как они опасались враждебного отношения шиитских жителей долины, подозреваемых в резких антисуннитских настроениях.

в виде старых пластмассовых изделий, консервных банок, стекла и бумаги. Закупленные товары перевозились в сборные пункты, которые содержались пуштуязычными мигрантами на базарах Гильгита, Чиласа и Скарду. Там их либо перепродавали на месте, либо отправляли на юг для дальнейшей переработки в Пешаваре или Лахоре.

Из вышеперечисленного видно, что ассортимент товаров странствующих торговцев 1990-х существенно не отличался ни от ассортимента торговцев 1960-х годов, ни от набора товаров времен колониального периода. Изменились, однако, способы их транспортировки. Если раньше мелкие торговцы, вроде вышеупомянутого *Резак Хана*, передвигались по деревням пешком, переноса товары на собственной спине или, в лучшем случае, на муле, то их нынешние коллеги без особых усилий передвигались в микроавтобусах общественного транспорта или в коллективных грузовых такси.

Семья из долины Багрот

Безусловно, доступность автотранспорта сильно облегчила жизнь современных странствующих коммерсантов. Но с другой стороны, это обстоятельство открыло возможность жителям сельской местности самим ездить на центральные базары в поисках лучшего ассортимента и более выгодных сделок. К тому же, в 1980-е и 1990-е годы во многих населенных пунктах появились установленные в постоянных точках магазины, владельцами которых выступали уже не пуштуны, а местные жители – чаще всего отставные военные или бывшие государственные служащие на пенсии. Кроме муки, сахара и сухого молока на полках этих магазинов можно было найти и товары из регулярного ассортимента странствующих торговцев. Более того, их владельцы также выступали в качестве посредников в перепродаже местных сухофруктов и даров леса.

Таким образом, рядовые странствующие пуштуязычные коммерсанты в 1990-е годы сталкивались с жесткой конкуренцией, в результате которой многие из них были вынуждены сменить род деятельности. Неоспоримой, однако, оставалась монополия пуштунов в перепродаже костей, шкур и вторсырья. Прежде всего, это было обусловлено тем, что представители автохтонных групп такого рода занятие считали грязным и недостойным. К тому же пуштуязычные перекупщики были единственными среди торговцев, которые поддерживали тесные профессиональные связи с кожевными мастерскими и заводами по переработке вторсырья, расположенными за пределами Каракорумских гор.

После открытия Каракорумского шоссе в регионе значительно увеличилось число не только торговцев, но и пуштуязычных ремесленников. Наиболее распространенными среди них были сапожники-мочи, которые у себя на родине – в основном в Баджауре и в Дире – обычно принадлежали к кланам, традиционно занимавшимся дублением и обработкой кожи. Еще в 1964 году Дж. Стейли (Staley 1966, с. 96, цит. по Kreutzmann 1989, с. 187) насчитал на гильгитском базаре не меньше двенадцати пуштуязычных кожевников, приехавших в регион за последние пять лет. Однако, судя по воспоминаниям вышеупомянутого *Сарвар Хана* и других пожилых опрошенных, пуштунские сапожники

работали в Гуписе и Гильгите, по крайней мере, уже со времен кашмирско-британского колониального управления.

В середине 1990-х сапожников-мочи можно было встретить практически повсюду. На каждом местном базаре имелся по меньшей мере один крошечный столик, за которым неутомимый обувщик в присутствии терпеливо ждущих клиентов дарил новую жизнь рваным кожаным ботинкам и пластиковым сандалиям. За аренду своего места мастер платил копейки, инструменты его были незамысловатыми и недорогими, а заказов всегда хватало. Кроме того, конкуренцию ему составляли исключительно его же соотечественники, так как коренные жители занятие, связанное с обработкой кожи и починкой обуви, рассматривали как низкое, не соответствующее их статусу ремесло. Благоприятные для сапожного дела общие условия привели к тому, что его представители составляли самую многочисленную группу пуштуязычных ремесленников, работавших в Каракорумском регионе.

Помимо постоянно работающих на одном месте сапожников, существовали и те, кто в теплое время года отправлялись в отдаленные деревни в поисках клиентов. Подобно странствующим торговцам, передвижной сапожник также следовал по определенному рабочему маршруту, который он защищал от притязаний конкурентов. Однако, в отличие от торговцев, пуштуязычные сапожники обычно не переселялись со своего постоянного места жительства в Северные Территории, ибо, по заявлению одного из собеседников, "даже работая день и ночь не покладая рук, у нас никогда не будет достаточно средств, чтобы содержать жену и детей здесь, на чужбине".

Среди пуштуязычных ремесленников, работавших в Северных Территориях, было также много портных и парикмахеров. Портные обычно трудились в мастерских, в группах от трех до семи человек, зачастую связанных между собой родственными узами или происхождением из одной деревни. В середине 1990-х годов пуштуязычные "ателье" в основном располагались в городских поселениях. Их услугами охотно пользовалась более платежеспособная часть местного населения, так как портные, работавшие при них, брали недешево за свои услуги, но

при этом отличались от местных любителей швейного дела своим профессионализмом и лучшим качеством покроя. Это было связано с тем, что многие пуштунские портные научились своему ремеслу у известных мастеров Пешавара и Свата, а некоторые даже славились опытом работы в крупных швейных предприятиях, расположенных на юге страны. Следует отметить, что и в Гильгите, и в Чиласе даже те портные, которые работали в наиболее престижных пуштунских мастерских, не гнушались делиться своими навыками с учениками, принадлежавшими к автохтонным этнолингвистическим группам. Таким образом, нередко можно было встретить местного портного, овладевшего основами пушту во время своего обучения в одном из знатных пуштунских ателье. Почти все пуштуязычные портные были не постоянными, а временными мигрантами. Это обстоятельство давало о себе знать во время крупных религиозных празднований, когда лучшие ателье на протяжении многих дней оставались закрытыми, поскольку сотрудники навещали свои семьи на родине.

На временной основе приезжали работать в Северные Территории и пуштуязычные парикмахеры и брадобрее. Парикмахерские, более благоустроенные из которых одновременно служили и общественными банями, обслуживали клиентов на всех крупных базарах региона. Интересно было наблюдать за тем, как представителям автохтонных групп удавалось совмещать свое отвращение ко всему, связанному с профессией парикмахера, с очевидным удовольствием, получаемым от парикмахерских услуг. Судя по впечатляющему количеству модных и никогда не пустовавших салонов, посещение парикмахерской явно относилось к самым любимым способам времяпрепровождения мужской части местной молодежи, вне зависимости от ее этнолингвистической и религиозной принадлежности. С ремеслом парикмахера связан один забавный эпизод, который, по рассказам местных жителей, имел место в Гильгите. Говорят, что после кровавых вооруженных столкновений между местными суннитами и шиитами в 1988 году, шиитские "модники" из Гильгита, опасаясь острых лезвий в то время исключительно суннитских парикмахеров, специально собирали

деньги, чтобы способствовать переезду в регион цирюльников-единоверцев из Парачинара (главный город Куррамского племенного ведомства). Правда ли это или вымысел, в любом случае, именно после 1988 года в Гильгите и в соседствующим с ним поселении Данийор были основаны парикмахерские, в которых в середине 1990-х работали пуштуязычные парикмахеры-шииты, недавно приехавшие из Куррама.

В то же время, пуштуны-парикмахеры из региона Хазара (Северо-Западная Пограничная Провинция) были первыми суннитами, которые успешно обосновались на базаре в Каримабаде (главное поселение долины Хунза) – традиционном месте представителей исмаилитского вероисповедания. Рассказ *Сеид Акбар Хана*, владельца местного салона, повествует о том, как он и его брат утвердились в этой необычной для пуштунов-суннитов религиозной среде:

"Родился я в Абботтабаде. Там до сих пор живут мои родители и жена. Наш род происходит из долины Сват, и пушту является нашим родным языком. Я научился ремеслу цирюльника у своего отца, а тот научился у своего отца, ибо эта профессия в нашей семье переходит по наследству. Уже в детстве я помогал отцу в его салоне, а подростком я отправился практиковать в другие места. Сначала я поехал в Карачи, где работал с опытным мастером в Патан-тауне (пригород Карачи, в основном, заселен пуштунскими мигрантами). Это были хорошие годы, и я неплохо зарабатывал. Но потом в городе стало беспокойно. Традиционные споры между пуштунами и мухаджирами (влиятельная урдуязычная этнолингвистическая группа в Карачи) переросли в вооруженные стычки. Я лично в этих столкновениях не участвовал, но было достаточно говорить на пушту или одеваться как пуштун, чтобы тебя начали подозревать в чем-то неладном. Один из моих друзей был жестоко избит неизвестными людьми. Другого друга арестовала полиция безо всякого на то основания, и ему с трудом удалось откупиться, и то за порядочную сумму.

Я понял, что мне в Карачи больше делать нечего, и подался в Пешавар. Там я обосновался на Синема Базаре, но заработки мои оказались

скудными, и я не мог себе позволить аренду места, которое обеспечило бы мне больше клиентов. Я вернулся в Абботтабад, посоветовался со своим отцом. Он решил, что на его деньги мы с младшим братом откроем салон в Гильгите, потому что там, по сведениям одного из наших родственников, парикмахеров было мало, а аренда помещения стоила недорого. Это было около пяти лет назад.

В Гильгит мы приехали в 1988 году, сразу же после известных кровавых событий. Тогда к нам – пуштунам местные жители относились с большим подозрением. В такой враждебной обстановке об открытии салона в Гильгите не могло быть и речи. Так что мы поехали в Гауч (административный центр округа Гизар). Изначально мы планировали вернуться в Гильгит, как только ситуация утрясется. Но бизнес на центральном базаре в Гауче, где мы обосновались, шел настолько хорошо, что мы там задержались на два года. Мы себе даже наняли помощников и сами работали по очереди: иногда мой брат ездил домой в Абботтабад, а иногда я.

Позже один местный исмаилит рассказал нам, что в Алиабаде в долине Хунза не хватает парикмахеров. Алиабад находится на пути в Китай, и все автобусы от и до границы останавливаются именно там. Из-за этого в Алиабаде всегда много приезжих. Там – магазины, покупатели и, соответственно, много потенциальных клиентов и для нас. Мы закрыли свой бизнес в Гауче, обосновались в Алиабаде и два года там проработали. В то время к нам часто заходили клиенты из Каримабада (главное поселение долины Хунза, расположенное над Алиабадом), которые проделали нелегкий спуск по горам, чтобы у нас в салоне побриться и постричься. Спустя несколько месяцев после нашего приезда в Алиабад там обосновались еще два парикмахера. Оба, как и мы, из региона Хазара, но не пуштуны, а говорящие на хиндко. Наши постоянные клиенты из Каримабада уговаривали нас начать бизнес на их местном базаре. Изначально я был против, ведь каждый знает, что эти исмаилиты очень странные люди и нас, суннитов, они вообще не уважают. Но мой младший брат стал меня переубеждать: "Да ты пойми, мы там будем единственными парикмахерами! Весь поселок будет к

нам ходить, а люди там, в Каримабаде, состоятельные". Вот что он мне говорил. Ну а когда один из их старцев обещал сдать нам в аренду удобное помещение и предложил свою помощь в случае каких-либо проблем, я наконец согласился. Теперь мы здесь уже больше года, и я ни минуты не жалею о нашем переезде".

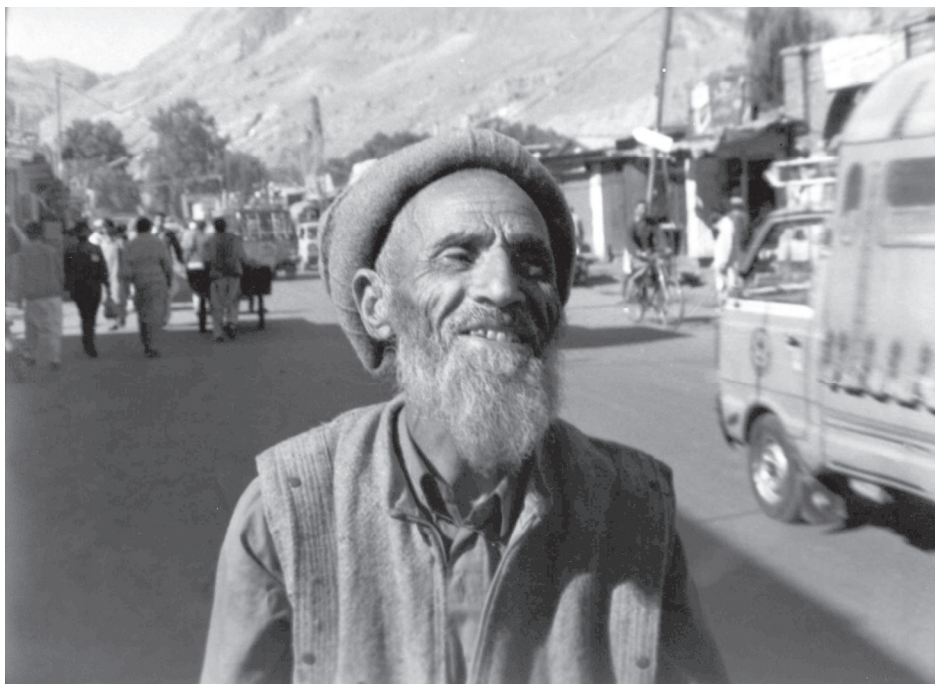
Каримабад, май 1995 г.

Стремительное экономическое развитие Северных Территорий после открытия Каракорумского шоссе привело и к повышению объема частного строительства. В середине 1990-х годов повсюду в регионе возводились новые коммерческие объекты, гостиницы и "шоппинг-центры". На оживленные стройплощадки можно было натолкнуться не только в Гильгите и в городских поселениях, но и в других центрально расположенных поселениях, таких как Гупис, Гакуч, Ясин и Алиабад. Несмотря на то, что строительство объединяло на своих площадках представителей разных этнолингвистических групп, существовало четкое разделение труда по происхождению строителей. Так, носители местных языков и кохистанцы, как правило, работали в качестве прорабов, подрядчиков, каменщиков и разнорабочих, а пуштуны специализировались на возведении бетонных конструкций.

Все пуштунские строители, опрошенные мной, были временными мигрантами. Большинство из них работало под поручительством конкретных подрядчиков. Те не только выдавали им зарплаты и обеспечивали бесплатным жильем (зачастую расположенным на самой стройплощадке), но и по завершении строительства одного объекта брали их с собой на новый строительный участок. Многие мастера по бетонным конструкциям ранее работали с другими подрядчиками в Северо-Западной Пограничной Провинции или в Пенджабе и переехали в Северные Территории в поисках лучших условий труда. Однако мало кто из них был доволен своим настоящим местом работы, ибо заработная плата не соответствовала их ожиданиям, а жизнь в условиях

сурового высокогорного климата оказалась гораздо тяжелей, чем в регионах за пределами Каракорума.

На базарах Гильгита и Чиласа также трудились многие пуштуязычные носильщики. Не имея постоянных контрактов, они, как правило, работали за сдельную плату, выполняя заказы торговцев и транспортных компаний. Благодаря благоприятному экономическому положению региона в 1990-е годы, таких заказов всегда хватало, но денег, которые можно было заработать непосильным трудом носильщика, было так мало, что ни один из опрошенных даже и не смел мечтать о переезде в Северные Территории на постоянное жительство.

Носильщик из Сваби на гильгитском базаре

Еще один вид бизнеса, избранный пуштунскими мигрантами, был связан с содержанием так называемых "отелей".⁷⁰ Уже в начале 1960-х гг. Дж. Стейли насчитал на базарах Гильгита двадцать три таких заведения, не уточняя, однако, представителям каких этнолингвистических групп они принадлежали (Staley 1966, с. 251, цитируется по Kreutzmann 1989, с. 186).

Резкое увеличение числа сезонных рабочих, приезжих торговцев и туристов в Северных Территориях после открытия Каракорумского шоссе влекло за собой невиданное доселе развитие местного гостевого бизнеса. В середине 1990-х годов гостиницы для иностранцев и других состоятельных клиентов почти исключительно управлялись местными бизнесменами, а более простые заведения, предназначенные для рядовой пакистанской публики, часто находились в руках пуштунских предпринимателей. О крупном успехе пуштунов в гостиничном деле свидетельствуют и статистические данные: в 1995 году в нижней части гильгитского Эрпорт Базара располагалось семнадцать отелей, одиннадцать из которых принадлежали пуштуязычным владельцам. А осенью 1994 года в городе Скарду вдоль главной дороги Нового Базара было восемь уличных ресторанов, в четырех из которых трудился исключительно пуштуязычный персонал. Так обстояло дело в городе и в городских поселениях. Что же касается вновь образовавшихся придорожных базаров, то на некоторых из них – обычно на базарах Сазина, Соста и нижнего Чиласа – почти все ресторанные заведения обслуживались пуштунами.

В большинстве таких мелких "отелей" работали временные мигранты из долины Сват и из Мардана. Как правило, это были члены одной семьи или люди родом из одной деревни. Гостевой бизнес был выгодным делом и для владельцев, вкладывавших деньги, и для персонала, работавшего в нем. Первые выигрывали потому, что

⁷⁰ Термином "отель" в Пакистане обозначают места недорогого временного отдыха, включающие в себя не только гостиницы в европейском понимании этого слова, но и постоялые дворы, уличные рестораны и даже простые чайные.

начальные финансовые вложения можно было держать на минимальном уровне, так как помещения отеля обычно не покупались, а арендовались и только затем оснащались самой необходимой мебелью и нехитрым кухонным оборудованием. Простые сотрудники работу в отеле ценили потому, что никому кроме повара специальных знаний не требовалось, а навыки приготовления чая, сервировки и уборки столов можно было легко освоить в первые дни работы. Вдобавок, многие опрошенные не скрывали своего удовлетворения тем, что основная часть их клиентуры – торговцы, водители грузовиков, приезжие бизнесмены – состояла из соотечественников, по их мнению, более приятных в общении, чем местные жители.

Во многих отелях в качестве подручных трудились подростки и дети. Благодарные за возможность заработать себе на кусок хлеба и поддержать хоть какими-то средствами своих сородичей в исконно пуштунских районах, эти мальчишки часто выполняли тяжелую и низкооплачиваемую работу. Вот что рассказал о своей работе в качестве помощника на кухне семнадцатилетний *Дилрадж*, временный мигрант в Гильгите:

"Моя семья живет в Мардане. Мой отец батрак, и у меня восемь братьев и сестер. Когда мне было шесть лет, моего старшего брата *Камрана* взяли на работу в Гильгит. Ему тогда было пятнадцать. Мой дядя *Махбуб* работал официантом в "Вершигрум Отеле", который находится на Эрпорт Базаре. В то время менеджером отеля был один мужчина из нашей деревни, и так как он нуждался в дополнительном персонале для обслуживания, мой дядя предложил ему моего брата. Два года спустя родители отправили меня к *Камрану*, чтобы я жил у него и учился гостиничному делу. Вначале я вытирал столы и разносил чай. Позже мне также разрешили подавать еду.

Потом мой брат перевелся на работу пекаря в "Патан Отель", ранее известный под названием "Юбили Отель" и расположенный прямо напротив центрального кинозала. Они там пекут свой собственный хлеб. Отель принадлежал местному владельцу, а руководил заведением *Реза*

Хан, родом из Мардана, как и мы. Это он, *Реза Хан* взял моего брата к себе, и тот стал у него работать каждый день с шести часов утра до девяти или десяти часов ночи.

По просьбе брата *Реза Хан* нанял и меня в качестве официанта. Таких, как я в "Патан Отеле" было где-то пятеро, все из Мардана. Я среди них был самым молодым, и все заботились обо мне. *Шабаш Хан*, одноглазый ночной сторож, был для меня как отец, так как мой брат трудился в пекарне, и ему не хватало времени, чтобы мной заниматься. Работа наша была не из легких: мы должны были разносить чай, подавать еду, убирать столы, а вечером убирать зал и помогать при мытье тяжелых чанов для приготовления пищи. Питание и проживание были бесплатными. Дети и подростки спали вместе в большой комнате, которая находилась прямо за площадкой для молитвы. Один раз в году у нас была возможность поехать домой. Это всегда было во время Рамадана, потому что тогда кухня отеля не работала, и во всем здании проводился ремонт. Позже мой младший брат *Ирфан* также присоединился к нам. Тогда уже я стал заботиться о нем, так как к тому времени *Камран* нашел себе работу в отеле "Кашмир Инн" в Равалпинди.

После трех лет работы мне пришлось оставить "Патан Отель". Кто-то выстрелил в *Реза Хана* и ограбил его, когда тот вечером шел домой с кассой. *Реза Хан* выжил, но был тяжело ранен и настолько напуган, что больше менеджером работать не захотел. С новым управляющим у нас все время были конфликты. Он был человеком жадным и всех нас постоянно гонял туда-сюда, как будто мы куры.

В итоге я ушел из "Патан Отеля" и начал работать в селении Гакуч (к западу от Гильгита, по дороге в Гупис), в отеле, который принадлежал некоему мужчине из долины Сват. Ранее у него был магазин на базаре в Сазине (к югу от Чиласа, на границе Северных Территорий с Северо-Западной Пограничной Провинции), но там он не смог ужиться с местными жителями. В Гакуче я был его единственным помощником, и вся работа висела на мне, в то время как он только готовил еду и собирал деньги. Дела отеля шли не очень хорошо. И когда он не захотел

отпустить меня домой во время Рамадана, настаивая на том, что таким образом мы пропустим самый лучший бизнес-период года, я разозлился и сам от него ушел. Я поселился у своего брата в Равалпинди, надеясь на его поддержку в поисках новой работы. Однако он оказался, будучи загруженным своими делами, не в состоянии мне чем-либо помочь.

Через некоторое время я вернулся в Гильгит и начал работать в "Медина Отеле", куда меня устроил друг, в свое время работавший со мной в "Патан Отеле". Сейчас я здесь работаю официантом, но мне также разрешили помогать при приготовлении пищи. Так я могу научиться чему-нибудь большому. Я в школу никогда не ходил, я неграмотен и я не владею никаким ремеслом. Может быть, я здесь смогу научиться поварскому делу. А потом, когда я заработаю достаточно денег, вместе со своими братьями открою свой собственный отель".

Гильгит, апрель-май 1995 г.

Другие виды профессиональной деятельности или ремесла, которыми занимались пуштуязычные мигранты, включали продажу обуви, ремонт механических, электрических и электронных изделий, оптовую торговлю древесиной, мобильную торговлю ножами, работу на скотобойнях и в относящихся к ним мясных лавках, а также предоставление денег в кредит.

Любопытен факт, что в середине 1990-х годов мало кто из пуштуязычных мигрантов занимался земледелием. А те, кто обрабатывали землю, как правило, принадлежали к семьям, предки которых прибыли в Северные Территории еще во время колониального периода. Несмотря на тщательные поиски, мне удалось найти только двух пуштунских крестьян, обосновавшихся в Каракорумском регионе не до, а после обретения независимости от Британской Индии. Это были братья *Абдулла Хан* и *Ризван Хан*, сбежавшие из родной деревни, расположенной в долине Сват, в страхе перед кровной местью и прибывшие в долину Тангир в 1950 году. Там, под покровительством влиятельного местного старца, им был выдан участок земли под

строительство дома в деревне Шатиль, где в середине 1990-х они и члены их семьи все еще работали батраками на полях своих более состоятельных непустунских соседей.

Многие крестьянские хозяйства пуштуязычных мигрантов, предки которых переехали в Северные Территории до основания Пакистана, медленно, но верно также оставляли сельское хозяйство и переходили на другие источники дохода. Примером такого перехода может послужить семья *Алам Хана* из долины Астор, которая к середине 1990-х годов продала большую часть своих сельскохозяйственных угодий, а на заработанные таким образом деньги открыла аптеку на гильгитском базаре.

Другой пример – *Сеид Рахман*, с семейной историей которого мы уже знакомы из предыдущей главы. Дед *Сеид Рахмана*, *Сеид Эмтияз*, в конце колониального периода приобрел неводеланные земли к юго-востоку от Гильгита, в селении Чамурга. В 1960-х годах его отец *Сеид Рахман* начал заниматься бизнесом в Гильгите. Спустя некоторое время он забрал туда жену и детей, а значительную часть своих пахотных земель отдал в аренду местным фермерам и золотоискателям племени марутс. А в середине 1990-х *Сеид Рахман* и его старший сын, будучи владельцами двух прибыльных магазинов на гильгитском Кашмири Базаре, решили окончательно выставить свою недвижимость в Чамурга на продажу с целью вложения вырученных денег в китайский импорт-экспорт бизнес.

Популярными среди пуштуязычных мигрантов в середине 1990-х годов оставались и виды профессиональной деятельности, связанные с государственным сектором и с пакистанскими вооруженными силами. Как и в прошлом, заманчивость таких постов была обусловлена стабильным доходом, социальным престижем и правом на пенсию. Но если раньше такие посты давались и вновь прибывшим мигрантам, то теперь в качестве подходящих кандидатов на подобные позиции рассматривались исключительно представители семей, издавна проживавших в регионе. Из числа семей мигрантов, опрошенных мной,

Сапожники на базаре в Чиласе

двое внуков гизарского купца *Сарвар Хана* служили офицерами в пакистанской армии, а третий работал врачом в местном диспансере. Один из братьев *Абдул Каюма*, отец которого был странствующим торговцем в Багроте, занимал должность клерка в гильгитской администрации. Шурин *Низамуддина* из Скарду работал в Государственном Лесном Управлении, а брат *Сеид Рахмана*, торговца и землевладельца из Чамурга, был хирургом в центральной больнице Гильгита. Другие постоянные мигранты работали в сфере здравоохранения, служили в полиции или зарабатывали на жизнь в качестве учителей в местных школах.

4. ЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СРЕДЕ ПУШТУЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ⁷¹

4.1. Условия применения пушту

У пуштуязычных мигрантов, постоянно проживавших в Северных Территориях, общение на родном языке проходило в основном в кругу семьи.

Почти все опрошенные старшего возраста рассказали, что они всегда пользуются пушту в общении со своими родителями, женами и детьми. Были, однако, исключения из общего правила, в тех случаях, когда жена опрошенного не являлась носителем языка пушту. В таких семьях супруги при общении друг с другом обычно пользовались родным языком жены, который обычно являлся также и доминирующим местным языком. Тем не менее, были и случаи, когда иноязычные женщины после замужества овладевали пушту и общались на нем с родственниками мужа.

Следует отметить, что в середине 1990-х годов заключение брака между мужчинами пуштунского происхождения и непуштунскими женщинами было весьма редким явлением.⁷² Смешанные браки наблюдались почти исключительно среди неимущих постоянных пуштуязычных мигрантов. Причиной этого служило то, что – как мне объяснили – за "чистокровных" пуштунских невест требовался чрезмерно большой выкуп. В семьях, где в течение двух и более

⁷¹ Нижеследующая часть исследования основана на данных, относящихся к 60 опрошенным, 30 из которых являлись временными пуштуязычными мигрантами, а 30 – постоянными. Обе группы были разделены на молодых носителей языка (до 30 лет) и на носителей старшего возраста.

⁷² Семейные истории и социолингвистические данные, собранные мной (см. таблицу по преемственности использования пушту в семейной среде в приложении), указывают на то, что еще в 1960/70-е годы подобного рода браки заключались намного чаще.

поколений принимали непустунских женщин, дети, как правило, тяготели к языку матери. Однако наблюдались и исключения. Мне было сообщено о трех смешанных семействах, в которых отцы-пуштуны прилагали все усилия, чтобы передать своим сыновьям хотя бы начальные знания языка своих предков.

Что же касается молодых пуштуязычных мигрантов, постоянно проживавших в Северных Территориях, то их подход к использованию языка в кругу семьи был несколько иным. Каждый опрошенный данной категории отмечал, что он пользуется пушту при общении с отцом. Дети непустунских матерей, как правило, общались с ней на ее родном языке. Братья обычно использовали пушту дома, при общении друг с другом. Вне дома же они часто общались между собой на местном языке, даже в тех случаях, когда оба их родителя были пуштуязычными. Такой подход сами опрошенные объясняли уважением к непустуязычным присутствующим. Однако, по моим наблюдениям, языковой выбор молодых пуштунов часто был обусловлен не в последнюю очередь их недостаточно беглым владением своим традиционным языком. В ряде случаев я был свидетелем того, как молодые люди в присутствии родственников общались друг с другом на пушту, но как только последние скрывались из их поля зрения, сразу же переключались на местный язык.

Наиболее привычными пуштуязычными собеседниками, как для молодых, так и для немолодых постоянных мигрантов, наряду с членами собственных семей, были их соседи. Прежде всего, это касалось опрошенных, проживавших в Чиласе и селении Таус, где пуштунские хозяйства были близко расположены друг к другу.

Однако для молодых опрошенных общение со своими друзьями-пуштунами на местном языке не было чем-то необычным. В то время как со своими старшими родственниками мужского пола они обычно разговаривали на пушту.

Что касается языка общения постоянных пуштуязычных мигрантов со своими временно мигрировавшими соотечественниками, то им, по утверждению первых, обычно являлся пушту. Даже те представители

молодого поколения, которые в силу своего скудного владения пушту, намного легче бы объяснялись на урду, считали общение со своими приезжими земляками не на общем родном, а на чужом языке "постыдным поведением".

Временные пуштунские мигранты общались на пушту в основном со своими соседями по коллективному хозяйству типа *дера* (см. сноску 47). Проживавшие там, как правило, происходили из одной и той же деревни и, таким образом, говорили на одном, общем для всех говоре.

Вне коллективных домашних хозяйств *дера* регулярное общение на пушту поддерживалось с другими временными мигрантами, работавшими на базаре. Гораздо реже временные пуштунские мигранты общались со своими земляками, постоянно проживавшими в Северных Территориях. Хотя общение с ними происходило более или менее беспрепятственно, многие временные мигранты отмечали "плохой пушту" поселенцев, особенно если те происходили из семейств, проживавших в Северных Территориях уже не в первом поколении.

Относительно письменной речи следует отметить, что лишь немногие пуштуны, включенные в данное исследование, имели хоть какое-то школьное образование. Но даже в тех случаях, когда опрошенные посещали школу, уровень их образования редко выходил за пределы средних классов. Любопытен тот факт, что пуштунов со школьным образованием было значительно больше среди постоянных, чем среди временных мигрантов. Эта диспропорция была связана, вероятно, с тем, что многие постоянные мигранты принадлежали к социально обеспеченным семьям, в то время как основная масса временных мигрантов большими средствами не обладала.

Интересно, что навыки письма, приобретенные в ходе получения формального образования, как правило, касались не пушту, а языка урду. Опрошенные, посещавшие религиозную школу (т.е. медресе), как некоторые из временных мигрантов, также были знакомы с основными принципами арабской орфографии. Невладение письменной формой родного языка у постоянных мигрантов объяснялось тем, что в школах Северных Территорий пушту не преподавали. Так, из пятнадцати

постоянных пуштунских мигрантов молодого поколения, опрошенных мной, только трое разбирались в письменном пушту, несмотря на то, что четырнадцать из них получили школьное образование. Эти трое происходили из более состоятельных семейств, а читать и писать на пушту они научились от своих отцов. Все остальные формально образованные постоянные пуштуязычные мигранты в личной и официальной переписке использовали урду.

Иная картина складывалась в отношении временных мигрантов. Хотя, как уже отмечалось, среди них было значительно меньше формально образованных людей (13 из 30-ти опрошенных), тем не менее, более половины (т.е. семь) из грамотных опрошенных умели читать и писать на пушту.⁷³

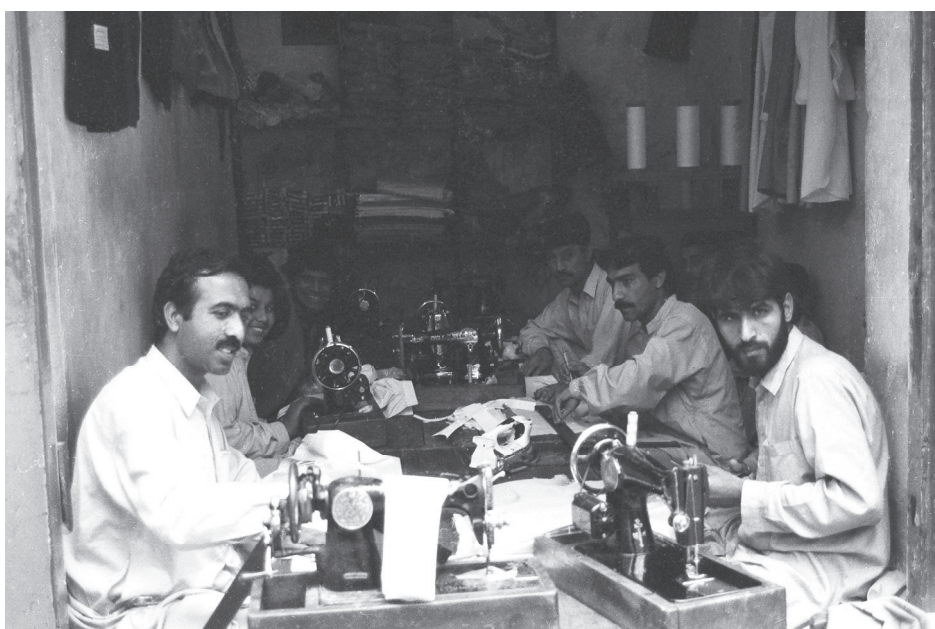
4.2. Междиалектная коммуникация

Как уже отмечалось в главе 1.2, пушту разделяется на множество диалектов. Такое диалектное разнообразие часто приводит к тому, что носителям только одного из языковых вариантов пушту трудно понять друг друга. Характерным примером "сложного диалекта" является вариант пушту, известный в научной литературе под названием вазири или дзадрани (в Пакистане распространен в Вазиристане, а также в округе Банну). Непосвященный непуштунский слушатель может легко принять этот диалект за отдельный, самостоятельный язык, только отдаленно напоминающий пушту.

С подобными трудностями общения сталкиваются не только иностранцы. Для носителей различных диалектов пушту общение друг с другом на их родном языке тоже может оказаться нелегкой задачей, тем более что нет единого широко распространенного нормативного устного варианта языка, на который они могли бы опереться в качестве эталона.

⁷³ Об отношении пуштуязычных жителей ареала традиционного расселения пуштунских племен к школьному обучению на родном языке см. главу 1.3.

Тем не менее, в ходе постоянного взаимодействия пуштуны вырабатывали определенные методы словесной коммуникации, позволяющие им преодолевать существующие диалектные границы и успешно общаться друг с другом на пушту. Ниже мы обратимся к анализу этих методов в том виде, в котором они применялись в языковом взаимодействии пуштунских мигрантов в Северных Территориях. Но сначала хотелось бы привести некоторые сведения о диалектном происхождении опрошенных и о том, как оно проявлялось в языковом общении в их домашней среде.

Портной ателье в Чиласе

Все опрошенные пуштуязычные мигранты, как постоянные, так и временные, были осведомлены о месте происхождения своих предков, находившемся в ареале традиционного расселения пуштунских племен. Большинство опрошенных или их предки прибыли в Северные Территории преимущественно из пуштуязычного региона, расположенного к югу от Читрала. На западе этот регион очерчен пакистано-аф-

ганской границей, на юге – рекой Кабул, а на востоке – рекой Инд. В пределах этого региона многие из опрошенных временных мигрантов, а также большинство из опрошенных постоянных мигрантов происходили из долины Дир, долины Сват, Баджаурского округа и Момандского племенного ведомства. Кроме этого значительное число временных мигрантов приехало из Малакандского округа, а также из округов Сваби и Мардан. Другие прибыли из Пешавара или из Хазарского подразделения Северо-Западной Пограничной Провинции, расположенного на восточном берегу реки Инд. Во всех вышеназванных местностях преобладает северо-восточная диалектная группа пушту.

Сравнительно меньшее число мигрантов приехало из регионов, где распространены юго-восточные диалекты, таких как округа Банну и Кокат, Хуррамское ведомство, а также из Вазиристана и Белуджистана. Предки некоторых постоянных мигрантов, по данным самих опрошенных, происходили из Нинграхара и Кунара – регионов, расположенных в восточном Афганистане.

В домах мигрантов, в которых я побывал, жители, в основном, говорили только на одном говоре, который они обычно характеризовали как "наш язык" или "наш пушту". В случае с временными мигрантами такой выбор казался естественным, поскольку, как уже было отмечено, в коллективном домашнем хозяйстве типа *дера* обычно проживали люди, принадлежавшие если не к одному общему клану или к одной и той же деревне, то, по крайней мере, к территории распространения одного и того же диалекта.⁷⁴

Но и постоянные пуштуязычные мигранты явно предпочитали компанию своих соотечественников, по возможности вступая в брак с женщинами из собственного клана или племени. Таким образом, было неудивительно, что большинство постоянных мигрантов сохраняли именно тот диалект пушту, на котором говорили их предки. Некоторые старожилы, поэтому не без гордости отмечали, что только они и их

⁷⁴ Подробный анализ происхождения пуштунских мигрантов, проживавших в коллективных домашних хозяйствах типа *дера* в Гильгите в середине 1990-х годов, приводит Зекефельд (Sökefeld) 1998b, с. 286 и сл.

семьи по-прежнему говорят на "правильном" родном языке, в то время как пушту, который сейчас в ходу в родном регионе их предков, "испорченный" и "нечистый". Об этом, по их мнению, свидетельствовало поголовное "косноязычие" прибывающих оттуда временных мигрантов.

Вне семейной среды все пуштунские мигранты, включенные в данное исследование, постоянно общались с носителями других вариантов пушту. Принимая во внимание различия, иногда весьма значительные, между разными диалектами, можно было бы ожидать, что во время общения говорящие должны были бы испытывать серьезные трудности в понимании друг друга. Однако, по моим наблюдениям, вопреки этим предположениям, языковое общение между пуштунскими мигрантами даже на непохожих один на другой диалектах проходило без особых препятствий и довольно-таки гладко.

Для того чтобы обеспечить максимальное взаимопонимание, собеседники следовали простой схеме: каждый участник в разговоре говорил на собственном диалекте. Если адресат давал знать, что он не понял слов собеседника, последний предлагал ему синоним или дополнительную фразу, которые должны были внести ясность. На практике говорящий очень часто предлагал дополнительные объяснения не только исключительно по запросу, но сразу же после того, как употреблял слово или выражение, понимание которого, по его мнению, могло вызвать трудности у своего собеседника. Соответствующие синонимы могли быть взяты из родного диалекта говорящего или из любого другого варианта языка, предпочтительно того, на котором говорил адресат. Пояснительная фраза обычно давалась на диалекте говорящего.

В качестве иллюстрации такого модуса коммуникации приведу следующую фразу, взятую из разговора между торговцем, происхождением из Мардана, и его новым помощником из Дира:

Za ba'zar-nə 'ma-tə pey 'rawrə. pey. 'taso čə 'war-tə šo'de 'wayəy. cə čə 'čay-kye 'ačəy
"Иди, принеси мне *pey* (молоко) с базара. *Pey*, то, что вы называете *šode*.
То, что добавляют в чай".

Подобный метод "параллельного разъяснения" по моим наблюдениям применялся также пуштунами, проживавшими за пределами Северных Территорий. С первого взгляда такой способ общения может показаться "неуклюжим", однако на практике он срабатывал почти безотказно, даже не замедляя темп разговора. Кроме того, всегда было интересно наблюдать, как быстро носители различных диалектов пушту могли приспособиться друг к другу в разговоре и как ловко многие из них могли привести для любого понятия целый ряд соответствующих диалектных синонимов. Поэтому неудивительно, что ни один из опрошенных мной мигрантов не жаловался на сложности в общении с другими пуштуязычными.

Любопытно, что даже те пуштуны, которые в силу интенсивного общения приобрели неплохие знания другого диалекта, в общении с его носителями по-прежнему предпочитали пользоваться собственным, родным вариантом пушту. Свой выбор опрошенные мотивировали тем, что лучше говорить хорошо на собственном диалекте и, если это необходимо, дополнительно объяснять кое-какие слова, чем неправильным употреблением чужого диалекта делать себя посмешищем для других.

Метод "параллельного разъяснения" в междиалектном общении не применялся только в том случае, если владение языком позволяло участникам беседы перейти на пешаварский вариант пушту. Ввиду своего престижного статуса на территории Северо-Западной Пограничной Провинции, он применялся как надрегиональный вариант языка.⁷⁵ В среде пуштуязычных мигрантов, проживавших в Северных Территориях, надрегиональный диалект оказался особо востребованным при общении представителей радикально различных диалектов, в то время как при разговоре носителей вариантов, принадлежавших к северо-восточной диалектной группе пушту, преобладал метод пояснения.

Чтобы облегчить общение, носители разных диалектов пушту могли бы, конечно, использовать и урду – язык пакистанского межнационального общения. Урду широко распространен и среди пуштунских миг-

⁷⁵ Более подробно о пешаварском варианте пушту см. в главе 1.2.

рантов, проживавших в Северных Территориях.⁷⁶ Однако такое применение урду в описанных ситуациях наблюдалось довольно редко и, как правило, ограничивалось тем, что говорящий дополнял свой ряд пуштунских синонимов словом или короткой фразой из данного языка. Один из опрошенных мигрантов прокомментировал этот подход следующим образом: если адресат настолько не образован, что не понимает предлагаемые ему синонимы даже на своем родном языке, то маловероятно, что он знаком с эквивалентом объясняемого слова на урду.

Чем же объяснить, что метод "параллельного разъяснения" и применение надрегионального диалекта утвердились в Северных Территориях в качестве самых распространенных и эффективных способов общения между пуштунскими мигрантами, носителями разных диалектов? Скорее всего тем, что общение вне рамок родного диалекта (по крайней мере, общение, наблюдаемое мною) обычно ограничивалось простыми, повседневными ситуациями. Кроме того, благодаря своему передвижному образу жизни большинство временных мигрантов имели богатый опыт общения с носителями различных вариантов языка. Это делало их более восприимчивыми к чужой пуштунской речи и помогало им в поиске подходящего слова-заменителя или разъясняющей фразы. Конечно, надо иметь в виду, что большинство пуштунов в Северных Территориях были носителями схожих (северо-восточных) диалектов. Это обстоятельство явно способствовало распространению пешаварского варианта пушту, фактически бытовавшего в роли надрегионального варианта.⁷⁷

⁷⁶ О распространении урду в среде пуштуязычных мигрантов см. в главе 4.4.

⁷⁷ Следует отметить, что постулированное Э. Бауэром (Bauer) 1998, с. 635 и сл. существование "третьего междиалектного средства общения" – отдельного социолекта, присущего исключительно пуштуязычным мигрантам, проживавшим в Северных Территориях, и общего для них всех – не подтвердилось собранным мной материалом. Пушту, бытовавший в середине 1990-х гг. в среде пуштуязычных мигрантов в Северных Территориях Пакистана, не существовал в изоляции, а благодаря высокой "мобильности" его носителей в силу их профессиональной деятельности, состоял в постоянном контакте с вариантами

Несмотря на все вышеперечисленные приемы, облегчавшие междиалектное общение, даже незамысловатая беседа между носителями близкородственных вариантов пушту не всегда подразумевала полное взаимопонимание. Примером тому может послужить рассказ уже известного нам семнадцатилетнего *Дилраджа* (см. главу 3.1.3.2), подсобного рабочего одной из гильгитских гостиниц:

"Когда я был подростком, мы с братом работали в "Патан Отеле" в Гильгите. Большинство людей, работавших там, происходили, как и мы, из Мардана. При общении друг с другом у нас трудностей не было. Но у меня иногда были проблемы с пониманием пушту, на котором говорили наши клиенты. Особенно отличается от нашего тот пушту, на котором говорят в городе Кветта (столица пакистанского Белуджистана). Но даже пуштуны из долины Сват (неполных сто километров к северу от Мардана) иногда применяют довольно странные выражения. Один из них как-то сообщил мне, что он для меня из дома принес *kajure*, однако потом вручил мне то, что мы в Мардане обычно называем *yunzaxi* (печенье, жареное на растительном масле). А я-то думал, что он мне принес финики, так как слово *kajure* у нас в Мардане означает именно это. Конечно же, я был несколько разочарован, получив это жирное печенье. Другой гость во время обеда – я тогда работал официантом –

пушту, распространенными в ареале традиционного расселения пуштунских племен, принимая участие в их текущем лингвистическом развитии. Его отделению от других вариантов языка и формированию самостоятельного, *характерного* для Северных Территорий, диалекта пушту препятствовали, кроме уже упомянутого открытого характера языкового коллектива, по крайней мере, еще два фактора: 1) роль языкового средства междиалектного общения, которую такой самостоятельный вариант пушту мог бы сыграть в многодиалектной пуштуязычной среде Северных Территорий Пакистана, оказалась уже занятой пешаварским диалектом и техникой общения с помощью "параллельного разъяснения"; 2) одновременное влияние на язык пушту сразу же нескольких местных контактных языков (в основном шина, кховар и балти).

попросил меня принести ему *kāṣṭmiri*. Я был озадачен этим поручением и специально забежал к своему брату в пекарню, чтобы спросить его, о каком "кашмирце" идет речь. Он рассмеялся и объяснил мне, что некоторые жители долины Сват этим выражением обозначают не людей, а помидоры. Ну да, а для нас в Мардане помидоры – просто *ṭamaṭar*.

И еще одна интересная ситуация, которую я очень хорошо помню: в то время с нами работал парень по имени *Мухаммад Салим* из города Мингавора (экономический центр долины Сват). Однажды после общего ужина, мы с ним вдвоем сидели в нашей комнате и разговаривали. Вдруг открывается дверь, и заходит один из постояльцев нашей гостиницы – пожилой хаджи с длинной бородой и бритой верхней губой – вероятно, торговец, проезжавший через Гильгит. Он искал моего брата, который должен был устроить что-то для него в его номере. Брат был занят в пекарне, и я предложил хаджи проводить его туда. При выходе из комнаты хаджи повернулся к моему другу и спросил его: *a'ləka, tə 'daltə-kye sə kawə* ("Парень, а ты здесь что делаешь?"). *Салим* ответил: *wəli nə* ("Почему я не должен быть здесь?"). Хаджи сказал: *хə, хə, хə, ṭik šo* ("Ладно, очень хорошо!") и вышел. Мне этот короткий диалог показался очень странным. Ведь ответ *Салима* был резким и непочтительным. Я *Салима* таким не знал. И, что было еще более удивительно, гость оставил наглуемую реплику *Салима* без какого-либо замечания.

На следующий день я рассказал своему брату о случившемся, и он долго смеялся. Дело в том, что жители долины Сват говорят *wəli nə* в ситуациях, в которых мы в Мардане употребляем *assi* ("Ничего особенного, просто так"). Вот почему ответ *Салима* показался грубым и непочтительным только мне, в то время как он был совершенно нормальным для хаджи, который, как и *Салим*, был родом из Свата. За все время здесь в Гильгите я еще не раз слышал подобного рода странные выражения и, в общем-то, привык к ним. Но даже если сегодня кто-то из Свата меня спросит, чем я тут занимаюсь, то я точно отвечу: *assi*. Это потому, что *wəli nə* до сих пор мне режет ухо".

Гильгит, октябрь 1996 г.

"Общее правило", выработанное пуштунскими мигрантами, проживающими в Северных Территориях, точнее всего "схвачено" в высказывании *Макбали Хана*, торговца из Мардана: "В целом, все мы, пуштуны, говорим на одном и том же языке. Просто надо привыкнуть к словам своего собеседника".

4.3. Поддержание языка пушту

Для мигрантов, постоянно проживавших в Северных Территориях, возможности приобщиться к родному языку за пределами своей семьи были весьма ограничены. В местных школах преподавали не на пушту, а на урду или на английском, или же, в начальных классах, на одном из автохтонных языков. Пушту, как предмет, в школе также не преподавался. Пуштуязычные газеты, книги и другие печатные издания на местных базарах не продавались. Вещание пуштуязычных радио- и телестанций, расположенных в ареале традиционного расселения пуштунских племен, до Каракорумских гор не доходило. Гильгитское радио ограничивалось передачами на местных языках шина и бурушаски. А за новостями на пушту, которые передавались иностранными коротковолновыми радиостанциями, регулярно следили только очень немногие из опрошенных.

Тем не менее, пакистанский государственный телеканал один раз в неделю транслировал часовую развлекательную программу на пушту (для тех немногочисленных домашних хозяйств, где был телевизор), время от времени в кинозалах Гильгита и Скарду демонстрировались пуштунские художественные фильмы и, конечно же, всегда была возможность общаться с людьми – другими носителями родного языка. Несмотря на то, что большинство постоянных пуштуязычных мигрантов охотно пользовались возможностью пообщаться со своими приезжими соотечественниками, возможность для языкового взаимодействия предоставлялась в городских поселениях гораздо чаще, чем в сельской местности.

Владелец чайной на гильгитском Эрпорт базаре

Как уже упоминалось, большинство из тридцати опрошенных постоянных мигрантов имело школьное образование. Но, несмотря на это, только трое из них были в состоянии читать и писать на родном языке. Остальные опрошенные для этой цели применяли урду. Хотя в Пакистане урду и пушту пишутся почти одинаковым алфавитом, даже среди наиболее восприимчивых в языковом плане постоянных мигрантов мало кто проявлял интерес к чтению пуштуязычных печатных изданий.

Стихи на пушту и пуштунский фольклор среди постоянных мигрантов популярностью не пользовались. Сказки и рассказы, бытовавшие в их среде, отражали, как правило, местное устное творчество, а воспроизводить их на пушту опрошенные затруднялись, так как эти произведения были изложены и представлены пуштуязычному слушателю не на родном, а на доминирующем местном языке.

Совершенно иначе дело обстояло с временными мигрантами. Будучи торговцами и ремесленниками, подавляющее большинство опрошен-

ных большую часть своего времени проводило в пуштуязычной среде на базаре. Кроме того, почти все опрошенные по крайней мере один раз в год проводили несколько недель в ареале традиционного расселения пуштунских племен, навещая своих родственников. Около половины опрошенных временных мигрантов имели образование, полученное в школе или медресе на родине. Некоторые из них умели читать и писать на пушту. Немногие из опрошенных были заинтересованы в чтении на пушту, но независимо от уровня образования, почти все были знакомы с пуштунской поэзией и фольклором. Особой популярностью пользовались народные пословицы, поговорки и стихи известного суфийского поэта *Рахман Баба*. Пуштунские сказки и анекдоты тоже были в ходу.

4.4. Урду как средство коммуникации для пуштунов

Как выяснилось в ходе данного исследования, все опрошенные пуштуязычные мигранты наряду с родным владели еще одним или несколькими языками.

Наиболее часто в качестве второго языка упоминался урду. Как было отмечено в первой главе, урду является официальным языком Пакистана и используется во всех государственных учреждениях, а также является языком преподавания и предметом изучения в школах. Урду принадлежит к центральной группе новых индоарийских языков и в силу своего близкого родства с хинди, знание урду обеспечивает доступ к индийской массовой культуре, которая в виде песен и "болливудских" фильмов широкодоступна и популярна среди всех этнолингвистических групп и социальных слоев пакистанского общества.

В Северных Территориях урду – язык не исконный, а свой статус административного языка он приобрел благодаря официальному указу. Однако в отличие от остальной части страны, утверждение урду в Каракорумском регионе не было обусловлено созданием пакистанского государства в 1947 году, а произошло в совершенно ином контексте более чем за полвека до этого события. В то время Гильгитская область была частью Кашмирского княжества, во главе которого стояла динас-

тия Догра. Административные дела княжества были в руках Государственного совета, находящегося под политическим влиянием Британской Индии. С целью более пристального контроля над органами управления Кашмира британцы в 1889 году убедили совет принять указ, в соответствии с которым статус административного языка государства перешел от персидского к урду. Согласно М. Зекефельду (Sökefeld 1997, с. 122), это решение послужило предлогом для того, чтобы удалить из местных структур старую кашмирскую бюрократическую элиту, не владеющую урду, и заполнить освободившиеся ключевые административные позиции урдуязычными пенджабцами, преданными британскому колониальному правлению.

Таким образом, на нынешних Северных Территориях урду приобрел статус административного языка гораздо раньше, чем на остальной территории современного Пакистана. Однако учитывая, что во второй половине XIX века большинство жителей Каракорумского региона проживало в отдаленных сельских районах, вдали от местных административных центров Гильгит, Чилас и Скарду, маловероятно, что упомянутый официальный переход от персидского к урду оказал ощутимое воздействие на их языковое общение или повлиял на местные языки.⁷⁸ С другой стороны, можно предположить, что те пуштуязычные мигранты, которые в силу своей деятельности состояли в тесном контакте с представителями кашмиро-британского колониального управления и которые были знакомы с урду со времен своего пребывания за пределами Каракорумских гор, использовали его и в общении со своими клиентами и работодателями на новом месте. Как бы то ни было, хотя некоторые пожилые пуштуны, опрошенные в рамках данного исследования, упоминали урду среди языков, которыми владел их отец

⁷⁸ Историческое взаимодействие урду с местными языками почти не изучено. Для ваханского языка Б. Райнхольд (Reinhold) 2006, с. 58 постулирует полное отсутствие влияния урду до середины XX века. Подобное можно предположить и относительно других местных языков, таких как шина, кховар, балти и бурушаски.

или дед, мне не удалось собрать материал об использовании урду пуштуязычными мигрантами во время колониального периода.

В настоящее время в Северных Территориях урду является наиболее распространенным языком межэтнического общения (Tikkanen 1996, 790). Подавляющее большинство опрошенных пуштуязычных мигрантов устно владели этим языком в достаточной мере, чтобы справляться со всеми аспектами своей профессиональной деятельности. Более того, все мигранты со школьным образованием умели читать и писать на урду. Больше половины временных и почти все постоянные мигранты (за исключением трех) применяли этот язык в частной переписке.

В то же время, уровень владения урду зависел от уровня формального образования говорящего, а также от рода его деятельности и степени мобильности. Более длительный период школьного образования, более интенсивные контакты с непуштуязычными собеседниками и высокая степень профессиональной мобильности обычно способствовали лучшему знанию этого языка.

Улица в Гильгите

Следует отметить, что среди пуштунских мигрантов, опрошенных мной, общий уровень знания урду оказался не слишком высоким. Действительно, по всем Северным Территориям именно пуштуны были известны своим "неуклюжим" и неверным применением этого языка. Такое впечатление у посторонних возникало, главным образом, от привычки пуштунов де-аспирировать придыхательные, игнорировать назализацию гласных и путать грамматический род определенных форм глагола. Все это, без сомнения, происходило вследствие интерференции их родного языка.⁷⁹

Многие опрошенные мной мигранты откровенно сознавались в недостаточном владении урду, но, тем не менее, не прилагали ощутимых усилий к улучшению своих познаний в этом языке. Мало кто утруждался произносить слова согласно общепринятой норме или применять грамматические правила надлежащим образом. Важно было только, чтобы собеседник понял, о чем идет речь. Между тем, нельзя было сказать, что мигранты отрицательно относились к урду.⁸⁰ Их отношение к языку можно охарактеризовать следующим высказыванием одного из опрошенных: "Говорить на урду – это очень полезное дело. Самое главное – знать его в нужной мере".

Описанное отношение к урду в повседневной жизни проявлялось следующим образом: как и следовало ожидать, самый низкий уровень владения урду был у молодых временных мигрантов, лишенных формального образования и недавно покинувших свои родные места в поисках работы. Я неоднократно был свидетелем того, как в первые

⁷⁹ Язык урду характеризуется наличием следующих, не присущих современному пушту, согласных: придыхательные взрывные [ph, th, ṭh, kh, bh, dh, ḍh, gh], придыхательные аффрикаты [čh, jh] и придыхательный ретрофлексный одноударный [ɽ]. В то же время в языке урду отсутствуют присущие пушту согласные: непридыхательные аффрикаты [с, з] и ретрофлексный носовой [ɳ]. В урду отмечаются следующие гласные: [а, е, и, о, u]. Система гласных также характеризуется наличием долгих гласных [ā, ē, ī, ō, ū], дифтонгов [ai, au] и назализацией гласных.

⁸⁰ Об отношении к языку урду пуштунов, проживающих в ареале традиционного расселения пуштунских племен, см. главу 1.3.

недели и месяцы своего пребывания в Северные Территории такие новички прилагали большие усилия, чтобы научиться урду для элементарного общения с непустунскими клиентами. Но как только они достигали уровня компетентности, достаточного для достижения своих целей, они, как правило, теряли интерес к дальнейшему изучению языка. Результатом этого сугубо утилитарного отношения к урду была его очень упрощенная "базарная версия", которая в своем характерном пуштунском стиле исполнения четко отличалась от разговорных разновидностей урду, используемых автохтонными этнолингвистическими группами.

Как и следовало ожидать, большинство опрошенных научились говорить на урду на базаре. Базар был также местом, где временные мигранты пользовались этим языком как главным средством общения с непустунами. Для постоянных же мигрантов урду в этом отношении занимал только второе место, так как первое уделялось местному доминирующему языку. Урду, наряду с английским, как правило, также упоминался опрошенными в качестве наиболее предпочтительного языка для школьного обучения своих детей. Многие опрошенные объясняли свой выбор тем, что знание урду и/или английского дает их детям возможность найти хорошо оплачиваемую, престижную работу и, таким образом, открывает для них перспективу лучшей жизни.⁸¹

Пушту, на котором говорят пуштунские мигранты в Северных Территориях, несомненно, испытывает на себе влияние урду, в первую очередь, на уровне лексики. Тут можно привести следующий характерный пример: все пуштуны, включенные в данное исследование, даже те из них, кто не располагали глубокими познаниями урду, были способны пользоваться его числительными. В частности, это касалось денежных расчетов, при которых пуштуны явно предпочитали использовать

⁸¹ Подобная тенденция к предпочтению урду в качестве языка школьного образования, наблюдалась и среди пуштунов, проживавших в ареале традиционного расселения пуштунских племен (см. главу 1.3).

числительные на урду не только с непуштунами, но и друг с другом.⁸² Такая – уже сама по себе необычная – привычка становится еще более примечательной, если учесть, что пуштунские составные числительные образуются по простой, легко осмысляемой схеме, в то время как первые сто числительных на языке урду – неразделимые слова, которые практически надо учить наизусть.⁸³

4.5. Применение пуштунами местных языков

В отличие от урду, к которому и постоянные, и временные пуштуязычные мигранты проявляли более или менее одинаковое, положительное отношение, в вопросе местных языков их мнения расходились.

Только очень немногие из опрошенных временных мигрантов были знакомы с каким-либо из языков коренных жителей Северных Территорий. Многие даже не знали названия языка, доминировавшего в непосредственном их окружении, а прибегали к описательным терминами, как, например: *gilgi'ti* – "гильгитский", *də pun'yal 'jibə* – "язык Пуньяла" или *də astor'yano 'jibə* – "язык людей из Астора".

Таким образом, почти все временные мигранты в своем общении с носителями местных языков зависели от урду. Однако мало кому из опрошенных такая зависимость казалась препятствием. Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, по утверждению большинства опрошенных пуштунов, их местные клиенты владели урду в доста-

⁸² Следует отметить, что систематическое использование в письменной и устной речи числительных и других лексических единиц из урду широко распространено и среди пуштунов, проживающих в пакистанском ареале традиционного расселения пуштунских племен.

⁸³ В образцах речи, собранных мной при опросе постоянных пуштунских мигрантов набор языковых единиц из урду характеризуется определенным однообразием, ограничиваясь несколькими существительными, обозначающими продукты питания, например: /am/ "манго" < урд. [ām]; /ke'la/ "банан" < урд. [kēlā]; /a'lu/ "картофель" < урд. [ālū]; /bənd go'pi/ "цветная капуста" < урд. [gōbhī]; /təma'tər/ "помидор" < урд. [tāmāṭar]; /tel/ "масло" < урд. [tail]. Следует отметить, что те же самые лексемы наличествуют и в вариантах пушту, распространенных в традиционном ареале расселения пуштунских племен.

точной мере, чтобы поддерживать с ними деловые отношения. А во-вторых, по моим наблюдениям, общение временных мигрантов с местным населением вне профессиональной деятельности, в большинстве случаев ограничивалось нехитрыми бытовыми ситуациями, не требовавшими особых языковых познаний. В этом контексте интересно отметить, что ни один из опрошенных временных мигрантов не упомянул о своем регулярном общении с представителями автохтонных этнолингвистических групп, и лишь немногие из первых допускали возможность того, что познания в каком-либо из местных языков могли хоть в чем-то оказаться им полезными.

Абдул Каум со своим старшим сыном

Более того, подавляющее большинство временных пуштунских мигрантов весьма отрицательно относилось к культуре местных жителей и их образу жизни. Порой сугубо субъективная точка зрения пуштунов распространялась и на местные языки, которые, ввиду

присутствия в них ряда непривычных для "пуштунского уха" ретрофлексных аффрикат, обыкновенному слушателю должны были казаться весьма странными. Следующее высказывание одного из опрошенных, торговца электротоварами на гильгитском базаре, четко отражает образ мыслей, типичный для временных мигрантов: "Продавая наши товары этим отсталым горцам, мы им обеспечиваем связь с внешним миром. Это они в нас нуждаются. Нам они безразличны. Так какой же нам может быть толк от их языка?"

Среди временных мигрантов относительный интерес к автохтонным языкам проявляли лишь странствующие торговцы и ремесленники. Во время своих поездок они общались с местными жителями, в том числе с женщинами и пожилыми людьми, которые, из-за редкого выезда за пределы своего места жительства и в силу ограниченного доступа к формальному образованию, часто не владели урду. Во время таких контактов знания местного языка оказывались полезными, ибо часто именно они обеспечивали коммерческий успех предпринимателю. Таким образом, странствующие торговцы и ремесленники, в течение нескольких лет работавшие в отдаленных долинах, были единственными временными мигрантами, знакомыми, по крайней мере, с некоторыми словами и выражениями на местных языках.

В отличие от временных мигрантов, постоянные мигранты, как правило хорошо владели языками, на которых говорило окружавшее их местное население. Все опрошенные считали местный доминирующий язык своим основным средством общения с представителями других этнолингвистических групп. Урду, который был так важен для временных мигрантов, для постоянных же по значимости для общения находился только на втором или даже на третьем. Все постоянные мигранты, которые родились и выросли в Северных Территориях, говорили, по крайней мере, на одном из автохтонных языков, независимо от того, проживали ли они в городских поселениях или в сельской местности. В некоторых семьях, как, например, в семье *Ясин Хана*, двадцатилетнего жителя города Гильгит, наряду с пушту и урду также говорили на трех, четырех или более местных языках:

"Семья моего отца, которого все здесь знают под прозвищем *Юнус Кабари*, родом из Баджаура. Мой дед *Мухаммад Хан* приехал в Каракорумский регион около восьмидесяти лет назад. Изначально он и его старший сын работали странствующими торговцами в Гуписе и Ясине. Позже мой дед открыл магазин в Гуписе и поселился там. Там и мой отец родился. В доме моего деда все говорили на пушту. Дед немного знал еще и язык кховар, так как он ранее работал в Читрале. В детстве отец, как и все его братья, общаясь с местными друзьями, овладели языками шина и кховар. Эти знания моему отцу оченьгодились, когда он путешествовал в качестве торговца по местным долинам или работал в магазине моего деда.

Отец моей мамы приходится вторым сыном *Фазил Рахман Хана*, который в 1950-х годах сбежал со своей семьей из Китая в Пакистан. Я очень хорошо помню, как в доме моего деда по материнской линии все помимо пушту также говорили и по-уйгурски. Моя мать этим языком владеет до сих пор. Но теперь, когда ее родителей уже нет в живых, она пользуется им исключительно в общении со своими сестрами, когда они хотят, чтобы мы не понимали, о чем они говорят. После обретения Пакистаном независимости один из младших братьев моего отца, дядя *Махбуб*, приобрел землю в деревне Таус в долине Ясин. Там он построил себе дом, открыл магазин и поселился на постоянное жительство. Один из его сыновей сегодня говорит на местном (верчикварском диалекте) бурушаски. Он его выучил в ходе торговых поездок в верхнюю часть долины. Бурушаски крайне сложный язык, и мало кто из посторонних им владеет. В Гильгите из всех пуштунов только я на нем говорю. А выучил я его ребенком в общении с местными друзьями.

Кроме того, мы с братом, естественно, знаем шина, а также урду и английский. Шина – это главный язык Гильгита, и все в нашем доме свободно на нем говорят. В дополнение, все мужчины в семье знают урду и моя сестра тоже, так как она получила школьное образование. Но английский в школе проходили только мы с братом. Давайте-ка сейчас посчитаем: пушту, шина, бурушаски, кховар, уйгурский, урду и

английский – семь языков, на которых говорят в нашей семье. Иногда я задаюсь вопросом, на каком же из них будут говорить мои дети?"

Гильгит, июль 1996 г.

В соответствии с географическим и численным распределением постоянных пуштунских мигрантов в Северных Территориях, наиболее распространенным автохтонным языком среди них, как видно на примере семейства *Ясин Хана*, был шина. Пуштуны, проживавшие в Гизарском округе, часто, помимо шина, говорили также и на языке кховар. Балти был вторичным языком мигрантов, поселившихся в Балтистане. Знание бурушаски не имело широкого распространения: некоторые пуштуны из Тауса говорили на его верчикварском диалекте, а вышеупомянутый *Ясин Хан* мог общаться на его хунзинском наречии.

Интересно, что никто из опрошенных не владел ваханским языком и думаки. Скорее всего, это объясняется тем, что в местах распространения этих языков не было ни одного постоянного пуштуязычного хозяйства. Другой причиной "неравномерного владения" местными языками постоянными пуштуязычными мигрантами может быть и то обстоятельство, что на бурушаски, ваханском и думаки почти исключительно говорили шииты-двунадесятники и исмаилиты. Считая их непримиримыми антагонистами суннитской интерпретации ислама, большинство пуштунских мигрантов предпочитало ограничить личное общение с ними до минимума.

Так как постоянные мигранты местными языками обычно овладевали в детстве, пуштуны, рожденные и выросшие в Северных Территориях, говорили на них, как правило, почти также свободно, как сами носители языка. Такое двуязычие приводило к ситуациям, в которых, особенно у молодых пуштунских мигрантов, родной язык как средство коммуникации отходил на второй план. Как уже было отмечено выше, мне не раз довелось наблюдать, как молодые пуштуны, будучи членами одной семьи, общались друг с другом на местном доминирующем языке, а на родной пушту переходили только в присутствии отца или

дяди. На мой вопрос относительно их языкового выбора молодые люди отвечали, что предпочитают общаться не на пушту, а на местном языке, что позволяет им "быстрее" и "яснее" выражать свои мысли.

5. ЯЗЫКОВОЙ СДВИГ В СРЕДЕ ПОСТОЯННЫХ ПУШТУНСКИХ МИГРАНТОВ

Разделение носителей разных языков, распространенных в Северных Территориях Пакистана на отдельные группы по языковому принципу, представляет собой некую абстракцию. В крайне разнообразной в лингвистическом отношении среде, преобладающей в Каракорумском регионе, языковые границы зачастую довольно "прозрачны". Например, во время полевых исследований в середине 1990-х гг. я столкнулся с тем, что в местностях, где доминировали языки шина, бурушаски, балти и кховар, на них говорили не только "исконные" носители, но и члены местных этнолингвистических меньшинств, свободно владевшие ими в качестве вторичных языков. Более того, к тому времени некоторые (под-)группы местных этнолингвистических меньшинств уже полностью перешли на доминирующий язык их окружения или находились в процессе такого языкового сдвига. Например, в городе Гильгит все так называемые "кашмирцы" – мигранты, которые прибыли туда в XVIII веке со своим собственным родным языком – давно уже отказались от него в пользу местного диалекта шина. В округе Гизар все представители народности доома полностью перешли со своего родного думак на доминирующие языки шина или кховар, а носители думак, проживавшие в долинах Нагер и Хунза, находились в процессе перехода на шина или бурушаски. В Гильгите и Чиласе семьи недавно прибывших мигрантов, традиционно говоривших на языке индского кохистани, находились в процессе перехода на шина.⁸⁴

⁸⁴ Описанный процесс языкового сдвига в Каракорумском регионе – не новое явление и, по крайней мере, в прошлом, не ограничивался отдельными семьями или малочисленными этнолингвистическими (под-)группами. О его относительной давности свидетельствует местная топонимика, которая, согласно К. П. Цоллеру (Zoller) 2005, с. 19 и сл. указывает на то, что немалая

В процессе языкового сдвига оказалась и часть постоянных пуштунских мигрантов.⁸⁵ Во время полевых исследований в Северных Территориях я неоднократно встречал семьи, в основном проживавшие в сельской местности, которые или уже окончательно отказались от родного пушту в пользу местного доминирующего языка, или находились в процессе перехода. Среди них были семейства, проживавшие в самых разных местах региона, в том числе в долинах Астор и Худдур (округ Диамер), в селе Пакора (Ишкоманская долина, округ Гизар), в городском поселении Чилас и в его окрестностях. Опрошенные в этих местностях, как правило, все еще помнили, что их предки были пуштунами, но ни они сами, ни их дети больше не говорили на пушту, а пользовались исключительно языками шина или кховар.⁸⁶ Один из опрошенных, семидесятилетний *Мухаммад Иса*, проживавший в деревне Таришинг, расположенной в верхней части Асторской долины, поделился воспоминаниями о происхождении своей семьи:

"Мой дед и его брат приехали в эти места около девяноста лет тому назад. Они были родом из долины Сват. Там они убили в споре двоих мужчин из клана местного Хана. Опасаясь кровной мести, они из Свата

часть территории, ныне занимаемой языками шина и индским кохистани, когда-то была заселена носителями языка бурушаски.

⁸⁵ О явлении языкового сдвига в ареале традиционного расселения пуштунских племен см. главу 1.4.

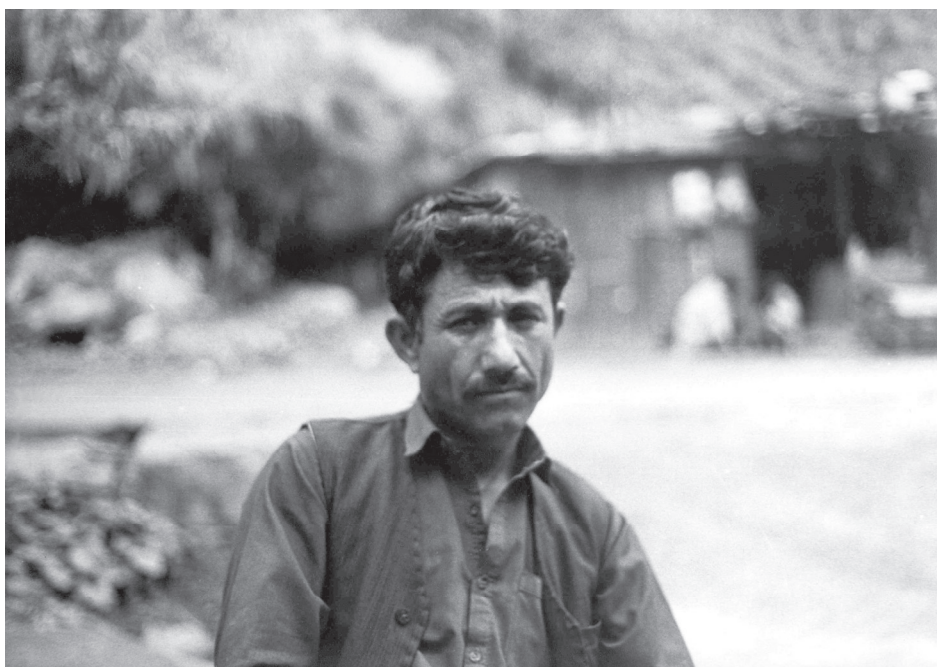
⁸⁶ Похожая ситуация была описана С. Неджима (Nejima 1998, с. 408 и сл.) для верхней части Гизарской долины (округ Гизар), где еще в 1990-е годы некоторая часть местного кховароязычного населения определяла себя самоназванием валие (Walie). Валие утверждали, что они потомки пуштунов племени Кака Хел, которые прибыли в Гизар из Мардана – местности на территории Северо-Западной Пограничной Провинции к северо-востоку от Пешавара. Кроме того, как уже отмечалось в главе 3.1.2.2, сведения о существовании "пуштунских" хозяйств, члены которых говорили исключительно на местном доминирующем языке шина, были собраны Второй немецкой Гиндукушской экспедицией.

сбежали в Кашмир, где поступили на службу к англичанам. Через некоторое время мужчина из Астора рассказал им, что у него на родине можно без особых трудностей приобрести землю. Мой дед и его брат женились на дочерях этого человека и поселились в верхней части долины. Они были умелыми, трудолюбивыми крестьянами и в течение последующих лет смогли приобрести дополнительные сельскохозяйственные угодья. Мой отец унаследовал наши поля, а два его двоюродных брата унаследовали земли его дяди.

Мой дед и его брат умерли в глубокой старости. Они были очень уважаемыми людьми. Однако они так и не научились, как следует говорить на языке шина и всегда общались друг с другом на пушту. Они даже научили своих жен говорить на нем. Я тоже выучился пушту у них, но сейчас я его почти забыл. Мои дети на пушту не говорят, они к нему равнодушны. Правда, сами себя они называют "патан", но делают это только потому, что торговцы-пуштуны здесь в Асторе становятся все более и более влиятельными, и моим детям приятно отождествлять себя с ними. Есть и другие семьи в долине, которые являются потомками пуштунов. Например, семья *Сардара* в Чурите (поселение в верхней части Асторской долины) и семья *Юсуф Хана*, которая проживает здесь, в поселении Астор. Однако никто из них больше не говорит на пушту, их языком теперь является шина".

Селение Астор, март 1995 г.

Из информации, полученной мной от других опрошенных, явствует, что пример семьи *Мухаммад Исы* достаточно типичен для судеб многих ранних пуштуязычных крестьян-поселенцев: после разрыва (добровольного или вынужденного) с прежней родиной и с переездом в Каракорумские горы новоиспеченные мигранты постепенно пускали корни на новом месте, связывая себя – зачастую посредством заключения брака – с коренным населением. Впоследствии, большинство таких мигрантских семейств в течение двух-трех поколений полностью ассимилировалось как в социальном, так и в языковом плане.

Офисный клерк из Султанабада

Естественно, лингвистическая ассимиляция постоянных пуштунских мигрантов не везде и не во всех случаях протекала одинаковым образом.⁸⁷ В середине 1990-х годов обозначились две тенденции: с одной стороны, многое указывало на то, что в целом ряде домашних хозяйств постепенно ограничивалось использование пушту и что их члены в дальнейшем перейдут на доминирующий местный язык. С другой стороны, наблюдаемому явлению языкового сдвига в какой-то мере противостояло стремление к преемственности в использовании пушту в семейной среде.

Явными признаками постепенного перехода от одного языка к другому можно было считать ограниченное использование пушту даже

⁸⁷ Следует отметить, что в середине 1990-х годов в среде временных пуштуязычных мигрантов, проживавших в Северных Территориях, феномена перехода от родного языка на доминирующий местный язык не наблюдалось.

в кругу семьи, а также распространение двуязычия на всех уровнях языкового коллектива. Более того, для ряда исконно пуштуязычных лиц процесс языкового сдвига был уже почти завершен. Достаточно вспомнить тех молодых носителей пушту, которые не упускали случая говорить на местном языке, а также пожилых пуштунов, которые в домашней среде общались на местном языке, а родной пушту использовали только изредка, во время общения с проезжими купцами или с родственниками из соседней деревни (см. главу 4.1).

С другой стороны, о преемственности бытования пушту в семейной среде свидетельствуют данные опроса постоянных пуштунских мигрантов, приведенные в приложении: из 18 семей, в которых имелись дети, только в трех родной язык пушту не передавался молодому поколению. Более того, даже в семьях, основанных на смешанных браках с пуштуязычным отцом, только в двух из пяти случаев дети переняли исключительно родной язык матери.

Точку зрения самих носителей пушту о будущем их родного языка в Северных Территориях выражает следующее, довольно типичное высказывание *Дилавара Хана*, владельца магазина из Гуписа: "Пушту был языком наших дедов. Пушту – язык наших отцов. Как наши дети могут называть себя пуштунами, если они не знают пушту? Как они могут сохранить свою гордость, не владея родным языком?"

5.1. Предпосылки языкового сдвига и его причины

Учитывая вышеприведенные сведения, можно полагать, что в одних домашних хозяйствах постоянных мигрантов в ближайшие десятилетия знание пушту будет полностью утрачено вследствие языкового сдвига в пользу одного из местных языков, а в других – язык будет сохранен. В связи с таким прогнозом зададимся следующими вопросами: во-первых, факторы какого рода (лингвистического, социально-общественного, культурного, экономического характера) больше всего способствуют отмеченному языковому сдвигу? Во-вторых, в какой степени сознательное решение самих носителей пушту ускоряет или противостоит этому процессу?

Хорошо известно, что языковой сдвиг обусловлен не только наличием двуязычия, но и рядом дополнительных, тесно взаимосвязанных факторов. В их числе Т. Тсунода (Tsunoda 2005, с. 57 и сл.) перечисляет социальную и экономическую ситуацию носителей языка, их уровень образования, религиозную принадлежность, густоту расселения по данной местности, регулярность их контактов с носителями родного языка вне семейной среды и т.д.

Все эти факторы играют важную роль в формировании мировоззрения носителей языка, в установлении их внутренней системы ценностей. Именно на основе этой системы ценностей вырабатывается то, что В. Винтер (Winter 1993, с. 313 и сл.) называет "решающим определителем языкового сдвига" – отношение носителя языка к родному языку, поскольку именно оно мотивирует носителя пользоваться родным языком или отказаться от него.

Для того чтобы лучше понять факторы, влияющие на языковой выбор пуштунских мигрантов, небезынтересно сравнить восприятие родного языка в языковом коллективе пуштунов с восприятием такового у носителей думаки – одного из этнолингвистических меньшинств северного Пакистана, также подверженного языковому сдвигу.

5.2. Отношение к родному языку у носителей думаки

Думаки – традиционный язык народности доома (ед.ч.: доом). Доома проживают небольшими группами в окружении более крупных этнолингвистических общин северного Пакистана.⁸⁸ По местным преданиям, предки доома пришли откуда-то с юга. Согласно самим носителям думаки, их прадеды прибывали в места нынешнего проживания отдельными группами в течение длительного времени из Кашмира, Балтистана, Дареля, Тангира и даже из Кашгара (Schmid 1997,

⁸⁸ Этноним "доом" связан с древнеиндоарийским существительным *ḍōmba* – "человек низкой касты, занимающийся пением и музыкой" (Turner 5570) > НИА "музыкант, ремесленник, человек из низшей касты". Согласно Г. Буддрусу (Buddruss) 1983b с. 9, думаки является языком северо-индийских равнин, входящим в состав центральной группы новоиндоарийских языков.

с. 54 и сл.; Weinreich 1999, с. 203). В прежние времена носители думаки традиционно работали кузнецами и музыкантами, но в настоящее время они практикуют и другие профессии. Почти во всех местах их нынешнего проживания доома больше не говорят на своем исконном языке, давно перейдя на местный дардский язык шина. На сегодняшний день думаки сохранились только в расположенных в Гильгитском округе долинах Нагер и Хунза.

Язык думаки можно разделить на два варианта: нагерский думаки и хунзинский думаки. Между этими двумя диалектами существуют некоторые различия на лексическом и морфологическом уровнях, но они не препятствуют общению их носителей между собой. Наряду с родным языком, в 1990-е годы все носители думаки прекрасно владели языками, доминировавшими в принявших их общинах: бурушаски и/или шина. Многие из них также знали урду, которому они научились в школе или во время работы в других регионах Пакистана.

Первая информация о существовании думаки была представлена в середине 1930-х годов известным британским исследователем Д. Л. Р. Лоримером, который отметил, что этим языком пользовалось примерно 330 человек, проживавших более чем в 60 домашних хозяйствах. Хотя Д. Л. Р. Лоример упомянул о широко распространенном двуязычии среди мужчин доома, тенденция к языковому сдвигу им не была отмечена (Lorimer 1939, с. 14 и сл.). Через примерно 50 лет после Д. Л. Р. Лоримера, во второй половине 1980-х, общее число домашних хозяйств доома составляло более 100 единиц, а носителей думаки в одной только долине Хунза насчитывалось около 500 человек.⁸⁹ Из этого следует, что

⁸⁹ Данные разных исследований по количеству носителей думаки в 1980-е и 1990-е годы различаются в деталях: Ж. Фусман (Fussman) 1989, с. 50 оценивает численность думакязычных жителей, проживающих в селе Моминабад (долина Хунза), в около 500 человек. Однако он не представляет каких-либо данных относительно долины Нагер. П. К. Бэкстром (Backstrom) 1992, с. 79 отмечает наличие 70 думакязычных семей в Моминабаде. А. Шмид (Schmid) 1997, с. 19 насчитывает 93 домашних хозяйства народности доома в долине Хунза (в Моминабаде и других деревнях), 49 – в долине Нагер и 24 – в городе Гильгит, но не разъясняет, в скольких из них еще говорили на думаки.

между 1930 и 1980 годами число носителей думаки значительно увеличилось, что находится в полном соответствии с общим демографическим развитием региона (Kreutzmann 2005b, с. 8).

Однако социолингвистическая ситуация 1980-х годов за последующие 20 лет значительно изменилась. Согласно последним оценкам, в 2004 году оставалось всего лишь 350 носителей думаки (Weinreich 2008, с. 299). Эти данные указывают на то, что в основном в результате языкового сдвига рост численности носителей думаки за довольно короткое время пошел на убыль. Если эта негативная тенденция продолжится, для чего, как мы увидим ниже, есть серьезные предпосылки, вполне вероятно, что через одно-два поколения все носители думаки перейдут на бурушаски или на шина, и их исконный думаки (в форме обоих его диалектов) перестанет существовать как живой язык.

Учитывая скоротечность процесса исчезновения думаки, небезынтересно задаться вопросом, почему же его носители с такой готовностью переходят на местные доминирующие языки. Да и почему этот переход происходит именно сейчас, а не, например, во время исследований, проводимых Д. Л. Р. Лоримером в 1930-е годы?

Подобно пуштунским мигрантам, доома при переселении в Каракорумский регион, как правило, не основывали отдельные деревни, а внедрялись в уже существующие местные общины, в которых их до сих пор воспринимают как "приезжих". До начала 1970-х годов доома, проживавшие в автохтонных общинах долин Хунза и Нагер, являлись частью традиционной местной социальной структуры, в которой они занимали наиболее низкое положение. Они были вынуждены жить на окраинах деревень и в принудительном порядке привлекались к выполнению всякого рода "грязной" работы. Члены принимающих их общин не выдавали своих дочерей замуж за доома, и даже гнушались делить с ними трапезу, считая их недостойными. Одним словом, статус доома в традиционном обществе княжеств Нагер и Хунза был таков, что иностранные посетители, знакомые с социальной ситуацией в Индии, часто сравнивали их положение с положением индийских каст "неприкасаемых".

Как минимум на официальном уровне, унижительному положению доома пришел конец в первой половине 1970-х годов вследствие свержения традиционных автократических правителей Нагера и Хунзы и полной интеграции долин в политическую и юридическую систему Пакистана. Воспользовавшись своей новообретенной свободой и социальным равноправием, многие мужчины народности доома покинули родные деревни в поисках работы. Впоследствии они поселились в областном центре Гильгит, а также в городах низинного Пакистана. Кроме того, с течением времени увеличилось число браков с женщинами, не говорящими на думаки, – в частности, с шинаязычными доома из Гильгита и Пуньяла. В своих домашних хозяйствах такие супружеские пары явно создавали предпосылки к утрате думаки, так как двуязычные мужья легко переключались на родной язык своих жен и, соответственно, способствовали принятию его в качестве основного языка их общих детей.

Однако только незначительное количество мужчин доома вступали в брак с недумакиязычными женщинами, а переход на доминирующий язык происходил не только в лингвистически изолированных домашних хозяйствах в Гильгите, но и в традиционных местах жительства доома в Моминабаде (долина Хунза) и в Домьяале (долина Нагер). Если главной причиной языкового сдвига не являлся отрыв от основной части языкового коллектива и не языковая ассимиляция в смешанных браках, то, что же заставляло (и до сих пор заставляет) доома отказываться от родного языка? Ответ на этот вопрос, по моему мнению, тесно связан с социально-экономической ситуацией носителей думаки.

Социально-экономическое положение доома в недавнем прошлом – абсолютно неприемлемое с точки зрения современного человека – оказалось на удивление благодатным для процветания их родного языка. В рамках традиционной общественной структуры носители думаки не имели иного выбора, кроме как быть частью той этнолингвистической группы, в которой они родились. Отказаться от коллективной идентичности и принять другую было просто

немыслимо. В такой ситуации родной язык выполнял для предков нынешних доома две жизненно важные социальные функции. Во-первых, он служил средством "отгорожения" от недружелюбного социального окружения, а во-вторых, он обеспечивал сплоченность собственного коллектива. Соответственно, до тех пор, пока существовала традиционная социальная структура, сохранение думаки было жизненно необходимо носителям этого языка. По этой причине доома, которые проживали в княжествах Нагер и Хунза, несмотря на распространенное в их кругах двуязычие, языковому сдвигу не подвергались.

Однако произошедшая вначале 1970-х гг. смена традиционной автократии на систему, основанную на демократических принципах, нарушила до тех пор господствующую социальную структуру, что, в свою очередь, привело к ослаблению общинных связей и к относительному увеличению индивидуальной свободы. Эти изменения явно работали на пользу доома, позволяя им отказаться от предопределенного положения в обществе и взять судьбу в собственные руки.

Тем не менее, несмотря на то, что за последние 40 лет социальные условия носителей думаки значительно улучшились, многие члены тех общин, в которых проживают представители народности доома, по-прежнему относятся к последним как к какой-то низшей касте.

Такая дискриминация выражается по-разному. Например, во всех Северных Территориях существительное "доом" не воспринимается просто как этноним, как это делается в случае названий "брушо", "шин" или "кхо", а считается серьезным оскорблением. Из-за этого даже сами носители думаки избегают применения слова "доома" для определения своей народности и вместо этого прибегают к клановым названиям (например, накуц, токкуц, цочокуц). Более того, предвзятое отношение окружающих к доома не ограничивается обидами на словесном уровне. Оно также проявляется в дискриминации доома в сфере образования, на рабочем рынке, при предоставлении банковских услуг. Все это приводит к тому, что большинство доома были бы счастливы, избавиться от осложняющей их жизнь коллективной идентичности в

целях достижения социального статуса, соответствующего их индивидуальным заслугам, а не насаждаемого им на основе их этнического происхождения.

Таким образом, если в прошлом язык думаки являлся для народности доома своего рода защитным щитом, то в современных условиях он превратился из старого доброго союзника в тяжкое бремя, в барьер на пути к достижению экономического успеха, препятствующий полной интеграции доома в местное общество.

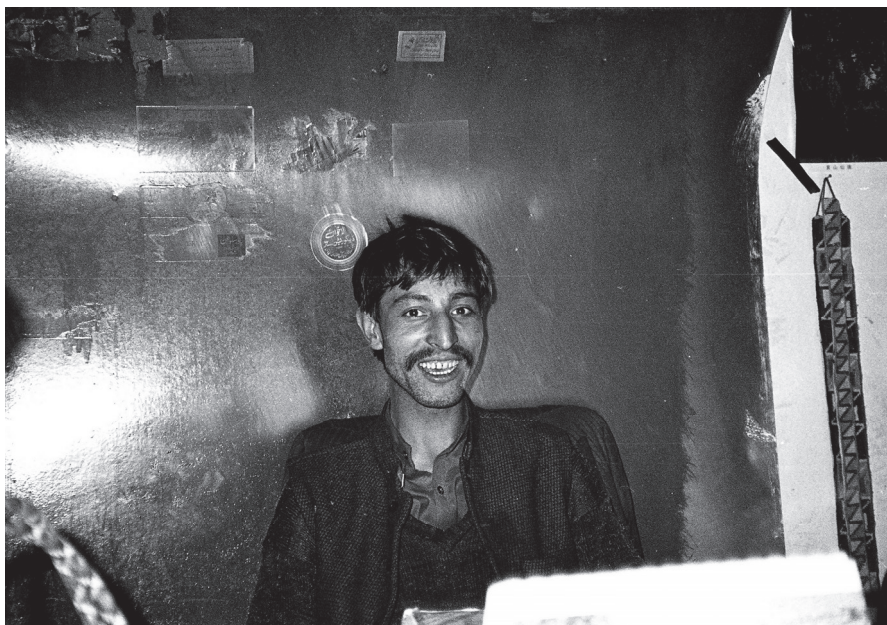
Напряженные отношения между доома и их родным языком проявляются во многих ситуациях. Они выражаются в таких общепринятых утверждениях, как: "думаки – плохой язык", или "в отличие от прошлого, мы сейчас говорим на шина (на бурушаски), теперь это наш родной язык". Об отрицательном отношении к родному языку свидетельствуют также ситуации, когда при появлении постороннего лица собеседники-доома автоматически переходят с думаки на доминирующий местный язык, независимо даже от того, владеет ли посторонний этим языком или нет. Более того, начиная с 1990-х годов, исключительное использование доминирующего местного языка вместо думаки даже официально поощряется лидерами общины доома в Хунзе. В этой связи неудивительно, что большинство все еще полностью думакиязычных родителей, с которыми я столкнулся в середине 1990-х годов, сознательно приняли решение общаться со своими детьми исключительно на шина или бурушаски..

5.3. Социальная функция родного языка у пуштунских мигрантов

Вернемся к постоянным пуштунским мигрантам. Их предки, которые, начиная со второй половины XIX века, прибывали в Северные Территории, в профессиональном смысле были в основном торговцами и ремесленниками, а также занимались сельским хозяйством.

В середине 1990-х годов потомки этих ранних мигрантов проживали со своими семьями, как в городских поселениях, так и в сельской местности. В отличие от своих, только на время приезжающих

соотечественников, обычно использовавших при общении с местным населением урду, все постоянные пуштунские мигранты – мужчины, женщины и дети – владели местными языками (в основном шина, кховар и балти), доминировавшими в той общине, где они проживали. Своим исконным родным языком они пользовались только в домашней среде или в общении с пуштуязычными соседями и торговцами на базаре.

Шабан Али, думакиязычный инженер из долины Нагер

Как уже отмечалось выше, в то время как старшее поколение постоянных мигрантов все еще более или менее свободно говорило на пушту, среди молодых пуштунов часто наблюдалась тенденция к предпочтению доминирующего местного языка. Более того, в период данного исследования многие пуштунские домашние хозяйства находились в процессе замены своего исконного родного языка на язык, доминировавший в окружающей их среде. В других же хозяйствах,

несмотря на то, что соседи их все еще называли "патанами", переход уже завершился и вся семья общалась исключительно на шина или кховар. Однако параллельно (иногда даже в тех же самых деревнях) с домашними хозяйствами, осуществившими языковой сдвиг, существовали и другие, которые не проявляли каких-либо признаков отчуждения от родного языка.

В середине 1990-х годов наиболее характерной разделяющей чертой между пуштунскими домашними хозяйствами, затронутыми языковым сдвигом, и хозяйствами, ему противостоящими, было их экономическое положение.

Домашние хозяйства первого типа, сделавшие свой выбор в пользу другого языка, извлекали средства для своего существования, в основном, из сельского хозяйства, которое в условиях местного малоземелья давало относительно низкий доход. В северном Пакистане, как и в других, подвергнутых модернизации регионах, экономическое благосостояние семьи являлось основным и часто решающим критерием в определении ее социального статуса. Что касается финансовых средств, семьи пуштунских мигрантов с низким доходом не отличались от большинства своих непуштунских соседей, которые, как и они, были простыми крестьянами, едва сводившими концы с концами. Единственной особенностью, которая выделяла их в глазах односельчан от остальных жителей деревни и причисляла их к более низкому социальному статусу, была их "чужеродность". А наиболее явной и часто единственной сохранившейся приметой их "чужеродности" был язык, на котором они разговаривали между собой. Это привело к тому, что многие мигранты-крестьяне, подобно носителям думак, стали воспринимать свой родной язык как препятствие, которое следовало преодолеть с целью достижения более благоприятного социального положения.

Совершенно иная ситуация наблюдалась в семьях постоянных мигрантов, где они, будучи двуязычными, предпочитали использовать пушту наравне с местным доминирующим языком. Главы почти всех таких домашних хозяйств, в основном расположенных в Гильгите и

других городских поселениях, были торговцами или государственными служащими с доходом выше среднего и с соответствующим общественным влиянием. Кроме этого, отличительному статусу таких семей в местном сообществе еще и способствовало физическое присутствие и финансовое влияние их временно мигрировавших соотечественников, а также распространенное по всему Пакистану восприятие пуштунов как представителей трудолюбивого, сплоченного, но вместе с тем жестокого и упрямого племени. Подобное сочетание финансовой обеспеченности, социального влияния и племенного имиджа превратило этих пуштуязычных мигрантов в общественную группу, к которой местные сограждане относились если не с любовью, то, по крайней мере, с уважением и даже с некоторой опаской. Так как принадлежность к этой этнической группе, прежде всего, выражалась во владении пушту, благосостоятельные пуштунские мигранты считали сохранение родного языка важнейшей предпосылкой для отстаивания своего социального статуса.

Таким образом, в наблюдаемых мной ситуациях в середине 1990-х годов решающими факторами в вопросе сохранения или потери родного языка были не наличие или отсутствие возможности регулярно общаться на языке пушту, не география распределение его носителей и не смешанные в языковом смысле браки. Конечно же, все эти аспекты играли определенную роль, но ключевым фактором в данном вопросе оказалось коллективная самооценка носителей языка. Там, где коллективная самооценка социолингвистической группы была высокой – на индивидуальном уровне принималось негласное решение в пользу сохранения родного языка. Родной язык субъективно оценивался, как "полезный инструмент" в социальном и экономическом утверждении мигранта в чужеродной среде. Там же, где коллективная самооценка членов социолингвистической группы была низкой – наоборот, родной язык подсознательно оценивался как "ненужный", не приносящий выгод или даже вредоносный. В этом случае он довольно легко заменялся на другой, более "перспективный" язык.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В апреле 1997 года я завершил свои полевые исследования и уехал из Северных Территорий. После этого я несколько раз возвращался в Пакистан. Самый долгий период был в 2002-2005 гг., когда я работал представителем международной гуманитарной организации в Исламабаде и в Пешаваре. Все эти годы я продолжал интересоваться Северными Территориями, следил за политико-экономическим развитием региона и за судьбами проживающих там друзей и знакомых.

Время не остановилось и в Каракумских горах, и за последние 15 лет многое изменилось в этом регионе. Испытания "исламской" атомной бомбы летом 1998 года, государственный переворот под руководством генерала Мушаррафа в 1999 году и события 11 сентября 2001 года отрицательно повлияли на имидж всего Пакистана. В первую очередь резко сократился приток туристов. В Северных Территориях это привело к закрытию многих магазинов, отелей и турагентств, зависящих от денег иностранных посетителей.

Усилившееся таяние ледников вследствие климатических изменений привело в некоторых районах к частым и разрушительным для посевных полей, дорог и мостов наводнениям, нанося ущерб и без того скудным доходам местных крестьян. В 2010 году около деревни Аттабад (верхняя часть долины Хунза) огромных размеров оползень, спровоцированный землетрясением, полностью перекрыл реку Хунза. Образовавшееся озеро затопило 19-тикилометровый отрезок Каракорумского шоссе. С тех пор переправа людей и товаров между Пакистаном и Китаем, на данном участке осуществляется паромами.

Преобладающая во всем Пакистане политическая и экономическая нестабильность привела, в свою очередь, к обострению конфликта между суннитами и шиитами. В Гильгите и в Диамерском округе это выразилось в частых вооруженных столкновениях между религиозными группировками и растущим отчуждением между представителями разных вероисповеданий. Долгожданные административные реформы, которые должны были привести к большей самостоятель-

ности Северных Территорий, оказались чисто поверхностными, тем самым углубляя недоверие жителей к центральной власти Исламабада и способствуя образованию экстремистских группировок, призывающих к сепаратистскими действиям.

Однако наряду с вышеперечисленным нельзя не отметить и положительные изменения. В 2002 году в Северных Территориях было открыто первое высшее образовательное учреждение – Международный Каракорумский Университет в Гильгите. Центральная власть издала и привела в действие ряд налоговых директив, благоприятствующих развитию региона. Увеличилось количество школ и медицинских учреждений; были построены новые дороги, старые были отремонтированы. Рост торгового оборота с Китаем через Хунджарабский перевал привел к повышению дохода на душу населения, что особенно ощутимо в Гильгите и в Скарду, которые превратились в современные города, связанные все более тесными экономическими узами с остальными частями Пакистана.

Изменилось и многое в жизни моих собеседников. *Сарвар Хан*, потомок торговцев из Гуписа, скончался в 1998 году. Умерли и *Абдул Латиф*, отставной полицейский из Ишкомана, и *Мухаммад Иса* из села Тариншинг, что в долине Астор. *Абдул Каюм*, испаноговорящий торговец коврами из Гильгита, сегодня занимается прокатом джипов и оборудования для приезжих альпинистов, а *Ясин Хан*, потомок кашгарских купцов, перепродает машины, свободные от пошлин и к тому же является счастливым отцом большого многоязычного семейства. *Джилраддж*, который мечтал о собственном отеле, переехал в Патан-таун (Карачи), где работает шеф-поваром небольшого ресторана. *Абдулла Хан*, бизнесмен, а по совместительству контрабандист, покинул Северные Территории и занимается афганской торговлей. *Виляят Хан*, владелец магазина в Султанабаде, сейчас руководит паромным сервисом на Аттаабадском озере в Верхней Хунзе, а младший сын *Мухаммад Исмаил Хана* из Скарду пополнил ряды пакистанских гастарбайтеров в Дубае, где он занимается доставкой жареных куриц на дом.

Что осталось неизменным в течение прошедших 15 лет, так это недоверие и недружелюбные отношения между коренными жителями и пуштунскими мигрантами. Уже в середине 1990-х гг. даже у тех пуштунских мигрантов, которые много лет жили и работали в Северных Территориях, наблюдалась тенденция к неприятию окружающего общества и его культуры. Порой довольно строгие суждения мигрантов о нравах и обычаях местных жителей можно было сопоставить с нелестными определениями последних в адрес пуштунов. Местные не гнушались называть мигрантов жадными, хитрыми и жестокими контрабандистами, обвиняя их в нарушении общественного порядка, в религиозном фанатизме и в увлечении гомосексуализмом.

Традиционное взаимное недоверие усугубилось с наступлением экономического кризиса в стране и порой переходит в открытую агрессию. Несмотря на то, что враждебность местных, как правило, направлена против временных мигрантов, немногие автохтонные жители Северных Территорий готовы провести четкое различие между недавно приехавшими пуштунами и теми, которые проживают в регионе уже не первое поколение. Еще во время моих полевых исследований многие мои пуштунские собеседники, особенно из Гильгита, где уже тогда социальное неравенство и религиозные разногласия часто выливались в межконфессиональные вооруженные стычки, четко осознавали шаткость своего положения. Так, во время бесед на тему политической ситуации в регионе, в высказываниях мигрантов часто можно было улавливать определенную тревогу за собственное будущее. Но вместе с этим они, как всегда, культивировали свой традиционный имидж, пропитанный чувством собственного достоинства и гордым неповиновением.

Я хотел бы завершить данную книгу текстом, записанным мной в декабре 1996 года во время беседы с жителем Гильгита *Мушарраф Ханом*. Его слова четко передают ситуацию, типичную для большинства пуштунских мигрантов – такую, какой она была тогда и какой она, по всей вероятности, будет оставаться в обозримом будущем:

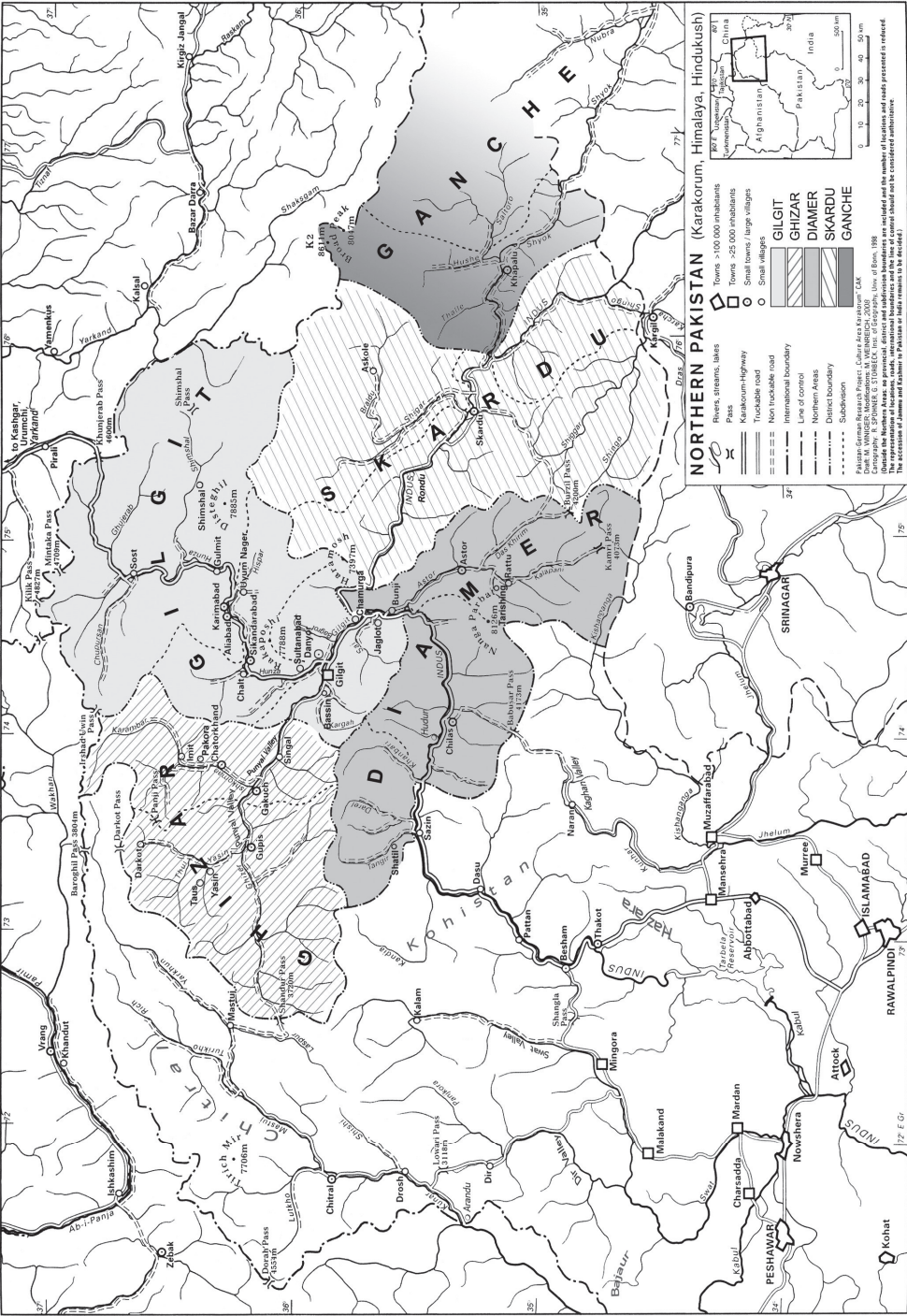
"Моя семья проживает в Северных Территориях уже около 70 лет. По одежде и по всему нашему виду, мы самые обыкновенные жители этого города. Мы говорим на шина также бегло, как наши соседи, мы едим ту же самую пищу, мы отмечаем те же самые праздники, мы радуемся тем же самым событиям и грустим по тем же самым поводам. Но в душе мы – пуштуны. Наши предки приехали сюда из Баджаура, наши дети говорят на пушту и все, что происходит на нашей исторической родине, нам небезразлично. Однако в моей семье вопрос этнического происхождения никогда не поднимался. Пуштун ли ты, шин, яшкун, суннит, или даже шиит – какая там разница, и никакой роли для нас это в прошлом не играло. Важным считалось уважение, которое тебе оказывали люди, а не язык, на котором ты разговаривал, или вероисповедание, которого ты придерживался.

Для меня, как и для многих других, ситуация радикально изменилась после религиозных стычек в 1988 году. Нашей семье повезло: из нас никого не убили и не ранили, но время было страшное. Тебя запросто могли бы избить или даже застрелить только из-за того, что ты исповедовал "не ту" религию. После кровавых событий 1988 года местные жители обвинили пуштунов в сообщничестве с мятежниками, и в доставке оружия в Гильгит с целью наживы от продажи воюющим сторонам. Я не скажу про всех пуштунов, но что касается нас, проживавших в этом городе уже не первое поколение, то нам было не менее страшно, чем нашим соседям, и пострадали мы от этого безобразия также, как все остальные.

События 1998 года – трагедия для всего Гильгита. Но немногие смогли извлечь урок из произошедшего. По-моему, с тех пор ситуация только ухудшилась. Особенно молодежь придерживается все более и более радикальных убеждений. Их необдуманные действия в комбинации с ложью и лицемерием их отцов почти уже окончательно раскололи когда-то мирный и спокойный Гильгит на враждующие друг с другом группировки. Шииты плохо говорят про суннитов, сунниты проклинают шиитов, исмаилиты ни с кем не связываются, шины и яшкуну обижают кашмирцев, а кашмирцы притесняют представителей

народности доома. И когда кому-то хочется "выпустить пар", то пуштуны – самая удобная мишень.

Знаешь, здесь, в Гильгите, многие нас не любят. Они завидуют нашему благополучию и нашим связям, они презирают наши нравы, ненавидят наши религиозные взгляды, и Бог весть, что им там еще не нравится. Это старая история, нам к этому не привыкать. По-моему, самое лучшее, что мы можем сделать, это просто не обращать на все это внимание. Прямо как в пуштунской пословице: "Собаки лают – караван идет". Или, как мой отец, мир его праху, любил говорить: "Нравимся ли мы им или не нравимся, какая нам разница? Мы здесь, и мы здесь надолго, пусть привыкают к нашему присутствию. Вот и все, больше сказать нечего. Разговор окончен".

№.	Отец		Мать		Опрошенный				Жена		Дети	
	Первичный(-ые) язык(и) ¹	Вторичный(-ые) язык(и)	Первичный(-ые) язык(и)	Вторичный язык	Возраст	Первичный(-ые) язык(и)	Вторичный(-ые) язык(и)	Язык(и) вне дома	Первичный(-ые) язык(и)	Вторичный язык	Первичный(-ые) язык(и)	Вторичный язык
1	ПУШ	БАЛ	ПУШ	-	15	ПУШ	БАЛ	БАЛ	-	-	-	-
2	ПУШ	БАЛ	ПУШ	-	17	ПУШ	БАЛ	БАЛ / УРД	-	-	-	-
3	ПУШ	ШИН	ПУШ / ШИН	-	18	ПУШ	ШИН	ШИН	-	-	-	-
4	ПУШ	КХО	КХО	ШИН	18	КХО / ПУШ	ШИН / КХО	КХО	-	-	-	-
5	ПУШ / КХО	БАЛ	ПУШ	БАЛ	20	ПУШ	БАЛ	БАЛ	-	-	-	-
6	ПУШ	ШИН	ПУШ	ШИН	20	ПУШ	ШИН	ШИН / ПУШ	ПУШ	ШИН	-	-
7	ПУШ	ШИН	ПУШ	-	20	ПУШ	ШИН	ШИН / УРД	ПУШ	ШИН	-	-
8	ПУШ	ШИН	ПУШ	-	21	ПУШ	ШИН	ШИН	-	-	-	-
9	ПУШ	КХО	ПУШ	КХО	21	ПУШ	КХО	КХО / ПУШ	-	-	-	-
10	ПУШ / ШИН	-	ШИН	ПУШ	22	ПУШ / ШИН	-	ШИН	-	-	-	-
11	ПУШ	ШИН	ПУШ	ШИН	23	ПУШ	ШИН	ШИН / ПУШ	ПУШ	КХО	ПУШ	-
12	ПУШ	ШИН	ПУШ	-	25	ПУШ	ШИН	ШИН / ПУШ	ПУШ	ШИН	ПУШ	-
13	ПУШ	ШИН	ПУШ	-	25	ПУШ	ШИН	ШИН / УРД	ПУШ	ШИН	ПУШ	-
14	ПУШ	ШИН	ПУШ /	-	25	ПУШ	ШИН	ШИН / УРД	-	-	-	-

¹ Первичный язык: Язык, освоенный от родителей в раннем детстве (родной язык). Вторичный язык: Язык, освоенный вне дома. Опрошенных просили называть тот вторичный язык, который они использовали чаще всего в домашней среде, и те два языка, на которых они чаще всего говорили вне дома. Все данные, относящиеся к матерям и женам, были получены от мужских членов семьи. ПУШ: пушту, ШИН: шина, КХО: кховар, БАЛ: балти, БУР: бурушаски, УРД: урду.

№.	Отец		Мать		Возраст	Опрошенный			Жена		Дети	
	Первичный(-ые) язык(и) ¹	Вторичный(-ые) язык(и)	Первичный(-ые) язык(и)	Вторичный язык		Первичный(-ые) язык(и)	Вторичный язык	Языки вне дома	Вторичный(-ые) язык(и)	Первичный(-ые) язык(и)		Вторичный язык
15	ПУШ	КХО / ШИН	ПУШ	ШИН	26	ПУШ	ШИН	ШИН / УРД	-	-	-	-
16	ПУШ	ШИН	ПУШ	ШИН	27	ПУШ	ШИН	ШИН	ПУШ	КХО	ПУШ	-
17	ПУШ	ШИН	ШИН	-	29	ШИН / ПУШ	-	ШИН	ШИН / ПУШ	-	ШИН / ПУШ	-
18	ПУШ	ШИН	ПУШ	-	30	ПУШ	ШИН	ШИН	ПУШ	БАЛ	ПУШ	ШИН
19	ПУШ	КХО	КХО	ПУШ	34	КХО / ПУШ	-	КХО	КХО	БУР	КХО	-
20	ПУШ	УРД	ПУШ	КХО	36	ПУШ	БАЛ	БАЛ / УРД	ПУШ	БАЛ	ПУШ	БАЛ
21	ПУШ	КХО	ПУШ / КХО	-	40	ПУШ	КХО	КХО / ПУШ	ПУШ	КХО	ПУШ	КХО
22	ПУШ	ШИН	ПУШ	-	44	ПУШ	БАЛ	БАЛ / УРД	ПУШ / ШИН	-	ПУШ	БАЛ
23	ПУШ	ШИН	ШИН	-	47	ШИН / ПУШ	-	ШИН	ШИН	-	ПУШ	ШИН
24	ПУШ	ШИН	ПУШ	-	50	ПУШ	ШИН	ШИН / УРД	ШИН	ПУШ	ПУШ	ШИН
25	ПУШ	ШИН	ШИН	ПУШ	52	ПУШ / ШИН	-	ШИН / УРД	ПУШ	ШИН	ПУШ	ШИН
26	ПУШ	ШИН	ШИН	-	52	ШИН / ПУШ	-	ШИН	ШИН	-	ШИН	УРД
27	ПУШ	ШИН	ПУШ	ШИН	55	ПУШ	ШИН	ШИН	ШИН	ПУШ	ПУШ	ШИН
28	ПУШ	-	ПУШ	КХО	60	ПУШ	БАЛ	БАЛ / УРД	ПУШ	БАЛ	ПУШ	БАЛ
29	ПУШ / ШИН	-	ШИН	-	70	ШИН / ПУШ	-	ШИН	ШИН / ПУШ	-	ШИН / ПУШ	-
30	ПУШ	ШИН	ПУШ	ШИН	75	ПУШ	КХО	ШИН	ПУШ	ШИН	ПУШ	ШИН

Преемственность использования пушту в среде постоянных пуштунских мигрантов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асланов М. Г. *Афганско-русский словарь (пушту)*. Москва, Советская Энциклопедия, 1966, 994сс.
2. Грюнберг А. Л. *Афганский язык [пушту]*, Основы иранского языкознания, том IV, Москва, Наука, 1987а, сс. 6-154.
3. Грюнберг А. Л. *Очерк грамматики афганского языка (пушту)*. Ленинград, Наука, 1987б, 239сс.
4. Дворянков Н. А. *Язык пушту*. Москва, Наука, 1960, 99сс.
5. Дворянков Н. А. *Литературный язык и диалекты пушту в Афганистане*, Народы Азии и Африки, Вып. 2, Москва, 1964, сс. 142-146.
6. Дворянков Н. А. *О развитии пушту как национального литературного языка в Афганистане*, Современные литературные языки стран Азии, Москва, Наука, 1965, сс. 170-191, (205сс.)
7. Дворянков Н. А. *О взаимоотношении пушту с индийскими языками*, Языки Индии, Пакистана и Цейлона, Москва, Наука, 1968, сс. 409-416, (483сс.)
8. Ефимов В.А. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении*, Москва, Наука, 1986, 347сс.
9. Пелевин М. С. *Афганская литература позднего средневековья*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2010, 368сс.
10. Шафеев Д. А. *Краткий грамматический очерк афганского языка*, Русско-афганский словарь, Москва, Издательство иностранных и национальных словарей, 1955, сс. 1035-1174 (1176сс.)
11. Allan J. R. N. *Kashgar to Islamabad: the impact of the Karakorum Highway on mountain society and habitat*, Scottish Geographical Magazine, vol. 105.3, 1989, pp.130-141.
12. Backstrom Peter C. *Domaaki* in Backstrom Peter C., Radloff Carla F. *Languages of Northern Areas (Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan*,

- vol. 2), Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 1992, pp.77-83, 293-295 (417 pp.)
13. Baart Joan L. G., Baart-Bremer Esther *Bibliography of Languages of Northern Pakistan*, Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 2001, 121pp.
 14. Baart Joan L. G. *Sustainable Development and the Maintenance of Pakistan's Indigenous Languages* in Proceedings of the Conference on the State of the Social Sciences and Humanities, Islamabad, Pakistan, 26-27.09.2003.
 15. Barth Fredrik *Indus and Swat Kohistan. An Ethnographic Survey (Studies Honouring the Centennial of the Universitetets Etnografiske Museum, Oslo 1857-1957, vol. 2)*, Oslo. Forenede Trykkerier, 1956, 97pp.
 16. Barth Fredrik, Jahanzeb Miangul *The last Wali of Swat*, Oslo, Univ.-Forl., 1985, 199pp.
 17. Bashir Elena *Topics in Kalasha Syntax: An areal and typological perspective*, University of Michigan: Unpublished PhD dissertation, 1988, 441pp.
 18. Bashir Elena *Khowar-Wakhi Contact Relationships* in Lönne D. W. *Tohfæ-Dil. Festschrift Helmut Nespital*, vol 1, Reinbek, Wezler, 2001, pp.3-17 (576pp)
 19. Bashir Elena *Dardic* in Cardona G. *The Indo-Aryan Languages*, London, Routledge, 2003, pp.818-894 (1061pp.)
 20. Bashir Elena *Contact-induced change in Khowar* in Saeed S. *New Perspectives on Pakistan: Contexts, Realities and Visions of the Future*, Karachi, Oxford University Press, 2007, pp.205-238, (376pp).
 21. Bauer E. *Several Groups of Pashto-Speakers in Pakistan's Northern Areas: Different Ways of Dealing with Multilingual Surroundings (Preliminary Results of Field Research)* in Stellrecht I. *Karakorum-Hindukush-Himalaya, Dynamics of Change, Part 2 (Culture Area Karakorum, Scientific Studies, vol. 4.2)* Köln, Köppe, 1998, pp. 627-640 (678pp).
 22. Bhowmik S. N. *Die Sprachenpolitik der Muslim-League-Regierung und die Entstehung der Bengali-Sprachbewegung in Ostbengalen 1947-1956 (Beiträge zur Südasien-Forschung 144)*, Stuttgart, Steiner, 1993, 408pp.
 23. Biddulph J. *Tribes of the Hindoo Koosh*, Calcutta, 1880, 164pp.

24. Buddruss Georg *Die Sprache von Wotapur und Katarqala. Linguistische Studien im afghanischen Hindukusch*, Bonn, Selbstverlag des Orientalistischen Seminars der Universität Bonn, 1960, 144pp.
25. Buddruss Georg *Neue Schriftsprachen im Norden Pakistans* in Assmann, A. Assmann, J., Hardmeier C. *Schrift und Gedächtnis. Archäologie der literarischen Kommunikation*, München, Fink, 1983a, pp.231-244 (284pp).
26. Buddruss Georg *Domáaki čhot "Ton". Mit Beiträgen zur historischen Lautlehre*, Münchner Studien zur Sprachwissenschaft, 1983b, Bd. 42, München, pp.5-21.
27. Buddruss Georg *Review of Berger 1998*, Orientalistische Literaturzeitung, 2001, vol. 96, pp.153-156.
28. Buddruss Georg, *Linguistic diversity in the Hunza valley* in Kreutzmann H. *Karakoram in Transition. Culture, Development, and Ecology in the Hunza Valley*, Karachi, Oxford University Press, 2006, pp.236-245 (419pp.)
29. Cacopardo Alberto *The Other Kalasha. A Survey of Kalashamun-Speaking People in Southern Chitral (Part 1: The Eastern Area)*, East and West, 1991, vol. 41, Rome, pp.273-310.
30. Cacopardo Augusto *The Other Kalasha. A Survey of Kalashamun-Speaking People in Southern Chitral (Part 2: The Kalasha of Urtsun)*, East and West, 1991, vol. 41, Rome, pp.311-350.
31. Cheung Johnny *Selected Pashto Problems I: The Accent in Pashto*, Persica, 2010, vol. 23, pp.109-121.
32. Cheung Johnny *Selected Pashto Problems II. Historical Phonology 1: On Vocalism and Etyma*, Iran and the Caucasus, 2011, vol. 15, Leiden, Brill, pp.169-205.
33. Dani, A.H. *History of Northern Areas of Pakistan*, Islamabad, 1989 [Second Edition: Islamabad, 1991].
34. Decker Kendall D. *Factors affecting language maintenance and shift in Chitral District, Pakistan*. University of Arlington (Texas): Unpublished Master Thesis, 1992a, 104pp.

35. Decker Kendall D. *Languages of Chitral (Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan, vol. 5)*, Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 1992b, 257pp.
36. Dittmann Andreas *The Bazaars of Gilgit: Ethnic and Economic Determinants of Centrality* in Stellrecht, I. *Problems of Comparative High Mountain Research with Regard to the Karakorum (Occasional Papers, No. 2)*, Tübingen, Universität, 1995, pp.118-130 (156pp.).
37. Dittmann Andreas *Ethnic Groups and Bazaar Economy in Baltistan* in Dodin T., Räther H. *Recent Research on Ladakh 7 (Ulmer Kulturanthropologische Schriften, Bd. 9)*, Ulm, Universität, 1997a, pp.117-134 (496pp).
38. Dittmann Andraes *Central Goods and Ethno-Linguistic Groups in the Bazaars of Northern Pakistan: An Example of Central Place Theory Modifications in Mountainous Environments* in Stellrecht I., Winiger M. *Perspectives on History and Change in the Karakorum, Hindukush and Himalaya (Culture Area Karakorum, Scientific Studies, vol. 3)*, Köln, Köppe, 1997b, pp.119-133 (509pp.).
39. Dittmann Andreas *Raum und Ethnizität. Konfliktfelder und Koalitionen in multi-ethnischen Bazaren Nordpakistans* in Grugel A., Schröder I. W. *Grenzziehungen: Zur Konstruktion ethnischer Identitäten in der Arena sozio-politischer Konflikte (Mosaik der Kulturen, Bd. 2)*, Frankfurt a.M., Verlag für interkulturelle Kommunikation, 1998, pp.45-78. (180pp.).
40. Faggi P., Ginestri M. *La rete dei bazar nell'alta valle del l'Indo*, Rivista Geografica Italiana, Annata LXXXIV, Settembre-Dicembre 1977, fasc. 3-4, Firenze, pp.315-349; 428-450.
41. Fautz Bruno *Sozialstruktur und Bodennutzung in der Kulturlandschaft des Swat (Nordwesthimalaya) (Gießener Geographische Schriften, vol. 3)*, Gießen, Schmitz, 1963, 119pp.
42. Government of Azad Kashmir *Census of Azad Kashmir 1951 (Azad Kashmir, Gilgit & Baltistan. Report & Tables)*, Murree, Government Printing, 1951, 27 pp.
43. Fussman Gérard *Atlas linguistique des parles Dardes et Kafirs, vol. 2*, Paris, École Francaise d'Extrême Orient, 1972, 451pp.

44. Fussman Gérard *Languages as a source for history* in Dani A. H. *History of Northern Areas of Pakistan*, Islamabad, National Institute of Historical and Cultural Research, 1989, pp.43-57 (532pp.)
45. General Staff India, *Military Report and Gazetteer of the Gilgit Agency and the Independent Territories of Tangir and Darel*, Simla, 1928.
46. Glatzer Bernt *The Pashtun Tribal System* in Pfeffer G., Behera D. K. *Concept of Tribal Society (Contemporary Society: Tribal Studies, vol. 5)*, New Delhi, Concept Publications, 2002, pp. 265-282, http://liportal.giz.de/fileadmin/user_upload/oeffentlich/afghanistan/40_gesellschaft/glatzer_pashtun_tribal_system.pdf.
47. Government of Pakistan *1998 Census Report of Pakistan*, Islamabad, Population Census Organization, Statistics Division, 2001, 56pp, <http://www.census.gov.pk>.
48. Grierson, George A. *Linguistic Survey of India, volume 10, Specimens of languages of the Eranian family*, Calcutta, Superintendent Government Printing, 1921 (549pp.)
49. Hallberg Daniel G. *Pashto: A Sociolinguistic and Dialect Study* in Hallberg Daniel G. *Pashto, Waneci,Ormuri (Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan, vol. 4)*, Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 1992a, pp.1-44, 80-164 (176pp.).
50. Hallberg Daniel G. *The Languages of Indus Kohistan* in Resch C. R., Decker J. D, Hallberg Daniel G. *Languages of Kohistan (Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan, vol. 1)*, Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 1992b, pp.83-144 (263pp.)
51. Hallberg Daniel G. *Ormuri* in Hallberg Daniel G. *Pashto, Waneci, Ormuri (Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan, vol. 4)*, Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 1992c, pp.53-64, 80-164 (176pp.)
52. Hanaway William L., Mumtaz Nasir *Chapbook Publishing in Pakistan* in Hanaway W. L., Heston W. *Studies in Pakistani Popular Culture*, Lahore, Lok Virsa Publishing House, 1996, pp.339-615 (615pp).
53. Hay W. R. *The Yusufzai State of Swat*, The Geographical Journal, 1934, vol. 84.3, pp.236-246.

54. Heegaard J. *Variational patterns in vowel length in Kalashamon* in Niemi J., Odlin T., Heikkinen J. *Language Contact, Variation, and Change* (*Studies in Languages* 35), Joensuu, University of Joensuu, 1998, pp.125-135 (286pp.).
55. Heegaard, J. *Linguistic and political Aspects of alphabet-making for a threatened language* in Lindberg C.-E., Nordahl Lund S. *17th Scandinavian Conference of Linguistics*, vol. 2 (*Odense Working Papers in Language and Communication* 19. 2) Odense, university of Southern Denmark, Institute of Language and Communication, 2000, pp.161-175 (275pp.).
56. Henderson M. *Four Varieties in Pashto*, *Journal of the American Oriental Society*, 1983, vol. 103.3, pp.595-597.
57. Henderson M.T. *Some Indic Features in Pashto*; 2010, <http://www.idmarch.org/document/Indo-Iranian%20languages/3TTD/SOME%20C2%A7INDIC%2%A8%20FEATURES%20IN%20PASHTO%20Michael%20M.%20T.%20Henderson%20University%20of%20Wisconsin-Madison> (5pp.)
58. Herbers H., Stöber G. *Bergbäuerliche Viehhaltung in Yasin (Northern Areas, Pakistan): Organisatorische und rechtliche Aspekte der Hochweidenutzung*, *Petermanns Geographische Mitteilungen*, 1995, Bd. 139.2, pp.87-104.
59. Holdschlag A. *"... a curious and intricate ethnological puzzle": Diversität und rezente interkulturelle Interaktionsprozesse im Hochgebirge Nordwestpakistans*, Heidelberg, Universität Heidelberg, Südasien-Institut, 2006, www.ub.uni-heidelberg.de/archiv/6369.
60. Holzwarth, W. *Materialien zur Geschichte des Karakorum und östlichen Hindukusch, 1500–1800*, Manuscript. Berlin, 1999.
61. Hunzai Izhar *Conflict Dynamics in Gilgit-Baltistan*, United States Institute of Peace. Special Report, 2013, vol. 321, <http://www.usip.org/files/resources/SR321.pdf> (16pp.)
62. Israr-ud-Din (1969): *The people of Chitral: a survey of their ethnic diversity*, *Pakistan Geographical Review*, Vol. 24, pp. 45-57.

63. Jahani Carina, Korn Agnes (eds.) *The Baloch and Their Neighbours: Ethnic and Linguistic Contact in Balochistan in Historical and Modern Times*, Wiesbaden, Reichert, 2003, 328pp.
64. Jettmar Karl *Soziale und wirtschaftliche Dynamik bei asiatischen Gebirgsbauern (Nordwestpakistan)*, Soziologus, N.F., Jg. 10.2, 1960, pp. 120-138.
65. Jettmar, K. (1961): *Ethnological Research in Dardistan 1958. Preliminary Report*, Proceedings of the American Philosophical Society, vol. 105, 1961, pp. 79-97
66. Jettmar Karl *Die Religionen des Hindukusch*, Stuttgart, Kohlhammer, 1975, 525pp.
67. Jettmar Karl *Bolor - a contribution to the political and ethnic geography of North Pakistan*, Zentralasiatische Studien, 1977, vol. 11, pp.411-448.
68. Kieffer Ch. M. *L'etablissement des cartes phonetiques: premiers resultats* in Redard G., Kieffer Ch. M., Sana S. *L'atlas linguistique des parlers iraniens: Atlas de l'Afghanistan*, (Institut für Sprachwissenschaft, Arbeitspapiere, vol. 13), Bern, Universität Bern, 1974, pp.21-91 (129pp).
69. Kluck P. A. *The society and its environment* in Nyrop R. F. *Area handbook for Pakistan*, Washington, US Government Printing Office, 1975, pp. 65-130 (455pp).
70. Knight, E. F. *Where three Empires Meet*, London, 1893 [Reprint: Asian Educational Services 1993].
71. Korn Agnes *The Ergative System in Balochi from a Typological perspective*, Iranian Journal of Applied Language Studies, 2009, vol. 1.1, Uppsala University, Linguistics Society of Iran, University of Sistan and Baluchestan, pp. 43-79.
72. Kreutzmann Hermann *The Karakoram Highway - Impact of Road Construction on Mountain Societies*, Modern Asian Studies 25.4, 1991, pp. 711-736.
73. Kreutzmann Hermann *Sprachenvielfalt und regionale Differenzierung von Glaubensgemeinschaften im Hindukush-Karakorum*, Erdkunde. Archiv für wissenschaftliche Geographie, 1995, vol 49, pp.106-121.

74. Kreutzmann Hermann *Ethnizität im Entwicklungsprozeß. Die Wakhi in Hochasien*, Berlin, Reimer, 1996, 488pp.
75. Kreutzmann Hermann *Sprachdifferenzierung in Ost-Hindukush und Karakorum* in Kushew V.V., Luzhetskaia N.L., Rzehak L., Steblin-Kamensky I. M. *Central Asia. Eastern Hindukush*, St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998, pp.83-108, 387pp.
76. Kreutzmann Hermann *The Karakoram Landscape and the Recent History of the Northern Areas* in Bianca S. *Karakoram: Hidden Treasures in the Northern Areas of Pakistan*, Torino, Aga Khan Trust for Culture, 2005a, pp.41-76. (322pp)
77. Kreutzmann Hermann *Linguistic diversity in space and time: A survey in the Eastern Hindukush and Karakoram*, Himalayan Linguistics, 2005b, vol. 4, pp.1-24, 24pp.
78. Kushev Vladimir *Areal Lexical Contacts of the Afghan (Pashto) Language (Based on the Texts of the XVI-XVIII Centuries)*, Iran and the Caucasus, 1997, vol. 1, pp.159-166.
79. Lentz Wolfgang *Ein Lateinalphabet für das Paschto*, Berlin, 1937, 13pp.
80. Lobsang Ghulam Hassan *Short sketch of Balti grammar, a Tibetan dialect spoken in Northern Pakistan* (Institut für Sprachwissenschaft: Arbeitspapier 34), Bern, Universität Bern, 1995, 50pp.
81. Lorenz Manfred *Lehrbuch des Pashto (Afghanisch)*, Leipzig, Enzyklopädie, 1979, 303pp.
82. Lorimer David L. R. *The Phonology of the Bakhtiari, Badakhshani, and Madaglashti-Dialects of Modern Persian*, London, Royal Asiatic Society, 1922, 205pp.
83. Lorimer David L. R. *The Dumaki language. Outlines of the speech of the Doma, or Bericho, of Hunza* (Publications de la Commission d'Enquête Linguistique 4), Nijmegen, Comité International Permanent des Linguistique, 1939, 244pp.
84. Lorimer, Emily O. *Language hunting in the Karakoram*, London, George Allen and Unwin Ltd., 1939, 310pp.
85. MacKenzie David N. *A Standard Pashto*, Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1959, vol. 22, pp. 231-235.

86. Morch Ida Elisabeth *How Fast Will a Language Die When It Is Officially No Longer Spoken?* Odense Working Papers in Language and Communication 2000, vol. 19, pp.125-134.
87. Morgenstierne Georg *Report on a linguistic mission to North-Western India*, Oslo, Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning, 1932, 74 pp.
88. Morgenstierne Georg *Notes on Tirahi*, Acta Orientalia, 1934, vol. 12, pp. 161-189.
89. Morgenstierne Georg *Iranian Elements in Khowar*, Bulletin of the School of Oriental Studies, 1936, vol. 8, no. 2/3, pp. 657-671.
90. Morgenstierne Georg *Indo-Iranian frontier languages, volume 2: Iranian Pamir languages*, Oslo, Ashehoug, Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning, 1938, 465pp.
91. Morgenstierne Georg *Archaisms and Innovation in Pashto Morphology*, Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1942, vol. 12, pp. 88-114.
92. Morgenstierne Georg *Some Features of Khowar Morphology*, Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1947, vol. 14, pp. 5-28.
93. Morgenstierne Georg *Notes on Gawar-Bati* (Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps Akademi Oslo, II. Historisch-Filosofisk Klasse, 1), Oslo 1950, 62pp.
94. Morgenstierne Georg *Neu-iranische Sprachen* in Spuler B., Franke H., Gonda J. *Handbuch der Orientalistik, Band 4 (Iranistik), Abschnitt 1 (Linguistik)*, Leiden-Köln, Brill, 1958, pp.155-178, 244 pp.
95. Morgenstierne Georg *Dardic and Kafir Languages* in Lewis B., Pellat C., Schacht J. *The Encyclopedia of Islam, New Edition*, vol. 2, fasc. 24, Leiden, Brill, 1961, pp.138-139.
96. Morgenstierne Georg *The Place of Pashto among the Iranic Languages and the Problem of Constitution of Pashtun Linguistic and Ethnic Unity*, Pashto Quarterly, 1977, vol. 1.4, Kabul, Pashto Language Academy, pp.43-55.
97. Munnings David *Towards a sociolinguistic profile of the Khowar language*, Unpublished Manuscript, 1990, 137pp.

98. Munpool Meer Moonshee, *On Gilgit and Chitral*, Proceedings of the Royal Geographical Society, Vol. XIII, Session 1868-9, Nos. I to V, London, 1869, pp. 130-133.
99. Nichols Robert *A history of Pashtun migration, 1775-2006*, Karachi, Oxford University Press, 2008, 266pp.
100. Nejima Susumu, *Diversity of Lineages in Ghizr, Northern Areas, Pakistan* in Stellrecht I. Karakorum-Hindukush-Himalaya, Dynamics of Change (Culture Area Karakorum Scientific Studies, Vol 4. II), Köln 1998, pp. 405-416.
101. O'Leary Clare F. (ed.) *Sociolinguistic survey of northern Pakistan*, vol. 1: *Languages of Kohistan*, vol. 2: *Languages of Northern Areas*, vol. 3: *Hindko and Gujari*, vol. 4: *Pashto, Wanechi,Ormuri*, vol. 5: *Languages of Chitral*, Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 1992.
102. Olson R., Rashid M. *A Speaking Afghan Pashto: Eastern Afghan Dialect*, Peshawar, InterLit Foundation Inc., 1996, 434pp.
103. Penzl Herbert *A grammar of Pashto: A descriptive study of the dialect of Kandahar Afghanistan*, Washington (D.C.), American Council of Learned Societies, 1955, 169pp.
104. Penzl Herbert *Western Loanwords in Modern Pashto*, Journal of the American Oriental Society, 1961, vol. 81.1, pp.43-52.
105. Rahman Tariq, *Pashto language and identity formation in Pakistan*, Contemporary South Asia, vol. 4, no. 2, 1995, pp.151-120.
106. Rahman Tariq, *Language and Politics in Pakistan*, Karachi, Oxford University Press, 1996a, 320pp.
107. Rahman Tariq, *Language and Ethnicity in Pakistan*, Asian Survey, 1997, vol. 37, no. 9, pp.833-839.
108. Rahman Tariq, *Language, Power and Ideology*, Economic and Political Weekly, 2002, vol. 37, no. 44/45, pp.4556-4560.
109. Rahman, Tariq, *Language Policy and Localization in Pakistan: Proposal for a Paradigmatic Shift*. Crossing the Digital Divide, SCALLA Conference on Computational Linguistics, 2003.
110. Rahman Tariq, *Language Policy, Multilingualism and Language Vitality in Pakistan* in Saxena A., Borin L. *Trends in Linguistics: Lesser-Known*

- Languages of South Asia-Status and Policies, Case Studies and Applications of Information Technology*, Berlin-New York, de Gruyter, 2006, pp.73-104 (386pp).
111. Rehman Khawaja, A., Baart Joan L.G. *A First Look at the Language of Kundal Shahi in Azad Kashmir*, SIL International, 2005, <http://www.sil.org/silewp/2005/silewp2005-008.pdf>.
 112. Reinhold Beate, *Neue Entwicklungen in der Wakhi-Sprache von Gojal (Nordpakistan). Bildung, Migration und Mehrsprachigkeit*, Wiesbaden, Harrassowitz, 2006, 333pp.
 113. Rensch Calvin R., *Patterns of Language use among the Kohistanis of the Swat Valley* in Rensch C. R., Decker J. D., Hallberg D.G *Languages of Kohistan (Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan vol.1)*, Islamabad, National Institute of Pakistan Studies, 1992, pp.3-62. (263pp).
 114. Rieck Andreas, *The Nurbakhshis of Baltistan: Crisis and Revival of a Five Centuries Old Community*, Die Welt des Islams, Neue Serie, 1995, vol. 35.2, pp.159-188.
 115. Schmid Anna, *Die Dom zwischen sozialer Ohnmacht und kultureller Macht. Interkulturelle Beziehungen in Nordpakistan* (Beiträge zur Südasienforschung 179), Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1997, 313pp.
 116. Septfonds Daniel, *Le Dzadrani. Un parler pashto du Paktya (Afghanistan)*, Louvain-Paris, Peeters, 1994, 395pp.
 117. Septfonds Daniel, *Review of "A New Etymological Vocabulary of Pashto"*, *Studia Iranica*, 2006, vol. 35, pp.109-14.
 118. Skjærvø Prods Oktor *Pashto* in Schmitt Rüdiger *Compendium Linguarum Iranicarum*, Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989, pp.384-410 (529pp.)
 119. Sökefeld Martin, *Ein Labyrinth von Identitäten in Nordpakistan. Zwischen Landbesitz, Religion und Kaschmir-Konflikt* (Culture Area Karakorum, *Scientific Studies*, vol. 8), Köln, Köppe, 1997, 383pp.
 120. Sökefeld Martin, *On the Concept of "Ethnic Group"* in: Stellrecht Irmtraud *Karakorum-Hindukush-Himalaya, Dynamics of Change, Part 2* (Culture Area Karakorum, *Scientific Studies*, vol 4.2), Köln, Köppe, 1998a, pp.383-403 (678pp).

121. Sökefeld Martin, *Stereotypes and Boundaries: Pathan in Gilgit, Northern Pakistan* in Kushew V. V., Luzhetskaia N. L., Rzehak L., Steblin-Kamensky I. M. *Central Asia. Eastern Hindukush*, St. Petersburg, Oriental Studies, 1998b, pp.280-299.
122. Staley John *Economy and Society in Dardistan: Traditional Systems and the Impact of Change*, Unpublished Manuscript, University of Punjab, 1966, 317pp.
123. Staley John, *Economy and Society in the High Mountains of Northern Pakistan*, Modern Asian Studies, 1969, vol.3.3, pp.225-243.
124. Sullivan Celeste, *Language Use in Lahore: The Role of Culture, Social Structure, and Economics in Shaping Communication Patterns and Language Form in a Pakistani Multilingual Community*, Ph.D. dissertation, Brown University, 2005, 215pp.
125. Tegey Habibullah, Robson Barbara, *A Reference Grammar of Pashto*, Washington D.C., Centre of Applied Linguistics, 1996, 230pp.
126. Thakur Singh, *Assessment Report of the Gilgit Tahsil*, Lahore, 1917.
127. Tikkanen Bertil, *On Burushaski and other ancient substrata in Northwestern South Asia*, Studia Orientalia (Helsinki), 1988, vol. 64, pp.303-325.
128. Tikkanen Bertil, *Languages of interethnic communication on the Indian subcontinent (excluding Nepal)* in Wurm S. A., Mühlhäusler P., Tryon D. T. *Atlas of languages of intercultural communication in the Pacific, Asia, and the Americas 2.1*, Berlin-New York, Mouton de Gruyter, 1996, pp.787-798 (798pp).
129. Tsunoda Tasaku, *Language Endangerment and Language Revitalisation (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, vol. 148)*, Berlin-New York, Mouton de Gruyter, 2005, 307pp.
130. Turner Ralph L. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*, vol.1, London, Oxford University Press 1966, 841p.
131. Watkins Francis, *Save there, eat here: Migrants, households and community identity among Pakhtuns in northern Pakistan*, Contributions to Indian Sociology, 2003, vol. 37.1-2, pp.59-81.

132. Weinreich Matthias, *Der Domaaki-Dialekt von Nager*, Studien zur Indologie und Iranistik, 1999, vol. 22, pp.203-214.
133. Weinreich Matthias, *Die Pashto Sprecher des Karakorum. Zur Migrationsgeschichte einer ethno-linguistischen Minderheit*, Iran and the Caucasus, 2001, vol. 5, pp.285-302.
134. Weinreich Matthias, *Pashto im Karakorum. Zur Sprachsituation und Sprache einer ethno-linguistischen Minderheit*, Iran and the Caucasus, 2005, vol. 9.2, pp.301-330.
135. Weinreich Matthias, *Two Varieties of Domaakí*, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 2008, vol. 158, pp.299-316.
136. Weinreich Matthias, *We Are Here to Stay. Pashtun Migrants in the Northern Areas of Pakistan*, Berlin, Klaus Schwarz Verlag, 2009, 118pp.
137. Weinreich Matthias, *Language Shift in Northern Pakistan: The Case of Domaakí and Pashto*, Iran and the Caucasus, 2010, vol. 14, pp.43-56.
138. Winter Werner, *Some conditions for the survival of small languages* in Jahr Ernst H. *Language Conflict and Language Planning (Trends in Linguistics. Studies and Monographes*, vol. 72), Berlin-New York, Mouton de Gruyter, 1993, pp.299-314 (320pp.)
139. Zaman Muhammad, *Report on a Language Survey Trip to the Bishigram Valley*, 2002, http://www.geocities.com/kcs_kalam/ushoji.html.
140. Zoller Claus. P., *A Grammer and Dictionary of Indus Kohistani*, vol. 1: *Dictionary*, Berlin, Mouton de Gruyter, 2005, 507pp.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	7
Введение.....	9
1. Социолингвистическая ситуация в ареале традиционного расселения пуштунских племен в Пакистане.....	23
1.1. Общие социолингвистические условия.....	23
1.2. Литературный язык, диалекты и надрегиональные варианты пушту.....	27
1.3. Роль и значение пушту в сознании носителей языка.....	31
1.4. Контактные языки пушту.....	34
2. Социолингвистическая ситуация в Северных Территориях Пакистана	37
2.1. Географический и социолингвистический ландшафт.....	37
2.1.1. Распределение языков и их лингвистическая принадлежность.....	38
2.1.2. Историческое происхождение и религиозная принадлежность носителей местных языков.....	44
3. История миграции.....	51
3.1. Пуштуязычные мигранты в Северных Территориях Пакистана	52
3.1.1. Доколониальный период (до 1892-го г.).....	52

3.1.2. Кашмиро-британское колониальное господство	57
3.1.2.1. Торговля и ремесло.....	59
3.1.2.2. Сельское хозяйство.....	69
3.1.2.3. Другие виды деятельности.....	73
3.1.3. После создания Пакистана.....	75
3.1.3.1. До открытия Каракорумского шоссе.....	77
3.1.3.2. После открытия Каракорумского шоссе.....	91
4. Языковая коммуникация в среде пуштуязычных мигрантов	117
4.1. Условия применения пушту	117
4.2. Междиалектная коммуникация	120
4.3. Поддержание языка пушту.....	128
4.4. Урду как средство коммуникации для пуштунов.....	130
4.5. Применение пуштунами местных языков.....	135
5. Языковой сдвиг в среде постоянных пуштунских мигрантов.....	141
5.1. Предпосылки языкового сдвига и его причины.....	145
5.2. Отношение к родному языку у носителей думаки.....	146
5.3. Социальная функция родного языка у пуштунских мигрантов.....	151
Послесловие.....	155
Приложения.....	161
Библиография.....	165